

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Клейтман А.Л.** Материалы научной экспедиции Г.М. Ловица и П.Б. Иноходцева 1769–1774 годов как источники по истории Нижнего Поволжья 3
- Кайль А.В.** «Гражданин» князя В.П. Мещерского 8
- Кочукова О.В.** «Справедливость требует спросить самих крестьян...»: опыт диалога либеральных реформаторов с крестьянами накануне 1861 года 16
- Шпаковская С.В.** Информационное обеспечение Великой реформы в Российской региональной печати середины XIX века (на примере печатных изданий Пензенской области) 21
- Латыпов И.Р.** Численность старообрядчества Казанской губернии в XIX – начале XX века 24
- Морозов А.Г.** Проекты реформы университетов в России в начале XX века 30
- Сачкова Г.С.** Частные библиотеки в России: библиотека А.С. Норова 34
- Мосолкин С.В.** Роль адвокатов в политических процессах 1905 года 39
- Порошин А.А.** Из истории аттестования офицеров в Русской армии 46
- Булатов И.А.** О.И. Пантюхов как символ единства русских скаутов 50
- Синельникова Е.Н.** Сюжеты о российской истории в представлениях русской эмиграции первой волны 55
- Александров А.А.** Формирование и принятие политического решения о вводе российских войск в Чечню (1992–1994 годы) 60

Всеобщая история

- Философов И.Ю.** Климатическая катастрофа 535–536 годов, «возвращение герулов» и миф о Рагнарёке 65
- Алдаркин С.А.** «Поход бедноты» в описании автора анонимной хроники «Деяния франков и прочих иерусалимцев» 69
- Донецкий П.Б.** «Поездка» святых реликвий в восприятии аббата Гвиберта Ножанского 72
- Шпаковский В.О.** Английский историк Д. Николь о вооружении воинов Византии (историография вопроса) 75
- Ильиченко Э.В.** П.–Ш. Левек об Иване Грозном 77
- Зайцева М.А.** Роль зрелищных мероприятий в досуге американцев времен Великой депрессии 82
- Астахова М.А.** «Турецкая модель развития» и причины ее несостоятельности для постсоветских стран Прикаспийского региона (1992–1993 годы) 87

История Саратовского края

- Рабинович Я.Н.** Саратовский воевода Владимир Владимирович Аничков (1607–1608) 92
- Тотфалушин В.П.** Иностранцы Саратовской губернии в 1812 году: опыт коллективного портрета 98
- Зайцев М.В.** Муниципальные кредитные учреждения Саратова последней трети XIX – начала XX века 101
- Лосин Д.О.** Доходные дома в Саратове 107
- Козурман С.О.** Формы эвакуации населения из Саратовской области в годы Великой Отечественной войны 113

Сведения об авторах 122

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич
Аксеновская Людмила Николаевна
Аникин Валерий Михайлович
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Дыльнов Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Монахов Сергей Юрьевич
Орлов Михаил Олегович
Прозоров Валерий Владимирович
Прохоров Дмитрий Валентинович
Смирнов Анатолий Константинович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Черевичко Татьяна Викторовна
Чумаченко Алексей Николаевич
Шатилова Алла Валерьевна
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич

Заместители главного редактора

Чернова Лариса Николаевна
Герман Аркадий Адольфович

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич

Члены редакционной коллегии:

Галяничев Александр Николаевич
Голуб Юрий Григорьевич
Креленко Наталия Станиславовна
Мезин Сергей Алексеевич
Монахов Сергей Юрьевич
Черевичко Татьяна Викторовна
Чолахян Вачаган Альбертович
Шенин Сергей Юрьевич

Зарегистрировано

в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисуночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Агальцова Людмила Владимировна

Корректор
Крылова Инна Геннадиевна

Адрес редакции
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 16.05.11.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Уч.-изд. л. 15,2.

Тираж 500 экз. Заказ 26.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный
университет, 2011

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Kleytman A.L.** The Materials of the G.M. Lowitz and P.B. Inokhodtsev's Scientific Expedition (1769–1774) as the Sources on the History of the Low Volga Region 3
- Kayle A.V.** The «Citizen» of Prince V.P. Meshchersky 8
- Kochukova O.V.** «Justice Demands to Ask Peasants...»: Experience of Dialogue of Liberal Reformers with Peasants on the Eve of 1861 16
- Shpakovskaya S.V.** Information Support of «Great Reform» in Russian Provincial Publishing in the Middle of the 19th Century (Regional Newspapers of Penza Region are Taken as a Subject of the Research) 21
- Latypov I.R.** Number Old Believer the Kazan Province in XIX – the Beginning of XX Centuries 24
- Morozov A.G.** Reform Projects of Universities in Russia at the Beginning of XX Century 30
- Sachkova G.S.** Private Libraries in Russia: A.S. Norov' Library 34
- Mosolkin S.V.** Role of Lawyers at Political Trials in 1905 39
- Poroshin A.A.** Some Facts from the History of Evaluation of Militari Officers in the Russian Armi 46
- Bulatov I.A.** O. I. Pantuhoff Like a Symbol of Russian Scouts Unity 50
- Sinelnikova E.N.** Topics on Russian History in Imagination of Russian Emigration of the First Wave 55
- Alexandrov A.A.** Formation and Making Policy Decision about Bringing of Russian Force into Chechnya (1992–1994) 60

World History

- Filosofov I.Y.** Climatic Catastrophe of 535–536 A.D., the «Returning» of Heruls and Ragnarok Myth 65
- Aldarkin S.A.** «The Common Crusade» in the Description of the Author of Anonymous Chronicle «The Deeds of the Franks and the Other Pilgrims to Jerusalem» 69
- Donezki P.B.** Journey of Holy Relics in the Perception of Abbot Guibert of Nogent 72
- Shpakovsky V.O.** «English» Historian D. Nicolle about the Warriors of Byzantine, theirs Arms and Armour (Historiography of the Problem) 75
- Ilichenko E.V.** P.-Sh. Leveque about Ivan the Terrible 77
- Zaytseva M.A.** Entertainment as a Part of Leisure Activities in Lifestyles of Americans During Great Depression 82
- Astakhova M.A.** The «Turkish Model of Development» and the Reasons for its Failure for the Post-Soviet Caspian Countries (1992–1993) 87

Regional history

- Rabinovich Ya.N.** Saratov voevoda Vladimir Annichkov (1607–1608) 92
- Totfalushin V.P.** Foreign Nationals in Saratov Region in 1812: Construction of the Collective Image 98
- Zaytsev M.V.** Municipal Credit Institutions of Saratov in Late XIX – Early XX Century 101
- Losin D.O.** Tenement Houses in Saratov 107
- Kozurman S.O.** Forms of Re-Evacuation of Population from the Saratov Area in the Years of Great Patriotic War 113

Information about the Authors

122

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470)«16/18»

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Г.М. ЛОВИЦА И П.Б. ИНОХОДЦЕВА 1769–1774 ГОДОВ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

А.Л. Клейтман

Волгоградская академия государственной службы
E-mail: alexander.kleitman@gmail.com

В статье анализируется деятельность научной экспедиции Г.М. Ловица и П.Б. Иноходцева 1769–1774 гг. Приводится обзор сохранившихся до настоящего времени материалов экспедиции, которые могут представлять интерес как источники по истории Нижнего Поволжья.

Ключевые слова: Г.М. Ловиц, П.Б. Иноходцев, экспедиция, источниковедение, историография, Нижнее Поволжье.

The Materials of the G.M. Lowitz and P.B. Inokhodtsev's Scientific Expedition (1769–1774) as the Sources on the History of the Low Volga Region

A.L. Kleytman

The activity of the G.M. Lowitz and P.B. Inokhodtsev's scientific expedition of the 1769–1774 is analyzed in the article. The article gives the review of the preserved expedition's materials that are of interest as the sources on the history of the Low Volga Region.

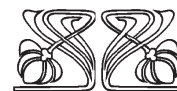
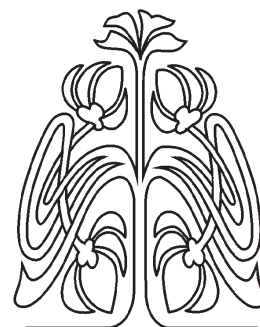
Key words: G.M. Lowitz, P.B. Inokhodtsev, expedition, the source study, historiography, the Low Volga Region.

Научная деятельность Г.М. Ловица и П.Б. Иноходцева в ходе астрономической и геодезической экспедиции 1769–1774 гг. является одной из малоизученных страниц в истории отечественной науки XVIII столетия. Несмотря на наличие ряда публикаций, посвященных биографии этих ученых, анализу их научных работ, до настоящего времени не предпринималось попыток, основываясь на широком круге источников, проанализировать их вклад в комплексное изучение Нижневолжского региона.

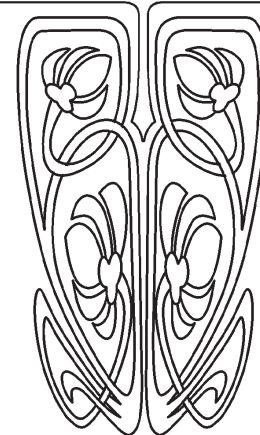
На сегодняшний день существует насущная необходимость проведения специального археографического и источниковедческого исследования, в ходе которого будут выявлены историко-географические описания, в путевые заметки, карты и прочие личные и официальные документы П.Б. Иноходцева и Г.М. Ловица, составленные во время их пребывания в Нижнем Поволжье. С одной стороны, это позволит ввести в научный оборот информативные источники, которые впоследствии смогут использоваться исследователями при написании научных работ по региональной и локальной истории Юга России, а с другой – даст возможность объективно осмыслить вклад Г.М. Ловица и П.Б. Иноходцева в изучение Нижневолжского региона.

Поскольку до настоящего времени история экспедиции Г.М. Ловица и П.Б. Иноходцева не становилась предметом специального исследования, прежде чем переходить к собственно источниковедческому анализу экспедиционных материалов Г.М. Ловица и П.Б. Иноходцева, целесообразным представляется на основе широкого круга источников охарактеризовать состав экспедиции, биографии ее участников, маршрут движения, ставившиеся перед ней задачи и ряд других вопросов.

Астрономическая экспедиция Г.М. Ловица и П.Б. Иноходцева была одной из нескольких экспедиций, в 1769 г. отправленных Академией наук для наблюдения астрономического явления – прохождения Венеры

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

по диску солнца и для проведения географических изысканий. Х. Эйлер и адъютант В.Л. Крафт в это время были направлены в Оренбург, капитан Истленев с прикомандированным к нему от государственной Адмиралтейской коллегии подштурманом Черновым – в Яицкий городок, Г.М. Ловиц с подштурманом Степаном Леонтьевым и студентом Абрамовым и П.Б. Иноходцев с подштурманом Иваном Андреевым отправились в г. Гурьев Астраханской губернии¹.

Руководитель интересующей нас экспедиции – Георг-Мориц Ловиц (1722–1774) был родом из Нюрнберга, работал в Геттингенском университете², откуда в 1767 г. был приглашен на должность астронома и географа в Санкт-Петербургскую Академию наук³. О сопровождавшем его Степане Леонтьеве известно только то, что он состоял на службе с 1753 г., а звание подштурмана ему было присвоено в 1766 г.⁴ В письме, отправленном П.Б. Иноходцевым И.А. Эйлеру из Дмитриевска в ноябре 1770 г., содержится указание «о смерти посланного в Дмитриевск Г.М. Ловицем студента Абрамова»⁵. Других биографических сведений об Абрамове обнаружить не удалось. Петр Борисович Иноходцев (1742–1806) был сыном солдата Преображенского полка. В 1752 г. по прошению отца был принят в Академическую гимназию, в 1760 г. поступил в Академический университет. В 1765–1767 гг. он проходил обучение в Геттингенском университете, по возвращении из которого был определен адъютантом астрономии в Академию наук⁶. Иван Андреев, прикомандированный к П.Б. Иноходцеву от Адмиралтейской коллегии, состоял на службе с 1760 г., а в звании подштурмана – с 1765 г.⁷

В конце XIX в. М.И. Сухомлиновым была обнаружена и опубликована инструкция, в 1768 г. данная Г.М. Ловицу как руководителю экспедиции. Как следует из этого документа, ему было поручено после проведения астрономических наблюдений в Гурьеве заехать в «г. Дмитриевск, от которого места неподалеку находится знатный канал, начатый императором Петром Великим для соединения реки Волги с Доном». Ему было необходимо «разсмотреть... со всею точностью, возможно ли сей канал сделать», определить, «какая часть начатаго канала уже сделана», а также «вычислить, сколько работников и во сколько времени оный докончить могут»⁸. После проведения геодезических работ в междуречье Волги и Дона Г.М. Ловицу «препоручалось... рассмотрение тульского канала, также начатаго для соединения Дона с Шатом», к этой работе он должен был приступить «по окончании наблюдений долготы и широты предписанных мест в географическом плане»⁹. Как указывалось в инструкции, данной Г.М. Ловицу от Академии наук: «Господин адъютант Иноходцев придается вам с тем, чтоб он в оных случаях был вам помощником, а главное академии желание, чтоб он, будучи при вас, со всяким рачением старался приобрести от вас

же самих сколько возможно знание и искусство практических работ»¹⁰.

После проведения астрономических наблюдений в г. Гурьеве в мае 1769 г. Г.М. Ловиц и П.Б. Иноходцев отправились в Астрахань. По какой-то причине, возможно, из-за болезни Г.М. Ловица или его сына, им пришлось задержаться здесь на довольно долгое время. Не получив от Г.М. Ловица результатов проведенных в Гурьеве астрономических наблюдений, не зная о ходе его работ, руководство Академии наук стало рассматривать вопрос об усилении его экспедиции другими учеными. 13 июля 1769 г. секретарь Академии наук И.А. Эйлер отправил письмо руководителю одной из астрономических экспедиций В.Л. Крафту в Оренбург, в котором сообщал «о разрешении... участвовать в работе Г.М. Ловица на Дмитриевском канале»¹¹. По-видимому, В.Л. Крафт был знаком с положением дел в экспедиции Г.М. Ловица и П.Б. Иноходцева, так как в письме от 29(18) августа отвечал Эйлеру, что «он принимает поручение ехать к Г.М. Ловицу на Дмитриевский канал, но не торопится туда, так как поездка Ловица, вероятно, задержится»¹². Отклонение хода экспедиции профессора Ловица от намеченного плана было заметно не только для В.Л. Крафта, но и для участников других экспедиций, в это время проводивших научные наблюдения в Нижнем Поволжье. 17 октября 1769 г. С.Г. Гмелин в письме И.А. Эйлеру сообщил, что Г.М. Ловиц в октябре 1769 г. еще находился в Астрахани и отметил большие затраты Академии наук на его экспедицию¹³. 30 ноября (11 декабря) 1769 г. И.А. Эйлер направил письмо Г.М. Ловицу, в котором выразил «недовольство Академии наук на неполучение полного отчета о наблюдениях... над прохождением Венеры через диск Солнца и на слишком долгое пребывание его в Гурьеве, а также сомнения по поводу целесообразности его зимовки в Астрахани»¹⁴.

П.Б. Иноходцев осенью 1769 г. отделился от отряда Г.М. Ловица, отправился в Царицын, где зимой 1769–1770 гг. проводил исторические, географические и метеорологические изыскания.

В период с осени 1769 г. до августа – сентября 1770 г. Г.М. Ловиц, возможно, предпринимал какие-то небольшие поездки по окрестностям Астрахани, а в августе – сентябре 1770 г. отправился на Кавказ.

В отчете 1775 г. в Академию наук П.Б. Иноходцев отмечал, что после смерти Г.М. Ловица среди его бумаг было найдено описание его путешествий из Астрахани через Кизляр в Моздок, к горе Бештау и обратно в Кизляр в 1770 г., а также описание его пребывания в Кизляре в 1770–1771 гг.¹⁵, то есть до отправления в Кизляр ученый, обычно фиксировавший в дневниках и путевых записках описание своих путешествий, практически не покидал Астрахани. Кроме того, до настоящего времени сохранилось письмо, 26 марта (6 апреля) 1771 г. из Кизляра И.А. Гиль-

денштедтем отправленное И.А. Эйлеру, в котором содержится «извещение о том, что Г.М. Ловицу пришлось отложить свой отъезд в Астрахань и Дмитриевск по причине болезни сына»¹⁶, а также второе письмо – кому-то из ученых, также находившихся в экспедиции (точный адресат указан не был), в котором отмечалось, что последние полгода Г.М. Ловиц пробыл в Моздоке и Кизляре. Во время поездки на Бештау, в Моздок и Кизляр¹⁷ Г.М. Ловиц проводил географические изыскания и метеорологические наблюдения. Известны также и другие сочинения, написанные ученым в ходе путешествия по Кавказу¹⁸.

27 августа (8 сентября) 1770 г. из Царицына П.Б. Иноходцев отправил письмо графу В.Г. Орлову в Академию наук, в котором выражал свое согласие ехать в Дмитриевск для встречи там с Г.М. Ловицем и просил выслать инструкции по поводу дальнейших своих работ¹⁹. Как свидетельствует это письмо, президент Академии наук был уверен, что летом 1770 г. Г.М. Ловиц уже находился в Дмитриевске и проводил там геодезические изыскания. Однако профессор Ловиц, вместо того, чтобы отправиться в Дмитровск самостоятельно, отправил туда сопровождавшего его студента Абрамова. 8(19) ноября 1770 г. приехавший в Дмитриевск П.Б. Иноходцев в письме И.А. Эйлеру сообщил о том, что студент Абрамов умер²⁰.

В период с ноября 1770 г. до мая – июня 1771 г. П.Б. Иноходцев находился в Дмитриевске, где проводил исторические, географические и метеорологические исследования.

Г.М. Ловиц прибыл в Дмитриевск в июне 1771 г., но, по-видимому, не спешил приступить к выполнению порученных ему Академией наук работ. На наш взгляд, М.И. Сухомлинов сильно сгущал краски, описывая страдания и самоотверженность Г.М. Ловица при проведении геодезических исследований на месте строительства Волго-Донского канала: «В течение нескольких лет, с ранней весны и до поздней осени, Ловиц и Иноходцев делали обитателями песчаных степей, поселялись в палатках, окружали себя научными снарядами и работали неутомимо, подвергаясь разного рода невзгодам и одолевая препятствия и затруднения. Самыя приготовления к ученым работам требовали многих и многих усилий. Нигде в окрестностях нельзя было найти мастера для устройства и починки инструментов, и Ловиц должен был обратиться в чернорабочего и делать все собственными руками. Трудно исчислить все беды, большия и малыя, которые насылались на наших путешественников и силою негостеприимной природы и враждебною волею людей...»²¹.

Сохранившиеся в архиве Академии наук документы позволяют взглянуть на научную деятельность Г.М. Ловица несколько иначе. Уже в июле 1771 г., пробыв в Дмитровске всего месяц, он вступил в конфликт с комендантом города полковником Меллиным, который из-за отсутствия

в городской казне серебряных монет, предлагал академику Ловицу выплатить жалованье медными деньгами. Г.М. Ловиц обвинил его в неуважительном к себе отношении и несоблюдении императорского указа, по которому местные канцелярии должны были выплачивать жалованье членам экспедиции в установленных Академией наук размерах и оказывать всяческое содействие их работе. Полковник Меллин пытался оправдаться перед ученым: «Что же принадлежит якож я как на вас господина профессора так и экспедицию вашу ненастоящими взорами взираю то о том конечно ошибаетесь ибо вас во всех случаях так как господина профессора почитаю а экспедицию вашу по посланным ко мне приказам во всем по требованиям вашим полное и бесприкословное исполнение чиню...»²². Уладить конфликт с академиком Ловицем коменданту, по-видимому, не удалось, так как в 1772 г. он стал писать жалобы на ученого. 3 февраля полковник Меллин отправил письмо временно исполнявшему обязанности директора Академии наук А.А. Ржевскому, в котором извещал, что Г.М. Ловиц тратит ассигнованные ему деньги и употребляет приданных ему солдат не на порученные ему на Дмитриевском канале работы, а на свои личные дела²³. Сохранилось и другое письмо К. Меллина с жалобой на академика Ловица: «Оной господин Ловиц здесь же проживает с июня месяца, но чтоб он что ни есть к поднатию канала в восемь месяцев предпринял того вовсе не видно хотя к тому ... ему дана команда капрал один солдат и казаков ис шести человек, но их употребляет единственно в своих услугах, а дел где б наказано употребить должно было вовсе не видно...»²⁴.

Появление этих писем можно было бы вслед за М.И. Сухомлиновым объяснить «враждебною волею людей» – необразованностью местного чиновника К. Меллина, ничего не понимавшего в работе Г.М. Ловица и поэтому чинившего ему препятствия, но, на наш взгляд, у дмитриевского коменданта были вполне объективные причины для критики. В архиве Академии наук и в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фондах Г.Ф. Миллера сохранилась обширная переписка, которую вел историк с вдовой академика Ловица. Среди бумаг ученого сохранилось также письмо, написанное в 1778 г., адресованное в Саратов: «Доношение в Саратовскую контору опекунства иностранных от статского советника и члена Академии наук Гер. Фр. Миллера о справке в Саратовскую колонию, подлинно ли умерла дочь профессора Ловица». В этом письме Г.Ф. Миллер отмечал: «Оной конторе может быть не безызвестно, что покойный профессор Ловиц будучи в Саратове женился на дочери тамошнего колониста Киндермана, которая по смерти его уехала в Москву, оставя там прижитую от профессора дочь»²⁵. Как видим, если Г.М. Ловиц и страдал от лишений, живя в степи в палатке, как это изобразил М.И. Сухомлинов, то далеко не

все время, которое он находился в окрестностях Дмитровска. Г.М. Ловиц тесно общался с немецкими колонистами, путешествовал по Нижнему Поволжью: в 1772 и 1773 гг. он совершал поездки по колониям, располагавшимся между Дмитровском и Саратовом²⁶, в 1773 или 1774 гг. «в целях лечения» посетил Сарепту. Об этой его поездке упомянул П.С. Паллас в письме И.А. Эйлеру, отправленном из Царицына 6 апреля 1774 г.²⁷

Существенную часть времени в 1772–1774 гг. экспедиционный отряд профессора Ловица проводил в междуречье Камышинки и Иловли, занимаясь проведением геодезических работ. 13 марта 1772 г. П.Б. Иноходцев вместе с описанием г. Дмитровска выслал в адрес Академии наук часть результатов их астрономических наблюдений²⁸. 15 августа 1773 года он сообщил И.А. Эйлеру о приезде в Дмитриевск Г.М. Ловица, о поселении его на реке Камышенке и разразившейся ночью сильной грозе с ливнем, испортившей их вещи и один инструмент – квадрант²⁹. По-видимому, этот же инцидент был описан в отчете П.Б. Иноходцева, использовавшемся В.Ф. Гнучевой: «Стихийные обстоятельства, вроде пронесшегося в ночь с 28 на 29 июля 1773 г. урагана, разбившего оба квадранта, вырвавшего поставленные столбы и снесшего обе палатки, заставили проф. Ловица лично проделать всю техническую работу заново. Сам Иноходцев не мог быть ему полезен в это отношении, так как никогда не занимался механическими работами»³⁰. В 1773 г. геодезические наблюдения продолжались до 15 декабря и были возобновлены 23 апреля 1774 г. Как позднее отмечал П.Б. Иноходцев, работы, проводившиеся под руководством Г.М. Ловица, окончательно были прерваны 8 августа, «в тот несчастный день», «печальное событие которого разлучило нас навсегда»³¹. В начале августа 1774 г. Г.М. Ловиц был схвачен яицкими казаками из войска Е. Пугачева и казнен. П.Б. Иноходцеву удалось спастись, и он вместе с женой и сыном Г.М. Ловица вернулся в Санкт-Петербург.

Таким образом, экспедиция Г.М. Ловица и П.Б. Иноходцева дольше, чем другие астрономические и физические экспедиции 1760–1770-х гг., проводила научные исследования в Нижнем Поволжье. Помимо геодезических и астрономических наблюдений, ее участники проводили географические и исторические изыскания, результаты которых вошли в заметки и статьи, которые частично были отправлены в Академию наук еще в ходе экспедиции, а частично были привезены П.Б. Иноходцевым в Санкт-Петербург в 1775 году.

Материалы экспедиции П.Б. Иноходцева и Г.М. Ловица сохранились в Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук (СПФ АРАН) и в отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук (ОР БАН). Особый интерес как исторический источник среди материалов экспедиции представляет «Краткое известие о городе Царицыне и о лежащем около его местах» П.Б. Иноход-

цева, рукопись которого сохранилась в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук³² и в 2010 г. была опубликована³³. Данное сочинение было написано П.Б. Иноходцевым на основе информации, собранной зимой 1769–1770 гг., которую он провел в Царицыне. Как удалось установить в ходе текстологического анализа этого источника, при сборе исторической информации для «Краткого известия...» П.Б. Иноходцев обращался с запросами к местным чиновникам или использовал документы из камендантской канцелярии, поскольку часть текста этого источника дословно совпадает с текстом недавно обнаруженного «Сообщения Царицынской камендантской канцелярии прибывшему в Царицын по имянному Ея Императорского Величества высочайшему указу господину профессору Гмелину»³⁴. По-видимому, в Царицыне хранилась копия с «Сообщения...», отправленного С.Г. Гмелину, и именно эта копия частично легла в основу работы П.Б. Иноходцева.

Кроме того, в период с осени 1769 г. до осени 1770 г. П.Б. Иноходцевым были составлены планы Царицына, Сарепты, крепостей по Царицынской оборонительной линии и развалин некоторых татарских городков, которые были отправлены в Академию наук с письмом от 8 ноября 1770 г.³⁵ Некоторые из этих планов сохранились до нашего времени в фондах отдела рукописей Библиотеки Академии наук. Причем, как значится на плане Сарепты, он был «с подлинного черчен...», то есть П.Б. Иноходцев не сам составил его, а лишь сделал рукописную копию с имевшегося плана³⁶. На планах крепостей Царицынской оборонительной линии П.Б. Иноходцев помимо имевшихся строений привел также «проекты, каким образом оные за ветхостью» и «за недовольною величиною и niskостию» следует укрепить³⁷. Планы Царицына и развалин татарских городов в архивах пока обнаружить не удалось.

Результатом исторических и географических изысканий, проведенных П.Б. Иноходцевым зимой 1770–1771 гг., стало «Географическое описание города Дмитриевска, что на Камышенке», также сохранившееся до настоящего времени³⁸ и недавно опубликованное нами³⁹. Данное сочинение представляет собой наиболее подробное из составленных участниками академических экспедиций описание Дмитровска и содержит уникальную информацию о развитии города во второй половине XVIII века.

Поскольку в 1772–1773 гг. основные усилия П.Б. Иноходцева были направлены на проведение геодезических изысканий в месте планируемого строительства Волго-Донского канала, историко-географических описаний населенных мест, карт или каких-либо других работ, которые представляли бы интерес как источники по истории Нижневолжского региона, им в это время составлено не было.

Среди документов Г.М. Ловица наиболее информативными источниками по истории Ниж-

него Поволжья являются его путевые записки и описания населенных пунктов, составленные как раз в 1772–1774 гг. – в тот период времени, когда он проводил геодезические работы в окрестностях Дмитровска и совершил несколько поездок по Нижневолжскому региону. В архиве Академии наук сохранились его заметки, составленные в 1772 г. по пути из Дмитровска в Саратов и продолженные в 1773 г. на обратной дороге. Этот источник до настоящего времени не переводился на русский язык и не был опубликован⁴⁰. По-видимому, в конце 1773 г. или начале 1774 г. во время поездки Г.М. Ловица в Сарепту, о которой упоминал П.С. Паллас в письме И.А. Эйлеру, отправленном из Царицына 6 апреля 1774 г.⁴¹, было составлено подробное описание этой немецкой колонии. Рукопись сочинения на немецком языке, написанная четким, хорошо читающимся почерком, сохранилась среди бумаг ученого в архиве Академии наук и до настоящего времени также не подвергалась публикации⁴².

Ценным источником по истории Нижнего Поволжья является неоднократно цитировавшийся выше отчет П.Б. Иноходцева, предоставленный в Академию наук после возвращения в Санкт-Петербург в 1775 г., который был опубликован М.И. Сухомлиновым в «Истории Российской академии»⁴³. Помимо информации о деятельности экспедиции, адъютант Иноходцев привел в нем свои мысли о целесообразности проведения Волго-Донского канала по руслу Камышинки и Иловли. По его мнению, затраты на строительство канала существенно превышали те выгоды, которые он мог бы принести. В связи с этим П.Б. Иноходцев предлагал проложить хорошую дорогу от Царицына к Дону и поселить вдоль нее нескольких ямщиков, которые занимались бы транспортировкой товаров по этому пути. Примечательно, что досконально изучивший географию и торговые пути Нижневолжского региона исследователь предсказал тот путь, по которому пошло развитие транспорта и торговли в междуречье Волги и Дона в XIX столетии.

Таким образом, в ходе экспедиции 1769–1774 гг. Г.М. Ловицем и П.Б. Иноходцевым были собраны обширные сведения о Нижнем Поволжье, которые нашли выражение в историко-географических описаниях, картах и планах населенных пунктов этого региона, а также в письмах, дневниках, путевых заметках. Эти источники вплоть до настоящего времени оставались практически неизвестными для исследователей и не использовались учеными при проведении исторических исследований. В результате целенаправленных архивных изысканий нам удалось обнаружить существенную часть экспедиционных материалов Г.М. Ловица и П.Б. Иноходцева, а проведение их источниковедческого анализа подтвердило уникальность содержащихся в них сведений. Как очевидно, перевод их на русский язык и подготовка к публикации вместе с материалами других

экспедиций XVIII в. в Нижнем Поволжье позволит существенно расширить источниковую базу историко-краеведческих исследований и вернуть к жизни обширный пласт информации об истории научного освоения Нижневолжского региона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Материалы научных экспедиций XVIII в. – начала XIX в. в Нижнем Поволжье как источники по истории региона», проект № 10-01-20111а/В.

Примечания

- 1 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. Д. 13. Л. 157; Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. 1766–1782 / под общ. ред. акад. Д.С. Рождественского; сост. И.С. Любименко; под ред. Г.А. Князева, Л.Б. Модзалевского. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. С. 196.
- 2 См.: Энциклопедический словарь. Т. XVIII^A. Ледь-Лопарев / издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1896. С. 890.
- 3 См.: Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. С. 87.
- 4 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. Д. 13. Л. 199.
- 5 Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. С. 196.
- 6 См.: Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1874. С. 168–191.
- 7 РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. Д. 13. Л. 199.
- 8 Инструкция от академии наук господину Ловицу, ея члену // Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 192.
- 9 Там же. С. 193.
- 10 Там же.
- 11 Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. С. 140.
- 12 Там же. С. 149.
- 13 Там же. С. 157.
- 14 Там же. С. 162.
- 15 См.: Bericht an die Erlauchte Kaiserliche Academie der Wissenschaften vom Adjunct Peter Inochodzow // Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 405.
- 16 Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. С. 203.
- 17 См.: Bericht an die Erlauchte Kaiserliche Academie der Wissenschaften vom Adjunct Peter Inochodzow. С. 404.
- 18 См.: Шалалыгин Ю.И. Исследование и начало освоения Центрального Предкавказья в XVIII – начале XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. С. 9.
- 19 См.: Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. С. 191.
- 20 Там же. С. 196.
- 21 Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 194–195.
- 22 СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 27. Д. 12. Л. 46.
- 23 См.: Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. С. 217.

- ²⁴ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 27. Д. 12. Л. 48.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 199. П. 249. Д. 2. Л. 1.
- ²⁶ СПФ АРАН. Р. I. Оп. 85. Д. 15. Wegbeschreibung zwischen Dmitrieffsk und Saratof uber die Colonien auf einer hin und herreise verfertigt. Описание пути между Дмитриевском и Саратовом, описание колоний, составленное во время поездки туда и обратно. Приложение: Известия о Саратове. На нем. яз. 1769–1773. 34+1 л.
- ²⁷ См.: Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. С. 244.
- ²⁸ Там же. С. 220.
- ²⁹ Там же. С. 238.
- ³⁰ Гнучева В. Ф. Волго-Донской канал в XVIII в. (Забытые материалы предварительных полевых наблюдений на р. Камышинке, проведенных в 1771–1774 гг. акад. Г.М. Ловицем и адъютантом П.Б. Иноходцевым) // Природа. 1941. № 1. С. 94.
- ³¹ Там же.
- ³² СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 32. Л. 92–96 об.
- ³³ Иноходцев П.Б. Краткое известие о Царицыне и о лежащем около его местах // Царицынский и Камышинский уезды в описаниях краеведов / под ред. М.М. Загорюлько, И.О. Тюменцева. Волгоград: Издатель, 2010. С. 36–39.
- ³⁴ СПФ АРАН. Р. I. Оп. 100. Д. 16. Л. 30–33 об.
- ³⁵ См.: Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. С. 196.
- ³⁶ ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 787.
- ³⁷ Там же. № 837.
- ³⁸ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 32. Л. 138–141.
- ³⁹ Иноходцев П.Б. Географическое описание города Дмитриевска, что на Камышенке // Царицынский и Камышинский уезды в описаниях краеведов. С. 40–42.
- ⁴⁰ СПФ АРАН. Р. I. Оп. 85. Д. 15. Л. 2–23 об.
- ⁴¹ См.: Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. С. 244.
- ⁴² СПФ АРАН. Р. I. Оп. 85. Д. 15. Л. 24–34 об.
- ⁴³ Bericht an die Erlauchte Kaiserliche Academie der Wissenschaften vom Adjunct Peter Inochodzow. С. 393–408.

УДК 94(47).081/082+929 Мещерский

«ГРАЖДАНИН» КНЯЗЯ В.П. МЕЩЕРСКОГО

А.В. Кайль

Саратовский государственный технический университет
E-mail: kaylanna@mail.ru

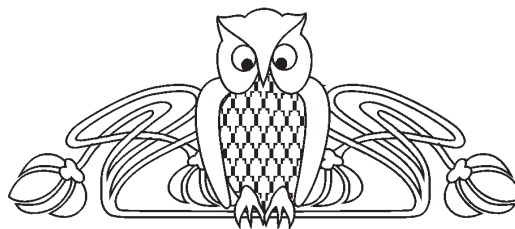
В данной статье подробно рассматривается консервативное издание «Гражданин» князя Владимира Петровича Мещерского. Автор делает вывод о том, «Гражданин» в пореформенный период выражал интересы определенной группы российского общества. Консервативно настроенные лица, начиная верховной властью и заканчивая провинциальными помещиками, были одинаково заинтересованы в существовании этого реакционного печатного органа. На протяжении всей своей истории журнал пропагандировал необходимость сохранения самодержавного и сословного строя. До конца своего существования «Гражданин», как и вся его публика, оставался преданным сторонником старой дореформенной России.

Ключевые слова: «Гражданин», консервативный журнал, реакционная газета, князь Владимир Петрович Мещерский, буржуазные реформы 60–70-х годов XIX века, царское издание, цензурные преследования.

The «Citizen» of Prince V.P. Meshchersky

A.V. Kayle

The article deals with the Citizen edited by Prince V.P. Meshchersky. Having carefully analysed it the author comes to conclusion that during the period after reformation the conservatives including the sovereign power and the provincial landlords were equally interested in the existence of such a reactionary conservative edition as the «Citizen» that was expressing views of a certain part of the Russian society. All the time it was edited the magazine pleaded for the necessity of the autocratic and class system. Up to the end of its existence the «Citizen» together with its readers stood for old pre-reform Russia.

Key words: «Citizen», conservative magazine, reactionary newspaper, Prince V.P. Meshchersky, bourgeois reforms in 60s and 70s of the 19th century, a tzarist edition, cesorial prosecutions.

Князь Владимир Петрович Мещерский вошел в историю не только как тайный советник и близкий друг последних российских императоров, но и как издатель и редактор консервативного издания «Гражданин».

Современные исследователи по-разному оценивают периодическое издание «Гражданин». Если М.М. Леонов, Н.В. Черникова употребляют по отношению к «Гражданину» термин «журнал», то А.С. Карцов, автор монографии, посвященной издателю князю В.П. Мещерскому, обозначает периодическое издание как газету¹. Журнал «Гражданин» выходил с перерывом с 1872 по 1914 год. «Гражданин» появился в 1872 г. как «политический и литературный журнал-газета». В 1870-е гг. журнал печатался раз в неделю. С 1879 по 1881 г. «Гражданин» не издавался. При Александре III с 1882 г. издание «Гражданина» было возобновлено как журнал, его периодичность увеличилась до двух раз в неделю. В 1883 и 1884 гг. «Гражданин» выходил еженедельно. С 1885 г. журнал выходил два раза в неделю. С 1887 г. он был преобразован в ежедневную газету. В 1895 г. «Гражданин» вновь стал журналом, выходящим два раза в неделю. С 1911 г. издание журнала сократилось до одного раза в неделю.

Князь Мещерский начал издавать журнал, имея перед собой определенные политические цели. На мой взгляд, основной причиной появления этого периодического издания в России в пореформенное время было огромное желание князя оказывать влияние на наследника престола Александра Александровича. Еще одной важной причиной издания «Гражданина» являлась возможность открыто проводить свои консервативные взгляды и идеи в обществе. Доминирование политических целей над литературными в журнале были определены издателем уже в самом названии «Гражданина» как «политический и литературный журнал-газета»².

Очень быстро Мещерскому удалось создать кружок из литераторов и общественных деятелей для своего будущего «Гражданина». Постоянными посетителями его были: К.П. Победоносцев, Ф.М. Достоевский, Ф.И. Тютчев, Н.И. Страхов, А.Н. Майков, М.О. Коялович, Б.М. Маркевич и др.³ В журнале в разное время появлялись произведения А.К. Толстого, В.С. Соловьева, К.Н. Леонтьева, Ф.И. Тютчева, В.В. Розанова. Князь организовал литературные среды для своих единомышленников. Сам Владимир Петрович называл их больше политическими, так как главными темами бесед и споров на них была политика «в жизни государственной и в жизни печати»⁴. Так как князь только начинал свою литературную деятельность, он активно использовал богатый «духовный мир» своих воспитанников. «От Победоносцева я получать мог цензуру мысли, – вспоминал Владимир Петрович, – от Майкова – вдохновение мысли, от Достоевского – огонь и задор для мысли, от Страхова – страх подпасть под его добродушную иронию, от Маркевича – тон, интонации и указания злов дня»⁵.

Согласно воспоминаниям князя Мещерского, идея создания собственного журнала зародилась у него осенью 1871 года⁶. Однако его письмо, датированное 1871 г., наследнику престола Александру Александровичу говорит о том, что мысли по поводу создания собственного журнала созрели у Владимира Мещерского еще в 1869 году⁷. Согласно воспоминаниям, это был решительный и важнейший шаг в его жизни. Получив благословение от отца, Владимир Мещерский окончательно определился со своим будущим.

Начало издания журнала требовало решить две проблемы. Первая заключалась в потребности найти ответственного редактора для «Гражданина». Так как князь состоял в это время чиновником особых поручений при министре внутренних дел А.Е. Тимашеве, быть редактором журнала он не мог. Вторая проблема заключалась в необходимости найти солидные денежные средства, чтобы начать издание.

Вообще вопрос финансирования журнала стоял очень остро перед Владимиром. Нужны были солидные денежные вливания. Однако же денег у князя Мещерского и его семьи не было.

В связи с болезнью старшего брата Александра князь вынужден был отказаться от материальной поддержки, которую оказывал ему отец, в пользу брата⁸. Являясь чиновником особых поручений, Владимир Петрович также не мог покрыть всех расходов по издательству.

Все надежды по вопросу финансирования «Гражданина» князь возлагал на наследника престола⁹. Цесаревич Александр Александрович, хотя и поддерживал князя в его начинаниях, не взял на себя смелость дать просимые Мещерским 80 тысяч рублей. Скорее всего, причиной отказа цесаревича участвовать в деле издания «Гражданина» послужило то, что его отец, император Александр II, был категорически против того, чтобы сын вступал в подобные предприятия. Член Государственного совета К.П. Победоносцев также не рекомендовал Александру Александровичу помогать Мещерскому в издательском деле¹⁰.

Несмотря на все неудачи найти деньги при дворе, князь решил отправиться в Москву и попросить помощи у богатых купцов, которые являлись спонсорами газет И.С. Аксакова. Однако же и московские купцы отказали Владимиру Петровичу, не увидев в нем своего единомышленника. Как вспоминал князь, в эти тяжелые минуты деньги ему сам «Бог послал». В Москве Мещерский случайно встретил своего знакомого, некоего купца и фабриканта из села Иваново С.Н.Г., который пожертвовал 6000 рублей на издание «Гражданина»¹¹. Средств оказалось все же недостаточно, и князь решил начать издание журнала на занятые под вексель деньги. Когда пришло время оплаты платежа весной 1873 г., Мещерский вновь обратился к цесаревичу оказать ему финансовую поддержку¹², но наследник престола Александр Александрович и на этот раз уклонился помочь своему другу. Вскоре цесаревич вообще перестал общаться с Владимиром Петровичем. П.А. Зайончковский считал, что конфликт у них произошел на почве новых денежных просьб¹³. В марте 1873 г. князь решил отправиться в Москву и просить денег у редактора «Московских Ведомостей» М.Н. Каткова. Так как издание «Гражданина» не было прервано, деньги, видимо, нашлись.

Издание журнала «Гражданин» было убыточным делом и не могло принести впоследствии его издателю денежной прибыли. Однако для Мещерского возможность влиять на правящие круги была куда важнее материального обогащения.

Вскоре была решена и вторая проблема. Был найден редактор для журнала, им стал будущий либеральный публицист Г.К. Градовский.

Первый редактор журнала был юристом по образованию, молодой человек занимался журналистикой еще в студенческие годы. В 1862 г. началась его карьера журналиста. С этого времени он публиковал свои статьи в «Киевском телеграфе», затем в «Киевлянине». После переезда в столицу молодой человек стал печататься в

«Санкт-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях»¹⁴.

Градовский продержался в роли ответственного редактора «Гражданина» только в течение первого года существования журнала. Позже он твердо связал свое имя с либеральным направлением в журналистике. Отечественная историография делала предположение о том, что Градовского прельщала надежда на получение широкой информации и лояльное отношение цензуры, в связи с тем, что издатель журнала состоял в тот период чиновником при министре внутренних дел. К тому же редактор был прекрасно осведомлен о близких отношениях князя Мещерского с цесаревичем¹⁵.

«Гражданин» с самого начала издавался как журнал консервативного направления, об этом говорит резкий тон статей о необходимости поставить точку в либеральных реформах Александра II. Уже во втором номере журнала была опубликована статья князя «Вперед или назад?». Автор статьи, подводя итоги пореформенного десятилетия, делал вывод о том, что страна должна отдохнуть от реформ, необходимо сделать перерыв. «К реформам основным надо поставить точку, ибо нужна пауза, чтобы дать жизни сложиться...»¹⁶.

Высшее общество встретило новый журнал со злобной иронией. Либеральные и демократические круги увидели в «Гражданине» лишь кружок заядлых реакционеров и крепостников, мечтающих повернуть страну вспять, к дореформенным порядкам¹⁷.

Первые два десятилетия существования журнала, несмотря на пресловутую «точку к реформам», «Гражданин» был умеренно оппозиционным изданием. В 1870-е гг. в нем публикуются статьи о земском самоуправлении, о народном образовании и воспитании, о церковных вопросах, политические статьи и заметки об иностранной жизни, путевые очерки и внутренние корреспонденции, дневник писателя Ф.М. Достоевского, романы, повести, рассказы, стихотворения и т.д.

В январе 1873 г. новым редактором «Гражданина» стал Ф.М. Достоевский. В своих воспоминаниях Мещерский писал, что в такую трудную минуту, как-то за чашкой чая, Достоевский обратился к нему с добродушной улыбкой и предложил стать его редактором. К тому же писатель, понимая трудное финансовое положение князя, сам себе назначил гонорар в три тысячи рублей в год, сказав при этом, что «желает для себя только самого нужного гонорара как средств к жизни»¹⁸. Владимир Петрович был на седьмом небе от счастья. Он уже представлял себе, какой грандиозный успех ждет его журнал. Однако Достоевский сразу же предупредил князя Мещерского по поводу популярности «Гражданина»: «не предавайтесь иллюзиям, – говорил он, – мое имя вам ничего не принесет: ненависть к “Гражданину” сильнее моей популярности...»¹⁹. Федор Михайлович оказался пророком. Ненависть к «Гражданину» стала еще сильнее.

«Гражданин» издавался без предварительной цензуры, но это не избавило журнал от проблем с цензурным ведомством. Немало страданий принесла должность редактора знаменитому писателю. Однажды Достоевского привлекли к суду за то, что в № 5 «Гражданина» от 29 января 1873 г. была напечатана статья Владимира Петровича «Киргизские депутаты в Санкт-Петербурге», в которой сообщалось об аудиенции, данной Александром II киргизской депутации, и о комическом эпизоде, случившемся во время этой аудиенции. Публиковать такое сообщение можно было только с разрешения министра двора, а «Гражданин» таким разрешением не располагал. Федор Михайлович был приговорен судом к двадцати пяти рублям штрафа и к двум суткам ареста на гауптвахте²⁰.

Жена Федора Михайловича вспоминала: «Уже осенью 1873 года он стал тяготиться своим редакторством и мечтать, как опять он засядет за свой любимый труд»²¹. Причины недовольства писателя своей работой следует видеть, прежде всего, не в тяжелой, «каторжной» работе редактора, а в разочаровании стать единовластным идейным хозяином «Гражданина». Согласно договору, заключенному с Достоевским, Мещерский оставлял за собой право решать только хозяйственные и денежные вопросы, на деле же он активно вмешивался и в редакторскую работу.

В марте 1874 г. журнал «Гражданин» получил первое предостережение за статью «Два слова по поводу мнения князя Бисмарка». В ней автор не только трактовал национальный вопрос, но и задевал этого государственного деятеля. Извещая императора об объявленном редактору предостережении, министр внутренних дел объяснял его тем, что в статье «закрываются высказанные в самых резких выражениях совершенно превратные суждения, клонящиеся к возбуждению вражды против одной из частей населения империи». На это император отозвался: «Дельно»²².

Ф.М. Достоевский оставил редактирование «Гражданина» в апреле 1874 г., однако продолжал в нем сотрудничать почти до самой смерти. Федор Михайлович принимал участие в основном в отделе еженедельного фельетона «Последняя страничка», который велся коллективно Мещерским, Достоевским, А.У. Порецким и В.Ф. Пуцковичем.

Новым редактором журнала стал бывший секретарь редакции Виктор Феофилович Пуцкович²³. Виктор Феофилович был в то время членом «Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». Увлечения редактора повлияли прежде всего на проблематику вопросов, затрагивающихся в журнале. Основным сюжетом, который переходил из номера в номер, был восточный вопрос и события на Балканах. «Гражданин» поддерживал освободительное движение славян и агитировал Россию вмешаться в балканский вопрос, в то время как в правительственных кругах многие были сторонниками нейтралитета. Поэтому за статьи «Союзная политика» и

«Славянская летопись» журнал подвергся нападению со стороны Главного управления по делам печати²⁴. Цены на журнал доходили до 25 руб., редакция получила массу сочувственных писем и телеграмм, а самое главное заключалось в том, что количество подписчиков к следующему году увеличилось вдвое. А.Е. Тимашев предъявил князю Мещерскому ультиматум – либо остаться при нем чиновником особых поручений, либо навсегда замолчать в печати²⁵. Владимир Петрович предпочел печать и перешел к графу Д.А. Толстому в министерство народного просвещения без места и без содержания.

За корреспонденцию из Москвы о студенческих беспорядках 3 ноября 1876 г. «Гражданину» было объявлено второе предостережение²⁶. Мотивировалось это тем, что в статье «Московская университетская история 1861 года» непочтительно говорилось о московской полиции. Государь на докладе о предостережении «Гражданину» написал, что сожалеет о том, что предостережение «совпало с хорошей статьей в том же «Гражданине» о последнем пребывании Моем в Москве»²⁷.

Третье предостережение с приостановкой издания на четыре месяца министерство внутренних дел объявило журналу летом 1877 года²⁸. После этого, сдав редакцию полностью в руки В.Ф. Пуцыковича, Мещерский уехал сначала на Кавказ, а затем на Балканы²⁹. Там он пробыл до весны 1878 года. Вернувшись в Петербург, князь Мещерский не долго пробыл редактором «Гражданина». 28 января 1878 г. журнал получает новое предостережение³⁰, а в июле этого года издание «Гражданина» приостанавливают на три месяца за напечатание речи председателя Московского славянского благотворительного общества И.С. Аксакова с осуждением Берлинского конгресса за «предательство»³¹. Весной 1878 г. Владимир Петрович решил окончательно порвать с «Гражданином» и прекратить свое участие в нем. В 1879 г. журнал был продан за долги редактора В.Ф. Пуцыковича и получил новое название «Луч»³².

В январе 1882 г. князь Мещерский возобновил издание «Гражданина». Задумка продолжить издание журнала консервативного направления появилась у Владимира Петровича еще в 1881 году. Так, в секретной записке Александру III, датированной октябрём 1882 г., Мещерский сообщал о том, что еще в прошлом году он разговаривал с министром внутренних дел графом Н.П. Игнатьевым о необходимости издавать, с одной стороны, сельскую газету для крестьян – с другой, общедоступный журнал консервативного направления. Если «первая мысль о крестьянской газете осуществилась, – писал Владимир Петрович, – вторая мысль замерла. А между тем она важна и нужна, именно теперь более чем когда нибудь. Тогда, предоставленный самому себе, я решился прежде всего приступить к возобновлению «Гражданина»...»³³.

Князь Мещерский желал не только отстаивать интересы порядка и власти пером и

печатью», но прежде всего сплотить вокруг нового журнала «кружок авторитетных и опытных людей», куда будут входить такие личности, как К.П. Победоносцев, Т.И. Филиппов, редактор «Нивы» Ф.Н. Берг, Е.М. Феоктистов, член совета министерства народного просвещения Авсеенко, поэт А.Н. Майков и др. Жертвуя собой для такого «важного и священного дела», как издание консервативного журнала, Владимир Петрович отказывался единолично заведовать охранительным органом в печати и готов был даже подчиниться «руководительному совету» в журнале³⁴.

Цель консервативного журнала, писал Мещерский, состоит в том, чтобы «незаметно и постепенно вырвать читателей у других изданий с сомнительным направлением»³⁵. Владимир Петрович сообщал, что либеральная печать значительно превосходит по своему влиянию консервативную – та лишь «прокрадывается, так сказать, в сумерках и жалком виде своего убожества»³⁶. Однако дело нужно исправлять, полагал Мещерский. Необходимо «заставлять людей привыкать к звукам консервативной речи так же охотно, как они теперь привыкают к звукам речи либеральной»³⁷. Успех оппозиционной печати князь объяснял вовсе не тем, что она подмечает какие-то органические недостатки системы и формулирует уже имеющееся недовольство установленными и поддерживаемыми властью порядками, а только тем, что на ее стороне оказались неизвестно откуда взявшийся количественный перевес и значительная денежная сила. «Публика в России весьма легкомысленна, поверхностна и добродушна. Она не растлевается дурной печатью вглубь, она только окрашивается ее цветами и привыкает к известным либеральным звукам. Чьи краски и звуки сильнее, тот и воспитывает публику. Пока краски и звуки у вредной печати сильнее. Надо во что бы то ни стало попытаться пускать в публику сильные звуки и краски консервативные»³⁸.

Говоря об издании «Гражданина», Владимир Петрович сообщал Александру III о необходимости выдачи ему правительственной субсидии³⁹. Предпочтительней для князя Мещерского была помощь от правительства, которая не нарушала бы направления журнала. Чтобы правительство не было скомпрометировано, полагал князь, нужно сохранить все в тайне.

Параллельно князь поспешил заручиться поддержкой министра внутренних дел графа Д.А. Толстого. 30 сентября он написал секретную записку министру, в которой просил оказать его журналу материальную помощь. «Издание, – пишет князь, – по общему отзыву не падало, а подымается, и если прибавить к этому что я в январе начал с 800 подписчиков, а теперь дошел до 1500 с лишком, то кажется, имею право сказать, что благодаря Бога издание стоит поддержки. Да и жаль было бы погибать в разгар начала битвы...»⁴⁰. Этим письмом Мещерский подчеркивал свое отношение к новой власти.

Надеждам князя Мещерского суждено было сбыться. Император решил поддержать своего друга детства и распорядился назначить Мещерскому субсидию в размере 100 тысяч рублей⁴¹.

Таким образом, если в 1870-е гг. «Гражданин» не получал материальной помощи от правительства, то в 80-е и 90-е гг. ситуация круто изменилась, и он стал постоянно субсидируемым органом в печати. До конца своей истории журнал был царским изданием. В отечественной историографии сложилось мнение о том, что «Гражданин» не смог бы существовать в будущем без правительственных субсидий и его издание вскоре прекратилось бы, так как число подписчиков на журнал было всегда мизерным⁴².

Ценимый Александром III, князь был ненавистен своим единомышленникам. Большинство консерваторов с презрением относились к Владимиру Петровичу и видели в его деятельности только удовлетворение личных интересов. «Негодяй, подлец, человек без совести и убеждений, он прикидывался ревностным патриотом, хлесткие фразы о преданности церкви и престолу не сходили у него с языка, но всех порядочных людей тошнило от его разглагольствований, искренности коих никто не хотел и не мог верить. По-видимому, только один государь, еще раз вдавшись в обман, принял их за чистую монету», – вспоминал о Мещерском Е.М. Феоктистов⁴³. Также отзывался о нем А.А. Киреев: «Только один человек в России может не знать, что за личность этот Мещерский, – именно государь. Он ничего не видит и не увидит!»⁴⁴ С.Ю. Витте вспоминал о Владимире Петровиче: «Всегда его отношения к монархам и ко власть имущим имеют одну цель: получить денежные субсидии на его журнал “Гражданин”, субсидии, на которые князь Мещерский живет вместе со своими молодыми людьми...»⁴⁵.

Несмотря на то что журнал стал субсидироваться правительством, цензурные преследования «Гражданина» не прекратились. Так, в ноябре 1885 г. Главного управления по делам печати сделало журналу первое предупреждение за статью «Мысли моряка о морском цензе», которая, «явно извращая смысл закона, стремится подорвать должное уважение к нему»⁴⁶.

Новая редакция «Гражданина» не отличалась порядком и стройностью. Обеспокоенные авторы, печатавшие свои произведения в «Гражданине», долго не могли получить от редакции гонорар за свою работу, редактор нередко задерживал печать статей авторов, запросто обманывал своих сотрудников⁴⁷.

В 1887 г. в связи со смертью редактора газеты «Московские ведомости» М.Н. Каткова Владимир Петрович решил преобразовать «Гражданин» в ежедневную газету. В разговоре с императором он высказал мысль о том, что со смертью Каткова прекратит свое существование последняя консервативная газета в стране, а так как «ежедневная газета есть орудие пропаганды сильнее ежене-

дельного издания», он предложил превратить свой журнал в ежедневную газету. Александр III дал добро и распорядился прибавить к получаемым князем 36 тысячам еще 62 тысячи рублей дополнительно. Через год правительственная субсидия «Гражданину» была снижена на 32 тысячи. Так, до смерти своего покровителя, императора Александра III, князь получал 66 тысяч рублей: 36 тысяч от министерства внутренних дел и 30 тысяч от министерства финансов⁴⁸.

Осенью 1887 г. издатель «Гражданина» окончательно испортил отношения с одним из своих главных сотрудников К.П. Победоносцевым. Впоследствии Владимир Петрович как не старался, так и не смог наладить прежних отношений с обер-прокурором Синода. Разрыв с Победоносцевым не мог не сказаться на качестве статей в «Гражданине». Главная роль в журнале, как и прежде, принадлежала князю Мещерскому.

Современники по-разному называли сумму правительственных субсидий издателю реакционной газеты. А.А. Половцов, ссылаясь на министра государственных имуществ М.Н. Островского, рассказывал: «Мещерский за прежнее еженедельное издание “Гражданин” получал по три тыс. руб. в месяц, а теперь попросил 120 тыс. в год, но, кажется, этого не получил, но из меньшей данной ему суммы тотчас завел карету, что произвело весьма невыгодное для него впечатление»⁴⁹. В 1889 г. Половцову сообщал уже Е.М. Феоктистов о том, что «в прошлом году Мещерский просил государя дать ему 300 тыс. руб. на издание консервативной газеты. Государь дал Дурново на обсуждение записку Мещерского. Дурново доложил, что находит такое притязание чрезмерным, и Мещерский получил 100 тыс. руб.; причем государь сказал: «У нас хотят консервативные журналы за двугривенный. Смотрите, что Бисмарк тратит на прессу»⁵⁰. Сам же Феоктистов писал о том, что Владимир Петрович, обращаясь к государю с намерением преобразовать издаваемый им журнал в ежедневную газету, «ходатайствовал о субсидии на первый год – 108 000 руб., на второй 90 000 и на третий 30 000 руб...»⁵¹. С.Ю. Витте в своих воспоминаниях о князе Мещерском писал: «никто не умел так кланяться и унижаться, как князь Мещерский, и этим постоянным кланченьем и жалобами на свою трудную жизнь он достиг того, что государь решил выдавать ему ежегодно на издание “Гражданина” сумму в 80 тыс. руб., которую я, будучи министром финансов, в течение двух лет выдавал ему до смерти Александра III, а раньше, ... сумма эта выдавалась Вышнеградским министру внутренних дел для передачи Мещерскому»⁵². При Николае II субсидия эта была значительно сокращена и выдавалась, по представлению Д.С. Сипягина, «в размере 18 тысяч в год»⁵³.

Высшее общество с негодованием встретило слухи о получении Владимиром Петровичем правительственных субсидий. Е.М. Феоктистов

вспоминал о том, что «по возвращении своем из-за границы в августе 1887 года я убедился, что нет почти человека в Петербурге, которому не было бы известно о субсидии, полученной князем Мещерским». Феоктистов называет главным виновником оглашения тайны И.Н. Дурново, который «впоследствии уже не стеснялся посвящать в нее многих из своих приятелей»⁵⁴.

Отечественная историография видит причину поддержки императором князя Мещерского и его консервативного издания в том, что Александру III полностью импонировали политические взгляды редактора «Гражданина»⁵⁵. К тому же после смерти редактора «Московских ведомостей» М.Н. Каткова газета «Гражданин» становится главным реакционным изданием в стране.

В 1880-е и 1890-е гг. меняется содержание статей в «Гражданине». Если в первое десятилетие своего существования журнал можно назвать умеренно-оппозиционным, то в последующие десятилетия он становится реакционным. Основная идея статей в «Гражданине» заключалась в критике либеральных реформ Александра II. Главными объектами критики в журнале были местные органы управления, судебные органы, политика правительства по крестьянскому вопросу, так называемый «дворянский вопрос», печать, образование и т.п.

В августе 1888 г. Совет Главного управления по делам печати пришел к заключению о том, что «газета „Гражданин“ при благонамеренном вообще своем направлении, позволяет себе постоянно крайне неприличные отзывы о действиях и распоряжениях правительства и о высших государственных учреждениях, внушая таким образом неуважение к ним...»⁵⁶. В связи с вышесказанным Совет объявил газете первое предостережение. Про этот случай Е.М. Феоктистов рассказывал А.А. Половцову: «Государь вытребовал журнал Совета по делам печати, содержащий изложение поводов к предостережению. Журнал вернулся испещренный неодобрительными помарками карандашом, и в конце концов было сказано, что решительно не было основания давать Мещерскому предостережение»⁵⁷.

На страницах «Гражданина» и в своих многочисленных секретных записках императору Александру III Владимир Петрович рисовал неспособных и несостоятельных государственных деятелей, находящихся на вершине власти. Впоследствии В.И. Ленин рассматривал «Гражданина» как достоверный источник сведений о положении наверху⁵⁸.

В 1893 г. «Гражданину» было объявлено второе предостережение⁵⁹. Через три года он получил третье предупреждение и был закрыт⁶⁰. По поводу третьего предупреждения журналу издатель «Вестника Европы» сообщал своему сотруднику: «Сегодня прочел в газетах, что казнен слегка „Гражданин“, хотели, верно, показать, что вот мол как мы не щадим и друзей!»⁶¹.

В конце 1894 г. умер император Александр III. На российский престол вступил его старший сын Николай Александрович. С этого момента начинается новый этап в судьбе журнала. Поначалу Николай II испытывал неприязнь к старому советнику своего отца князю Мещерскому и не считал себя обязанным уделять ему внимание. Владимир Петрович с ужасом понимал, что со смертью царя-благодетеля материальное положение его журнала будет изменено. Государь принял решение отказать Мещерскому в субсидиях. Все надежды на исправление сложившейся ситуации князь поначалу возлагал на С.Ю. Витте. Согласно воспоминаниям Витте, перед новым годом, когда наступал срок докладывать императору о выдаче Владимиру Петровичу 80 тысяч рублей на издание «Гражданина», князь Мещерский явился к нему и упрасивал поговорить с государем о возобновлении «Гражданину» правительственной субсидии. Витте доложил Николаю II просьбу Мещерского, однако этот разговор не принес пользы издателю «Гражданина». «Император, – вспоминал Витте, – видимо, был уже настроен против Мещерского; для меня это было совершенно ясно... Поэтому при моем докладе он отнесся к Мещерскому крайне недоброжелательно и сказал, что он о Мещерском неблагоприятного мнения и продолжать ему что-нибудь выдавать он не намерен и что изданию „Гражданина“ он не придает никакого значения...»⁶². В ответ на речи царя Витте заступился за журнал Владимира Петровича, аргументировав свою точку зрения тем, что сразу ликвидировать финансовую поддержку этому консервативному изданию нельзя, так как князь Мещерский издавал «Гражданина» много лет при непосредственной поддержке императора Александра III. Николай II приказал в последний раз выдать Мещерскому субсидии в 80 тысяч рублей. Лишившись материальной поддержки, «Гражданин» вскоре превратился из ежедневной газеты в еженедельный журнал.

На решение императора повлияли доносы К.П. Победоносцева на издателя «Гражданина». 6 января 1896 г., посылая статью Мещерского Николаю II, он писал о ней: «до невероятности глупая и наглая... она произвела всюду самое тяжелое впечатление... К несчастью, во всей России и за границей еще не поколеблено утвердившееся мнение, будто „Гражданин“ служит непосредственным выражением взглядов и личной политики самого государя. Мещерский имел наглость заявлять об этом печатно в своей газете, и такое заявление прошло неопровергнутым и до сих пор он пишет в том же тоне, выставляя себя как бы пророком заветов минувшего царствования». Константин Петрович говорил о необходимости «в предупреждение зла выразить явственно, что взгляды Мещерского не имеют никакой солидарности со взглядами правительства»⁶³.

В начале XX в. «Гражданин» в одном из списков газет, получивших предостережения цен-

зуры, занял первое место⁶⁴. В мае 1902 г. журнал получил первое предостережение. Поводом к этому послужил «Дневник» Мещерского, в котором автор позволил себе «резкие суждения о высших должностных лицах губернского управления, забывая должное уважение к сим представителям власти»⁶⁵.

В начале XX в., когда министром внутренних дел стал дальний родственник Владимира Петровича Д.С. Сипягин, князь Мещерский начинает сближаться с царем. 6 января 1902 г. по случаю тридцатилетнего юбилея «Гражданина» царь распорядился возобновить субсидирование журнала. Он вновь стал получать казенную субсидию, правда, в значительно меньшем размере, 18 тысяч рублей в год. Издатель Мещерский был удостоен чина действительного статского советника.

Отечественная историография видит причину сближения князя с императором в симпатиях последнего к «реакционнейшим идеям» издателя «Гражданина»⁶⁶. В 1902 г. Николай II, прочитав статью князя о «благополучно» преодоленных Александром III колебаниях в первое время после 1 марта 1881 г. и отказа от курса М.Т. Лорис-Меликова, писал ему: «Еще раз сердечно спасибо Вам князь за ваши последние Дневники. Я несколько раз с особым вниманием и каким-то радостным трепетом перечитал описание той перемены, которой Вы были свидетелем – перемены, происшедшей в моем обожаемом Отце в 1881 году. Какое удивительное совпадение Вашей мысли с моей»⁶⁷.

В начале века меняется тематика статей в «Гражданине». В связи с ростом революционного движения Владимир Петрович вынужден был встать на путь реакционного реформизма. Уже в 1901 г. он высказывался за «либеральные реформы под охраною власти»⁶⁸, провозгласив себя сторонником широкой децентрализации. Последнее, правда, означало в его понимании усиление власти на местах и дальнейшее ограничение компетенции земства⁶⁹. Слова о «либерализме» и «прогроссе» трактовались Мещерским по-своему⁷⁰.

Крайне недоброжелательно относился князь Мещерский к Г.Е. Распутину и П.А. Столыпину. Эти личности вскоре стали главными отрицательными героями «Дневников» в «Гражданине». Поход против председателя Совета министров, возглавляемый Владимиром Петровичем, стал медленно, но верно подтачивать влияние Столыпина. Министр финансов В.Н. Коковцов полагал, что «ловкий интриган подсмотрел, что Государь начинает тяготиться своим слишком популярным и восхваляемым председателем Совета министров и далеко не прочь освободиться от него»⁷¹.

По воспоминаниям В.Н. Коковцова, с 1905 г. в «Гражданине» все чаще стали появляться статьи «о существе русского самодержавия, о его отличии от монархизма на Западе, о необходимости сохранения во всей неприкосновенности всех

принципов прежней, исключительно одной России свойственной, “исконной царской власти”, почерпывающей все свои силы в любви и преданности ей всего народа, как единственного носителя внедрившейся в него веры в то, что все величие его родины создано только царскою властью»⁷². Во всех статьях журнала князя Мещерского в этот период повторялась тема, что одна только царская власть заботится о благе народа: «На единении царя с народом покоится все благополучие России. Все, что разрывает это единение, все, что взаимно удаляет друг от друга эти две единственно созидательные силы, должно быть пресечено в корне, ибо это создает самое вредное “средостение” и ведет коренные силы благополучия страны – к разрушению»⁷³.

В годы революции эта тема становится основной в реакционном журнале, усиливаясь или ослабляясь по мере происходящих перемен. Самым ярким выразителем русских начал провозглашается император Александр III, «царствование которого дало именно России спокойствие после смуты и все то величие, которого она достигла только верностью указанным лозунгам»⁷⁴.

Со смертью Владимира Петровича в 1914 г. закончилось и издание «Гражданина». Журнал-газета «Гражданин» вошел в историю как один из самых ярких консервативных изданий в России в пореформенное время.

Таким образом, «Гражданин» выражал интересы консервативно настроенной части российского общества, отстаивая необходимость сохранения самодержавного и сословного слоя. Журнал и его постоянные читатели оставались преданными сторонниками старой дореформенной России.

Примечания

- 1 См.: *Леонов М.М.* В.П. Мещерский: русский консерватизм и правительственная политика в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000; *Черникова Н.В.* Князь Владимир Петрович Мещерский в общественной жизни России. Последняя треть XIX – начало XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX века (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004.
- 2 *Гражданин*. 1872. № 1. С. 1.
- 3 Там же. С. 375.
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 См.: *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. М., 2003. С. 371.
- 7 ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 896. Л. 109–110.
- 8 См.: *Черникова Н.В.* Указ. соч. С. 93–94.
- 9 ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 896. Л. 239–243.
- 10 Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 22.
- 11 См.: *Мещерский В.П.* Указ. соч. С. 374.
- 12 ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 896. Л. 315 об.–316.

- ¹³ См.: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 76.
- ¹⁴ См.: *Градовский Г.К.* Итоги. (1862–1907). Киев, 1908. С. 4.
- ¹⁵ См.: *Чернуха Г.В.* Правительственная политика в отношении печати 60–70-х годов XIX века. Л., 1989. С. 142.
- ¹⁶ *Гражданин.* 1872. № 2. С. 42.
- ¹⁷ См.: *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. Т. 10. С. 334; *Михайловский Н.К.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1896. С. 841.
- ¹⁸ *Мещерский В.П.* Указ. соч. С. 382.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Ед. хр. 95. Ч. I. Л. 76–77.
- ²¹ Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1964. С. 93.
- ²² РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 4.
- ²³ Воспоминания о Ф.М. Достоевском // Берлинский листок. 1903. № 1. С. 2.
- ²⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 15–16, 24–24 об.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 895. Л. 305.
- ²⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Ед. хр. 95. Ч. I. Л. 173.
- ²⁷ Там же. Л. 177.
- ²⁸ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 33–34 об.
- ²⁹ См.: *Петров С.В.* В.П. Мещерский и его газета «Гражданин»: проблемы взаимоотношений консервативной публицистики и власти в 80-е – начале 90-х гг. XIX века // Книжное дело в России в XIX – начале XX в. Вып. 12. СПб., 2004. С. 100.
- ³⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 9–10.
- ³¹ Там же. Л. 37–38.
- ³² Там же. Ф. 777. Оп. 3. Ед. хр. 98. Л. 3.
- ³³ Докладная записка кн. Владимира Мещерского Александру III о необходимости издания журнала консервативного направления. С резолюцией царя. Октябрь 1882 год // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 551. Л. 1.
- ³⁴ Там же. Л. 1 об.
- ³⁵ Там же. Л. 2.
- ³⁶ Там же. Л. 8.
- ³⁷ Там же. Л. 3 об.
- ³⁸ Там же. Л. 7 об.
- ³⁹ Там же. Л. 2–2 об.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 363. Л. 2–2об.
- ⁴¹ *Леонов М.М.* Указ. соч. С. 203.
- ⁴² См.: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 108.
- ⁴³ *Феоктистов Е.М.* Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л., 1929. С. 245.
- ⁴⁴ *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С. 109.
- ⁴⁵ *Витте С.Ю.* Князь В.П. Мещерский // Воспоминания. Т. III. М., 1960. С. 460.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 23–25 об.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Ед. хр. 8. (1882 год).
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Ед. хр. 450. Л. 10.
- ⁴⁹ *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: в 2 т. М., 1966. Т. II. С. 50.
- ⁵⁰ Там же. С. 140.
- ⁵¹ *Феоктистов Е.М.* Указ. соч. С. 246.
- ⁵² *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 580–581.
- ⁵³ Там же. С. 586.
- ⁵⁴ *Феоктистов Е.М.* Указ. соч. С. 246.
- ⁵⁵ *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 79.
- ⁵⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 38–38 об.
- ⁵⁷ *Половцов А.А.* Указ. соч. С. 139–140.
- ⁵⁸ *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С. 100.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 3.
- ⁶⁰ Правительственный вестник. 1896. № 219. С. 2.
- ⁶¹ РО ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 99/2. Л. 61.
- ⁶² *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 584.
- ⁶³ Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. 2. С. 311–312.
- ⁶⁴ См.: *Махонина С.Я.* Русская легальная журналистика XX века // Из истории русской журналистики начала XX века. М., 1984. С. 17.
- ⁶⁵ Правительственный вестник. 1902. № 115. С. 2.
- ⁶⁶ См.: *Далин В.М.* Последние Романовы и князь Мещерский // Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М., 1976. С. 289.
- ⁶⁷ *Vinogradoff J.* Russian Imperial Correspondence with Prince V.P. Meschersky // Oxford Slavonic Papers. 1962. Vol. X. P. 129.
- ⁶⁸ *Гражданин.* 1901. № 15. С. 17.
- ⁶⁹ Там же. 1897. № 11. С. 3.
- ⁷⁰ См.: *Ведерников В.В.* Кризис консервативной идеологии и его отражение в печати (1895–1902 гг.) // Вестн. Ленингр. ун-та. 1981. № 8, вып. 2. С. 105.
- ⁷¹ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. 1903–1919: в 2 т. М., 1992. Т. II. С. 261.
- ⁷² Там же. С. 258.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁵ Там же.

УДК 9(470) «18»

«СПРАВЕДЛИВОСТЬ ТРЕБУЕТ СПРОСИТЬ САМИХ КРЕСТЬЯН...»: ОПЫТ ДИАЛОГА ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМАТОРОВ С КРЕСТЬЯНАМИ НАКАНУНЕ 1861 ГОДА

О.В. Кочукова

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovasgu@mail.ru

В статье рассматриваются отдельные частные опыты освобождения крестьян, имевшие место накануне 1861 г. в имениях А.В. Головнина, А.Д. Блудовой и К.Д. Кавелина. Исследование показывает сходство восприятия инициаторами реформ реакции со стороны крестьян. В статье выявляется, каким образом стереотипы о крестьянской пассивности, нерациональности и отсталости препятствовали диалогу помещиков-реформаторов с крестьянами. Привлеченные материалы архивных источников позволяют предположить, что поведение крестьян в действительности объяснялось более прагматическим пониманием собственных интересов и наличием завышенных ожиданий в отношении грядущей крестьянской реформы.

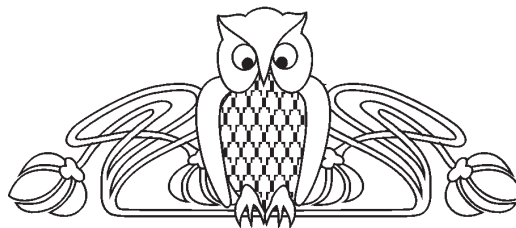
Ключевые слова: освобождение крестьян, либеральные реформаторы, А.В. Головнин, А.Д. Блудова, К.Д. Кавелин.

«Justice Demands to Ask Peasants...»: Experience of Dialogue of Liberal Reformers with Peasants on the Eve of 1861

O.V. Kochukova

In article separate private experience of clearing of the peasants, taking place on the eve of 1861 in A.V. Golovnin, A.D. Bludova and K.D. Kavrlin's manors are considered. Research shows similarity of perception initiators of reforms of reaction from outside peasants. In article comes to light, how stereotypes about country passivity, to irrationality and backwardness interfered with dialogue of landowners-reformers with peasants. The involved materials of archival sources allow to assume that the behaviour of peasants actually spoke more pragmatism of own interests and presence of the overestimated expectations concerning the future country reform. **Key words:** cleaning of peasants, liberal reformers, A.V. Golovnin, A.D. Bludova, K.D. Kavelin.

Отдельные частные опыты освобождения крестьян, имевшие место накануне 1861 г., представляют несомненный интерес для исследователей. По крайней мере, один из них широко известен. Это освобождение крестьян в селе Карловка, принадлежавшем великой княгине Елене Павловне, которая привлекла к разработке проекта Н.А. Милютина и К.Д. Кавелина (1856 г.). Известно и то, что было несколько других, менее громких предварительных экспериментов в области крестьянской реформы. Все они были связаны с активностью общественных деятелей, близких к «либеральным бюрократам». В данной статье речь пойдет о трех опытах освобождения крестьян, состоявшихся в имениях А.В. Головнина, А.Д. Блу-

довой и К.Д. Кавелина. Эти три эксперимента сближали многие общие и конкретные положения, но представляется интересным сконцентрировать внимание на схожести восприятия их инициаторами реакции со стороны крестьян. Установление «контакта» с крестьянами явно входило в задачи проектов, позиция крестьян определенным образом была понята. В связи с этим возникает возможность изучения вопроса о том, в какой степени велась подготовительная работа, направленная на узнавание реформаторами предварительного мнения крестьян о готовящихся переменах?

Принято считать, что в ходе подготовки отмены крепостного права реакция крестьян была учтена в наименьшей степени, так как выяснение их позиций не было целенаправленно организовано. С этим трудно не согласиться, но в принципе многие общественные деятели, и даже бюрократы, спрашивали крестьян. Другое дело, каким образом они слушали их ответы.

В либеральной мысли, с одной стороны, и практике «либеральных бюрократов» – с другой, теоретически признавалась необходимость изучения мнения крестьян. Один из примеров – «Записка об освобождении крестьян», составленная К.Д. Кавелиным (1855 г.). Руководствуясь прочно усвоенным прагматическим подходом, соединенным с либеральным принципом толерантности и идеей примирения крайностей в мнениях во имя достижения общественного единения, Кавелин, по его собственным словам, пытался «живо представить себе, что бы он стал говорить, если б был закоренелый помещик, и чего бы потребовал, и так далее», старался «войти в мысль мужика и правительства»¹. Соображения практичности и применимости как раз и делали насущной задачей апробацию проектов реформы в отдельных имениях. Столкнуться с изучением настроений крестьян было в таком случае просто делом неизбежным. К тому же немаловажную роль играло представление «либеральных бюрократов» о том, что именно в крестьянстве следует видеть прочную социальную опору нового самодержавного государства, и его интересы должны быть непременно учтены в качестве имеющих государственное значение. Обратной стороной этого представления была подозрительность в отношении крепостнически настроенной массы дворянства. Все эти аспекты определяли значимость попыток диалога либеральных реформаторов с крестьянами, но как всегда теория далеко не всегда и не во всем совпадала с практикой.

Прежде чем совершить этот переход «от теории к практике», следует отметить, что с научно-методологической стороны вопрос о восприятии представителями «образованного общества» (реформаторами) «народа», конечно, имеет уже определенные исследовательские традиции. Автор данной статьи не могла избежать определенных параллелей сюжета своего исследования с размышлениями Янни Коцониса, автора книги «Как крестьян делали отсталыми»². Непосредственно тема книги – сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России во второй половине XIX – начале XX века. Для нас важно следующее: исследователь делает акцент на распространенных в образованном обществе «способах мышления о крестьянах» и устанавливает их связь с реальной практикой реформирования деревни. Ведущий мотив в представлении образованного общества, по мнению Я. Коцониса, заключался в восприятии крестьян как пассивного объекта, на который направлены действия реформаторов. «Вопросы, которые задавали современники, – пишет он, – редко касались крестьян, как те понимали себя сами, но в гораздо большей степени относились к проблеме – как определить крестьян, оказать на них воздействие, получить с них причитающееся»³. Я. Коцонис сделал вывод об определяющей роли постулата, о крестьянской пассивности, подопечности и отсталости. Этот постулат сближал представителей разных идейных течений, споры касались того, как именно следует понимать интересы крестьян и кто это делает «правильно»⁴. (Нелишне заметить, что качества пассивности и отсталости традиционно приписывались дискурсивными практиками западной мысли в отношении колониального Востока.)

Я. Коцонис совершенно верно обозначил, по крайней мере, два отрицательных последствия укорененности в сознании образованного общества образа крестьянства как пассивного объекта. Во-первых, предубежденность препятствовала реальному «узнаванию» мнений и убеждений крестьян. Во-вторых, в действительности крестьяне имели свои интересы и преследовали их, используя при этом усвоенный ими язык образованного общества («при случае ... умело эксплуатировали стереотипы отсталости, нищеты и беспомощности»)⁵.

Весьма красноречив один фрагмент из докладной записки о карловских крестьянах, составленной Н.А. Милютиным. Сначала мы встречаем осторожное предположение: «...справедливость требует спросить самих крестьян, какое именно количество земли они желают получить»⁶. Но через несколько строк читаем, что «... можно будет внушить мирским обществам, чтобы они ограничились нынешнее свое требование крайнею надобностью, измерив собственные силы для исполнения предстоящих повинностей». Как видим, установка «спросить» заменяется установкой «внушить», что для автора, скорее, было просто

естественным образом мышления, чем преднамеренной подменой понятий.

Разумеется, ситуация конца XIX в., описанная Я. Коцонисом, во многом отличалась от особенностей восприятия «народа» реформаторами 1850–1860-х гг. В частности, стереотип «отсталости» не относился еще к числу особенно культивируемых в сознании. Напротив, накануне крестьянской реформы были распространены оптимистические ожидания в отношении готовности крестьян к переменам, «народу» реформаторами приписывались в основном позитивные свойства. Характерно утверждение, высказанное в письме калужского губернатора графа Толстого (1858): «Крестьяне, со своей стороны, ведут себя исключительно хорошо и высказывают необыкновенный такт. Спокойствие их невозмутимо... Без удовольствия нельзя смотреть на этот умный и дельный народ!»⁷

Действительный опыт общения с крестьянами в ходе осуществления «экспериментальных» опытов освобождения в отдельных имениях, казалось бы, должен был умерить оптимистический пыл реформаторов. Один из инициаторов «малой» реформы в отдельно взятом имении, известный общественный и государственный деятель А.В. Головнин, входивший в круг либеральных бюрократов и бывший лицом, приближенным к великому князю Константину Николаевичу, столкнулся с неожиданной реакцией со стороны крестьян почти в самом начале своего эксперимента. При составлении проекта освобождения крестьян в селе Гулынки Рязанской губернии (1858 г.) он руководствовался исключительно идейными мотивами (свои действия был склонен позиционировать как поступки хорошего бюрократа, жертвующего собственными интересами помещика). Крестьянам были предложены очень выгодные для них условия освобождения. В свойственной ему манере письма от третьего лица А.В. Головнин подготовил «Записку», в которой подробно освещались обстоятельства попытки реформы в Гулынках. В самом начале «Записки» автор сообщал: «В июле 1857 года помещик Рязанской губернии, Пронского уезда, села Гулынок приехал в имение свое собственно для того, чтоб освободить крестьян из крепостного состояния, наделив их причем землей и жертвуя почти половиной получаемого с давних лет дохода»⁸.

Механизм подготовки сделки с гулынкскими крестьянами был связан с мирским сходом. На нем выступали сельский священник, бурмистр и сам помещик. Исход дела был совершенно неожиданным для А.В. Головина. Крестьяне благодарили доброго помещика, но на сделку не соглашались. (Странная, в глазах реформатора, картина: крестьяне не желали освобождения из крепостной зависимости.) Мотивация отказа включала самые разнообразные соображения: бедные боялись лишиться пособия от помещика («тогда уж какая ни есть нужда случится, а к барскому анбару и не

ходи»⁹), богатые – того, что впредь им придется нести на себе тяжесть выкупных обязательств за бедных, а все вместе опасались вмешательства правительственных чиновников и притеснений с их стороны («Когда ты от нас совсем отступишься, нас всякий теснить будет, а мы твоею милостью много довольны»¹⁰).

Чем сам А.В. Головнин объяснял неудачу предпринятой им попытки освобождения крестьян? В большей степени нерациональностью крестьян и иными психологическими причинами, к примеру, боязнью перехода «из положения известного в неизвестное». Но есть основания предполагать, что поведение крестьян в действительности объяснялось более прагматичным пониманием собственных интересов и наличием ожиданий в отношении грядущего освобождения, отличавшихся от предложений помещика. А.В. Головнин упоминал в своей «Записке» о том, что зимой 1857 г. в окрестных деревнях пронесся слух, что «все крепостные крестьяне получат в скором времени вольность»¹¹. Но предположение о скрываемых от помещика завышенных ожиданиях в отношении будущей воли не входило в мысли А.В. Головнина. В его восприятии возобладал стереотип о нерациональности, пассивности, нерешительности крестьян. Между тем ряд высказываний гулыньских крестьян можно рассматривать как свидетельства умелой эксплуатации ими же самими образа беспомощной, подопечной помещику массы.

Подготовка Головниным «Записки», по сути, подробного отчета о несостоявшейся реформе в собственном имении, конечно же, имела общественное значение. На первый взгляд может показаться, что рассказывать о сорвавшемся «эмансипаторском» проекте значило расписываться в реформаторском бессилии или даже подавать повод думать, что планы реформаторов плохо соотносятся с народными чаяниями. Но А.В. Головнин сделал как раз противоположный по смыслу вывод, оптимистичный для реформаторов. Текст «Записки» заключается пространным рассуждением о необоснованности опасений о возникновении крестьянских бунтов как возможном следствии открытого перехода к подготовке крестьянской реформы: ведь желание свободы для большинства крестьян не дошло еще до последней степени. Ближайший практический смысл сочинения «Записки» был связан с аргументацией мысли о необходимости разрешения гласного обсуждения крестьянского вопроса в печати как меры, не представляющей никакой социальной опасности¹². Напрашивается вывод о том, что выяснение истинного положения дел в отношении крестьянских настроений отступило на задний план. Главное – манипулирование общественным мнением, поиск способов усиления позиций либеральных бюрократов в противостоянии «крепостническому большинству» и т.п.

Еще более показателен опыт освобождения крестьян, предпринятый в смоленском имении

графини А.Д. Блудовой. В фонде великой княгини Елены Павловны (ГАРФ) хранятся «Записки помещицы смоленской губернии о результатах освобождения ею крестьян по добровольной с нею сделке». По тексту документа можно предположить, что этот опыт относится к 1858–1859 годам. Сделка была одобрена императором в июле 1858 года¹³.

В отличие от гулыньских крестьян Головнина, состоявших на оброке, крестьяне Блудовой были барщинными. В ее случае самой острой была проблема обработки господской земли. А.Д. Блудова проявила завидное упрямство в преследовании теоретического принципа о превосходстве наемного труда. Этот принцип в ее глазах был неизмеримо значительнее результативности и экономической эффективности в конкретном случае. Помещица настаивала на непрременном переходе к обработке господской запашки по найму¹⁴. Скорее всего, и в целом она руководствовалась не мотивами повышения доходности имения, а значимостью ее успехов в деле освобождения как проверки на практике разделявшихся ею идей либеральных реформаторов. Как и Головнин, «смоленская помещица» к диалогу со своими крестьянами приступала с готовой программой. Потому общение не означало «спрашивания» крестьян, а больше напоминало названное Н.А. Милютинным «внушение».

Недоверчивость крестьян к доброжелательным замыслам помещицы обескураживала и, видимо, обижала А.Д. Блудову. После упоминания о добросовестной работе и благонадежном поведении крестьян «смоленская помещица» не могла не заметить, что «к этой лицевой стороне есть изнанка». Переход на выкуп не сопровождался решением проблемы с обработкой господской запашки. Отпущенные графиней вольные крестьяне никак не хотели «поставлять из себя наемных работников»¹⁵. Блудова констатировала «недоверчивость к землевладельцу» и записала слова, произнесенные одним из мужиков «в минуту откровенности»: «Нам покуда хорошо, нечего говорить. Мы за тебя Бога молим, да что-то будет после, когда выйдет положение для всех? Ведь нам и господа иные говорили, что вас, дескать, графиня обманула»¹⁶. Как видим, здесь крестьянская подозрительность в отношении планов помещиков, якобы стремившихся «опередить» в своих корыстных целях грядущую общую реформу («царскую волю»), на которую возлагались особые надежды, выражена совершенно определенно, в отличие от случая с крестьянами Головнина. Причины нежелания становиться вольными в данном случае более понятны. Кроме того, текст «Записки» Блудовой более откровенно предполагает инсинуации со стороны соседних помещиков-крепостников («иные господа»).

А.Д. Блудова предлагала своим крестьянам различные варианты решения вопроса: работа по найму за денежную плату (160 рублей на всю де-

ревню) либо отработочная система за пользование на длительный срок господской землей (60 десятин пахотной земли в уплату за обработку 8 десятин в поле). В любом случае предполагалось заключение сделки с общиной, а не индивидуально с крестьянами¹⁷. Крестьяне не приняли таких условий и совершенно неожиданно предложили обработать землю «просто так». Фактически это означало уход от обсуждения условий работы по найму. Оставить ситуацию с обработкой господской запашки без изменений было крайне нежелательным для А.Д. Блудовой, нацеленной на эксперимент с наемным трудом. Чем аргументировали крестьяне неожиданный порыв альтруизма с их стороны (предпочтение обработать землю помещицы «просто так», а не за вознаграждение)? Они говорили о желании облегчить совесть (стыдно брать деньги с барыни, у которой «и леску своровывают, и сенцо прибирают»). Ссылались на отсутствие опыта заключения подобного рода сделок и вообще работы по найму¹⁸. Как и А.В. Головнин, А.Д. Блудова видела в рассуждениях и поведении крестьян проявления нерациональности и психологическую боязнь перехода из известного состояния в неизвестное. Но, видимо, аргумент, который был значимым в глазах самих крестьян, а не только предназначался для ушей барыни, заключался в утверждении: «лучше никакой бумаги не подписывать»¹⁹. Иначе говоря, не связывать себя излишними обязательствами до объявления «царской воли». Следовательно, крестьяне имели представления о своих интересах, осознавали противоречие с интересами помещицы, но предпочитали их маскировать под стереотипы «отсталости и подопечности», одинаково прочно внедренные в сознании участников непростого диалога.

В целом ситуация в имении Блудовой оказалась намного более острой, чем у Головнина, и грозила выйти из-под контроля. Казалось, что крестьяне уже на грани бунта. Настойчивость помещицы спровоцировала грубость в разговоре со стороны крестьян. Один из мужиков вполне четко высказал скрытые желания и претензии остальных. А.Д. Блудова записала: он «окончил предложением продать их деревне мою землю за 300 рублей (100 десятин пашни) и остаться при моем саде и хуторе, которые мне только и нужны, а им нужно мое поле»²⁰. Ситуация приобретала характер, опасный для реформаторских сил: события в имении Блудовой стали вызывать негодование соседних помещиков.

В конце концов, управляющий был вынужден привлечь к обработке господской запашки крепостных из имения отца А.Д. Блудовой. Это вызвало горестное признание с ее стороны: «Мне было грустно и неловко, что, отпустив на волю своих крестьян, я пользовалась безвозмездно трудом крепостных, чужих!»²¹ На следующий год работа по найму все-таки была организована: но крестьян подбирали уже индивидуально и из разных поместий, договориться с общиной

в целом так и не удалось. Интересно описание первой пахоты наемных работников, в которой принимала личное участие сама барыня. «Этот первый вольный труд, – писала она, – был также дружен и весел, как последний барщинный перед освобождением»²².

Поскольку составление подробного описания личного реформаторского эксперимента имело, в глазах А.Д. Блудовой (как и А.В. Головнина), общественно-политическое значение, то завершался текст «Записок смоленской помещицы» выводами, выходящими на общую обстановку в связи с подготовкой крестьянской реформы. Блудова выступала с призывом ускорить подготовку реформы (скорее «развязать с крестьянами» помещиков»). «Все ждут уже с нетерпением обнародования общего положения и не охотно соглашаются на сделки. Откладывать это дело становится ежедневно опаснее; народ ждет спокойно, то есть мирно, но с возрастающим нетерпением, между тем как мелкие помещики ждут с беспокойством и раздражением; они становятся ежедневно враждебнее к крестьянам, которые чувствуют это, теряют к ним бывшую патриархальную привязанность и удержаны от вражды каким-то неясным сознанием своего преимущества, которое можно бы выразить словами: “На нашей улице праздник”»²³. Так, в конечном счете, неудачи и трудности в реформаторских инициативах связывались с влиянием на крестьян крепостнически настроенных соседних помещиков. Именно их позиции и настроения казались реформаторам главной проблемой, а не восприятие реформы самими крестьянами. Возобладал стереотип крестьянской пассивности. Крестьяне, оставаясь в сознании реформаторов объектом их направленных действий, не были в полной мере «услышаны».

В 1857–1858 гг. реформаторы впервые столкнулись с сопротивлением крестьян не только «неволе», но и планам их освобождения. Конечно же, осознавать такую реакцию со стороны крестьян было непросто. Один из откликов на события, происходившие в смоленском имении А.Д. Блудовой, встречаем в письме К.Д. Кавелина к А.Ф. Тютчевой, фрейлине императрицы Марии Александровны. В этом письме Кавелин рассказывал о случае в имении графини Блудовой: «Вы сами и очень многие знают, с каким самоотвержением графиня Блудова принялась за освобождение своих смоленских крестьян. И что же? Благонамеренные и великодушные усилия ее чуть-чуть не окончились ничем, вследствие упорного сопротивления крестьян стать вольными. Подобных случаев было несколько, даже более резких. Как и надо было ожидать, случаи эти подали повод к бесчисленным рассуждениям, из которых будто бы следует как дважды два четыре, что освобождение крестьян совсем не есть потребность народная, а вымысел людей, не знающих России, что эта мера преждевременная и последствия поэтому будут самые губительные»²⁴.

Вообще говоря, бунты, о которых писал Кавелин, были фактором, не содействовавшим приближению отмены крепостного права, а наоборот, отвращавшим правительство и дворян от идеи реформы. Поэтому было важно опровергнуть напрашивающийся вывод о преждевременности реформы. В качестве опровергающего аргумента был приведен собственный опыт. Кавелин рассказал о стремлении своих крестьян к свободе, утверждая, что они были накануне бунта, но как раз переход к обсуждению условий возможного освобождения успокоил крестьян, и они стали работать усерднее, чем когда-либо²⁵.

Действительно, автор «Записки об освобождении крестьян» имел возможность проверить свои взгляды на практике. Проверка воззрений К.Д. Кавелина состоялась в его собственном имении. Сохранившиеся в архиве документы, отразившие его попытки изменить порядки в с. Константиновка Самарской губернии, также имеют значение для выяснения того, как происходило столкновение общественных доктрин с социальной реальностью и как это столкновение вскрывало моменты их утопизма.

Уже в начале 1857 г. стали распространяться разговоры о намерении Кавелина освободить своих крестьян²⁶. В самом деле, к этому времени Константин Дмитриевич предпринял определенные предварительные шаги, целью которых было изучить настроения крестьян и попытаться найти приемлемый вариант решения практических вопросов, связанных с их грядущим освобождением. Кавелин приказывал своему управляющему переговорить с крестьянами ввиду того, что надеялся на заключение «условий», которые будет позволено представить правительству. Помещик с. Константиновка перечислял свои условия крестьянам, среди которых оговаривались цена земли за десятину (она должна была быть не меньше предлагавшейся посторонним покупателем), сроки уплаты выкупных платежей, условия работы до полного выкупа²⁷. Таким образом, Кавелин показал себя расчетливым помещиком, далеким от абстрактных альтруистических побуждений. Впрочем, это никак не противоречило его взглядам, отраженным в программных работах теоретического характера. Забота о социальной справедливости в системе взглядов Кавелина сочеталась с прагматизмом и защитой эффективности экономики, а настаивание на необходимости выкупа отражало интересы помещиков как частных собственников. Очевидно, Кавелин полагал, что можно и нужно совместить интересы двух сторон, прийти к согласию и компромиссу на основе взаимного уважения интересов. Поэтому весьма важной представлялась своевременная идеологическая подготовка крестьян, разъяснение им сущности и задач предстоящих преобразований. Следует сказать, что привлечение крестьян к предварительной стадии подготовки реформы (хотя бы на уровне пропаганды и разъяснения), действительно, могло быть полезным. Кавелин

просил управляющего «подробно переговорить с крестьянами, сперва с умнейшими, а потом и с прочими»²⁸.

Но Кавелин еще не осознавал всех предстоящих трудностей, не усматривая утопизма в своих примирительских планах. Согласовывался ли план выкупа с представлениями крестьян об их праве на землю, о сущности понятия «воля»?

В заключении уже упоминавшегося письма к А.Ф. Тютчевой Кавелин вопрошал: «Не правда ли, это весьма замечательно? Посмотрите: я помещик добрый, оберегаю крестьян, забочусь об них, – а между тем, как они сильно желают свободы! Где же дикари, готовые взбунтоваться при первом слове о вольности, представляющие себе свободу в виде привилегии никому ничего не платить?»²⁹. Однако другие документы свидетельствуют о том, что автор письма фрейлине императрицы не был вполне искренним и намеренно скрывал правду. Его предварительные шаги в собственном имении оказались не совсем удачными. Случилось неизбежное – менталитет крестьян не «укладывался» в созданную Кавелиным схему, а материальные интересы двух сторон приходили в столкновение. 14 февраля 1858 г. Кавелин написал приказ крестьянам с. Константиновка, в котором, между прочим, констатировал: «...вы ко мне в этот последний год не так были хороши, как прежде, и за это вас похвалить мне нечем. У вас были неповиновения и смуты, и воровства, так что надобно было в стан посылать вас наказывать... Говорите: барин нас на волю хочет выпустить, так мы хотим, чтобы не было вовсе управляющего в деревне. А теперь, видите, что этим не берет, добиваетесь, чтоб на оброк я вас выпустил, и обещаете 30 рублей с тягла... Вы думаете, я не понимаю, что если мне вас на оброк выпустить, так мне с своей землей нечего делать будет?»³⁰.

Но Кавелин не сделал из неудачного первого опыта радикальных выводов, не отказался от идеи компромисса интересов крестьян и помещиков. Возможно, следует признать, что этот опыт оказал значительное воздействие на дальнейшее становление взглядов Кавелина, убедив его в необходимости проявлять гораздо большее внимание к материальным потребностям крестьян и делать больше уступок, жертвуя порой интересами помещиков.

Вообще же нестандартную реакцию со стороны крестьян автор программных статей и записок по крестьянскому вопросу не считал настолько опасным явлением, как реакцию со стороны помещиков. Во второй половине 1850-х гг. важнейшей политической задачей либеральные реформаторы считали создание такого механизма преобразований, который оказался бы действенным в борьбе с крепостническим дворянским большинством. Подобное восприятие ситуации оказало влияние на тот диалог либеральных реформаторов с крестьянами, который имел место накануне 1861 г., но не стал результативным и эффективным в плане разработки конкретных оснований крестьянской реформы.

Примечания

- ¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды Погодина. Т. XIV. СПб., 1900. С. 214 (письмо К.Д. Кавелина к Погодину 17.03.1856).
- ² См.: Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914 / авторизованный пер. с англ. В. Макарова. М., 2006.
- ³ Там же. С. 24.
- ⁴ Там же. С. 13–17.
- ⁵ Там же. С. 22–23.
- ⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 647. Оп. 1. Д. 995. Дополнительная записка о наделе карловских крестьян землею (составлена Н.А. Милютиним). Л. 35.
- ⁷ Там же. Д. 113. Выписка из письма калужского губернатора графа Толстого о настроениях дворянства и крестьян ввиду слухов о предстоящей реформе. 23 февраля 1858 г. Л. 2–2 об.
- ⁸ Там же. Д. 162. Записка неустановленного автора о нежелании части крестьян освобождения от крепостной зависимости... Л. 1. Записка опубликована и авторство А.В. Головнина установлено. См.: «Необходимо торопиться с освобождением крестьян». Записки А.В. Головнина. 1848–1860 // Исторический архив. 1995. № 4. С. 153–160; Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.) М., 2007. С. 63–64.
- ⁹ Там же. Л. 5 об.

- ¹⁰ ГАРФ. Л. 2 об.
- ¹¹ Там же. Л. 5.
- ¹² Там же. Л. 4 об.–5.
- ¹³ Там же. Д. 99. Записки помещицы смоленской губернии о результатах освобождения ею крестьян по добровольным с нею сделкам.
- ¹⁴ Там же. Л. 3 об.–4.
- ¹⁵ Там же. Л. 3 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Л. 11.
- ¹⁸ Там же. Л. 12.
- ¹⁹ Там же. Л. 12 об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 13.
- ²² Там же. Л. 19–19 об.
- ²³ Там же. Л. 21 об.–22.
- ²⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф. 548. Карт. 4. Д. 28. Письмо Кавелина к А.Ф. Тютчевой 1857 г. Л. 1–1 об.
- ²⁵ Там же. Л. 2–3.
- ²⁶ Там же. Карт. 5. Д. 8. Письмо К.К. Грота Кавелину 1857 г. Л. 1–1 об.
- ²⁷ Там же. Карт. 4. Д. 29. Письмо Кавелина управляющему с. Константиновка 17 сент. 1857 г. Л. 18, 18 об.–20 об.
- ²⁸ Там же. Л. 20 об.
- ²⁹ Там же. Д. 28. Письмо Кавелина к Тютчевой... Л. 3 об.
- ³⁰ Там же. Д. 29. Приказ Кавелина крестьянам с. Константиновка Самарской губ., 14 февр. 1858 г. Л. 26 об.–27.

УДК 947+070

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА (на примере печатных изданий Пензенской области)

С.В. Шпаковская

Пензенский государственный университет
E-mail: nightpenza@mail.ru

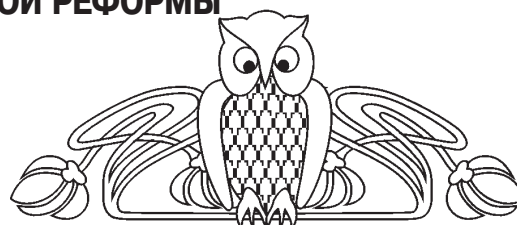
В статье рассматривается несоответствие между возможностями государственного контроля за региональными СМИ на момент проведения реформы 1861 г. и их практической реализацией по обеспечению ее эффективного осуществления на местах.

Ключевые слова: губернская пресса, «информационные войны», частные газеты и журналы, слухи, реформа, манифест 19 февраля 1861 года.

Information Support of «Great Reform» in Russian Provincial Publishing in the Middle of the 19th Century (Regional Newspapers of Penza Region are Taken as a Subject of the Research)

S.V. Shpakovskaya

I show the discrepancy between the perspectives and actual functioning of the state regional papers. The peculiarities of the development

of Russian provincial publishing during the reforms of 1861 are discussed in the article.

Key words: regional newspapers, «information war», private newspapers and magazines, rumors, reform, Emancipation Proclamation.

Как известно, многомиллионная крестьянская масса России встретила Великие реформы 1861 г. взрывом негодования, причем «минута разочарования», которую предвидел Александр II, не только не стала кратковременным явлением, а напротив – растянулась на годы.

Даже само чтение Манифеста, судя по многочисленным документам означенного периода, сопровождалось беспорядками, из-за которых уполномоченные заниматься этим приставы были даже вынуждены от него отказываться¹.

Впрочем, не только крестьяне, но даже и священнослужители той же Пензенской губернии позволяли себе высказываться о реформе явно

негативным образом. Так, приходский священник села Степановки «явным образом и с наглостью, превосходящей всякие границы», возбуждал крестьян к неповиновению их обязанностям в отношении помещиков. Священника предполагалось удалить от пасты, а в назидание другим послать в Наровчатский Сканов монастырь на два месяца с подпиской в дела помещиков потом не входить². При этом ему в вину ставилось еще и то, что он говорил крестьянам, что «барщина кончена и народ свободен от всего, а господа скрывают... указ...»³.

Существовало даже специальное распоряжение для священников о поведении во время разъяснения Манифеста, присланное пензенскому военному и гражданскому губернаторам. Причем в нем отмечалось, что с 18 марта по 5 апреля 1861 г. имели место неблагоприятные действия четырех священников Пензенской епархии, которым было указано, чтобы они не входили в вопросы, которых они не понимают, а обращались бы за разъяснениями к сенатскому начальству⁴.

Иные духовные лица пострадали за свой «длинный язык» много серьезнее. В частности, об этом свидетельствует документ «об увольнении из духовного сана дьячка Николаева за неправильное разъяснение крестьянам села Селиксы Городищенского уезда Высочайшего Манифеста 19 февраля». Дело было начато 2 апреля, уже 18 закончено, что свидетельствовало о суде весьма скором, хотя точно чем это дело закончилось по содержанию сохранившихся в деле страници и нельзя⁵.

«Нелепые слухи» в отношении крестьянской реформы и «клоняющиеся к нарушению народного спокойствия» в Пензенской губернии распространяли: крестьянин села Чемодановка Андрей Павлов⁶, причем делал это уже весной 1862 г.; два солдата, разглашавшие их между крестьянами в том же 1862 г.⁷; уволенный в четырехмесячный отпуск чиновник Пензенского губернского правления Стеклов⁸ и его однофамилец коллежский секретарь Еланской волости⁹ и даже помещица Эмилия Валицкая. Последняя за распространение «возмутительных слухов» среди крестьян была даже посажена в Чембарский тюремный замок¹⁰!

Обращает на себя внимание тот факт, что все документы свидетельствуют о том, что Высочайший Манифест зачитывался крестьянам, то есть сообщался им в устной форме¹¹, сами они его прочитать по большей части просто не могли. Те же отдельные экземпляры документа, которые и попадали им в руки в результате волнений, подлинными крестьяне не считали. Скорее всего, потому, что столь важный для себя документ видели в руках людей, которым они не слишком доверяли. Разумеется, в то время было просто физически невозможно отпечатать такое большое количество экземпляров Манифеста, чтобы их хватило, допустим, на каждое крестьянское домовладение в стране. Однако необходимость в значительно

большем количестве копий отпечатанного Манифеста очевидна.

Здесь, впрочем, правильно было бы использовать для этого печатную прессу на местах, однако в силу совершенно непонятных причин сделано это было с большим опозданием. Так, в газете «Пензенские губернские вести» за 22 февраля¹² в «отделе первом – официальной части» текст Манифеста опубликован не был. И только лишь 15 марта 1861 г., то есть месяц спустя после того, как он уже стал достоянием гласности, текст Манифеста был напечатан в № 11 газеты «ПГВ»¹³. 29-го марта в «ПГВ» был напечатан «Указ Правительственного Сената об устройстве комитетов об устройстве сельского состояния»¹⁴, а 12 апреля «Указ министру императорского двора и уделов о прекращении взимания оброка и предоставлении права приобретения усадеб и угодий»¹⁵, который правительством был принят 5 марта.

Только в № 17 «ПГВ» от 19 апреля 1861 г. были опубликованы постановление и распоряжение правительства: «правила для устройства быта крестьян, отрабатывающих работы на помещичьих фабриках». Хотя само оно было утверждено еще 19 февраля 1861 г.¹⁶, только 3 мая 1861 г. в «ПГВ» появилось распоряжение губернского начальства, что на основании Манифеста 19 февраля для вступления в брак вышедшим из крепостной зависимости крестьянам и дворовым людям больше дозволения помещиков не требуется¹⁷, и лишь 14 июня 1861 г. в отделе «неофициальная часть» было приведено краткое изложение прав и обязанностей крестьян и дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости¹⁸.

Получается, что, имея опыт «информационных войн», посредством печатного слова за пределами России царское правительство, по крайней мере на уровне губернской периодической печати, не принимало особых мер, чтобы его силой воздействовать на своих собственных граждан внутри страны. В то же время робкие ростки свободомыслия проникли в те же самые «Пензенские губернские вести» практически сразу же после начала Великих реформ. Об этом свидетельствует, например, появление таких материалов, в которых авторы уже размышляли о происходящих переменах и делали в них соответствующие выводы, что было нехарактерно для публикаций предшествующего периода. Например, пензенский городской врач Диатропов в своем материале «Заметка», написанном в 1863 г. (неофициальная часть), писал: «В своей городской прогулке, вы замечаете, что во многих трехоконных флигелях среднее окно переделывается в дверь, над которой уже готова белая надпись на красном поле»¹⁹. Автор имеет в виду повсеместно открывавшиеся в городе питейные заведения типа «распивочно и на вынос». И в данном случае перед нами интересный образец исторического свидетельства: во-первых, показательно, что с освобождением крестьян люди стали больше

пить; а во-вторых, что как тогда, так и после соответствующих реформ 1991 г. в городе Пензе точно также началась переделка под распивочные и пивные жилых квартир. Единственная разница заключалась лишь в том, что тогда переделывали «трехоконные флигеля», а тогда (да и сейчас) под всевозможные пивные, бары, конторы и офисы переделываются квартиры в первых этажах современных многоэтажных зданий, а так никакой разницы практически нет!

Так, опираясь на приведенные выше примеры, можно доказательно говорить о неудовлетворительном использовании губернской прессы в ходе подготовки и претворения в жизнь столь важного для России начинания, как отмена крепостного права. По сути, пресса совершенно выпала из поля зрения властей, причем пресса официальная, потому что многочисленные к этому времени в стране частные газеты и журналы постарались извлечь из этого события пользы для себя и своих читателей по максимуму.

Совсем иначе в этом смысле выглядели публикации в газете «Пензенские епархиальные ведомости». Как и положено такого рода изданиям, в них проповедовались мир и терпимость, так что многое из того, что было напечатано, даже в то время, не потеряло своей актуальности и сейчас. «Крайности в политических мнениях произвели, с одной стороны, известную книгу Макиавелли, а с другой – “Общественный договор” Руссо. Эти сочинения можно считать противоположными точками круга, описанного науками политическими около религиозного учения о государственном устройстве. Суждения о гражданском быте народов не освободятся от грубых заблуждений до тех пор, пока публицисты будут поставлять единственной целью общественные наслаждения и удобства жизни, вместо духовного совершенствования. И думать, что из борьбы властей и сословий может произойти равновесие, благоприятное для гражданственности»²⁰, – писал в своей статье «Неподвижные звезды и планеты духовного мира» Павел Т. Морозов в неофициальной части газеты от 1 июля 1866 года. И совершенно очевидно, что эта его точка зрения именно сегодня обретает второе рождение. Очень многие современные

публицисты как раз так и рассматривают нашу сегодняшнюю действительность, что лишний раз свидетельствует о том, что, даже будучи удаленной от нас на 150 лет, эта истина не потеряла своего значения, равно как и весь исторический опыт Великих реформ XIX века.

Примечания

- ¹ Государственный архив Пензенской обл. (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Т. 2. Д. 3952 «О беспорядках в селе Чемодановка Городищенского уезда». С. 11.
- ² Там же. Д. 3961 «О поступках приходского священника села Степановки Василия Парейского». С. 1–2, 20, 11.
- ³ Там же. С. 3.
- ⁴ Там же. Д. 3962 «Распоряжение священникам о поведении во время разъяснения Манифеста». С. 2.
- ⁵ Там же. Д. 3963 «Об увольнении из духовного звания дьячка Николаева за неправильное разъяснение крестьянам села Селиксы Городищенского уезда Высочайшего манифеста 19 февраля». С. 1, 2.
- ⁶ Там же. Д. 4050. С. 1.
- ⁷ Там же. Д. 4049. С. 1, 2.
- ⁸ Там же. Д. 4050. С. 4.
- ⁹ Там же. С. 14.
- ¹⁰ Там же. Д. 4314. С. 11–20.
- ¹¹ Очевиден средневековый, рассчитанный на патриархальное сознание крестьян, способ передачи информации, по теории Лассуэла, уже изначально отличающийся сильной «зашумленностью» и потому малозффективный.
- ¹² См.: Пензенские губернские весты (далее – ПГВ). 1861. № 8.
- ¹³ Там же. № 11. «Официальная часть». С. 97–102.
- ¹⁴ Там же. № 15. С. 115–117.
- ¹⁵ Там же. С. 115–117.
- ¹⁶ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3877. С. 253.
- ¹⁷ ПГВ. 1861. № 17. «Официальная часть». С. 159–160.
- ¹⁸ Там же. № 18. «Официальная часть». С. 170–171.
- ¹⁹ Там же. 1864. № 5. «Заметка».
- ²⁰ Павел Т. Морозов. Неподвижные звезды и планеты духовного мира // Пензенские епархиальные ведомости. 1866. 1 июля. № 11. С. 357–358.

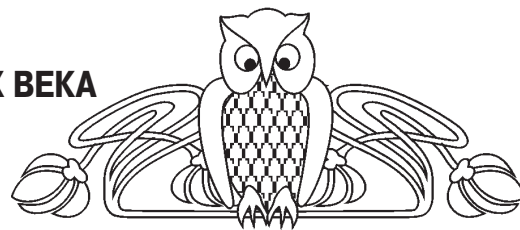

УДК 27–86(470.41) «18/19»

ЧИСЛЕННОСТЬ СТАРООБРЯДЧЕСТВА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

И.Р. Латыпов

Институт истории при Академии наук Татарстана, Казань
E-mail beaulatipov@yandex.ru

Статья посвящена проблеме статистики старообрядчества. Автор исследует меры правительства в этом направлении и отвечает на острые вопросы: какие у проводимых переписей староверов были преимущества и недостатки, почему статистика не дала желаемых результатов? Также в статье проливается свет на изменения численности сторонников старой веры в Казанской губернии в XIX и начале XX в., старообрядческие центры в губернии и на многое другое.

Ключевые слова: старообрядцы, статистика, перепись, Казанская губерния, история церкви.

Number Old Believer the Kazan Province in XIX – the Beginning of XX Centuries

I.R. Latypov

Article is devoted a statistics problem Old believers. The author investigates government measures in this direction and answers thorny questions: what advantages and lacks why the statistics has not given desirable results at spent censuses of conservatives were. Also in article light is shed changes of number of supporters of old belief in the Kazan province in XIX and the beginning XX centuries, the old believe centres in province and on many other things.

Key words: Old Believers, statistics, census, Kazan province, church history.

Статистический вопрос в истории старообрядчества – один из самых сложных, однако именно количество приверженцев веры определяет степень ее влияния. Государственная власть с начала XVIII в. осуществляла попытки вести учет количества старообрядцев, проживающих на территории Российского государства¹.

Статистика раскола получила свое начало еще при Петре I, который в 1720 г. предписал всем старообрядцам объявлять о себе в приказе церковных дел. С 1722 г. в Святейший синод стали поступать ежегодные ведомости о явных раскольниках, положенных в двойной оклад, и эти ведомости в течение почти всего столетия оставались единственным документом о размерах и движении раскола. Они фиксировали только души мужского пола². Надо сказать, что мера эта не имела никакого успеха, потому что незадолго до этого указа старообрядцы были обложены двойными податями, отличены особой обязательной одеждой. Иными словами, у старообрядцев появился прямой интерес избежания двойного оклада и разных унижительных мер. Таким образом, все меры правительства обнаружить численность старообрядчества распространялись только

на ту часть старообрядцев, которая не успела или не хотела скрыться. Уже тогда старообрядчество стало тщательно избегать гласности, поэтому все свои дела облекло в таинственность.

Начиная с указа 14 декабря 1762 г., который прекратил гонения на старообрядцев, в течение полувека постепенно развивается политика веротерпимости³. Старообрядцы были поставлены в положение вполне безопасное, даже с правами юридического существования некоторых общин. Правительство стало смотреть на них снисходительно, в 1775 г. оно постановило брать с них рекрут натурой, наравне с православными, с 1782 г. сложило двойной оклад, допустило к общественным должностям⁴. Из-за ликвидации исключительных финансовых мер ведомости о них прекратились и старообрядцы вошли в общую ревизию, их особое счисление прекратилось.

Попытка возобновить статистику старообрядчества была сделана при Александре I, тотчас по учреждении Министерства полиции, в ведение которого поступили дела о «расколе». 18 августа 1811 г. по Высочайшему повелению было постановлено: «всем начальникам губерний собрать сведения, сколько в которой находится старообрядцев, и ведомости о них доставлять ежегодно к 1 января и 1 июля министру полиции»⁵. Предприятию министра полиции не суждено было осуществиться – как только Наполеон вступил в пределы России, начавшаяся перепись раскольников была прекращена.

В 1820 г. Министерство полиции было упразднено, дела о старообрядцах перешли в особую канцелярию Министерства внутренних дел (далее – МВД). Ведомости стали поступать с 1824 г., в полном объеме – с 1826 г.⁶

С начала царствования Николая I мы встречаем целый ряд указов о доставлении ведомостей о числе старообрядцев. Следствием этих указов стало доставление раскольничьих ведомостей⁷. По Российской империи ведомости показывали наличие от 825 тыс. до 1 млн старообрядцев. Цифры по Казанской губернии были следующие: 1826 г. – 8 738 старообрядцев, 1827 г. – 8 934, 1837 г. – 8 106, 1839 г. – 8 145, 1841 г. – 8 502, 1846 г. – 7 970 старообрядцев⁸.

Казанская губерния не была центром старообрядчества. По количеству последних она была крепким середняком: в 28 губерниях староверов было больше, в 30 губерниях их было меньше.

Впрочем, следует заметить, что самые старообрядческие губернии – Саратовская (51 тыс.) и Нижегородская (30 тыс.) были соседями Казанской губернии.

Что же говорят нам эти цифры? К каким выводам мы можем прийти?

Во-первых, доставленные цифры верно определяли относительную численность согласий старообрядцев. В Казанской губернии поповцы преобладали над беспоповцами.

Во-вторых, статистика верно показывала преобладание в старообрядчестве женского пола над мужским.

В-третьих, если брать общеимперские цифры, то они верно указывают на те местности, где преобладал раскол, т.е. в Московской, Саратовской, Пермской, Тобольской, Черниговской губерниях. Казанская же, действительно, уступала этим центрам старообрядчества, о чем и говорят цифры.

В то же время исследователи подвергли сомнению данные официальной статистики. Известный полемист со старообрядцами в XIX в. и кандидат богословия Михаил Николаевич Васильевский – один из многих, кто критиковал перепись старообрядчества. Ее неудачу он видел в следующем: «... официальная статистика оказалась неудовлетворительной. Зависело это от ведения ее первоисточников – именных полицейских списков и духовных росписей. В полицейские списки заносились только записные раскольники, т.е. потомки плативших в XVIII столетии двойной оклад, да и те не все. В иных уездах цифры не изменялись по 40 лет и, несмотря на естественное приращение населения, число раскольников показывалось или одно и то же по 10 лет или с каждым годом понемногу убавлялось исправниками, чтобы показать пред начальством “благополучие уезда и усердие свое” к ослаблению раскола»⁹.

Не только уездный исправник (гражданская власть) имел причины быть неточным в показаниях духовных росписей. Еще больше причин для этого имело местное духовенство. «Если бы какой-нибудь священник вздумал представить в консисторию действительную цифру раскольников своего прихода, то ему угрожала бы еще более чувствительная неприятность, чем исправнику. Обнаруживая действительное число раскольников и чрез то показывая их больше чем раньше, каждый священник имел основание опасаться, что его сочтут “за слабого священника и неспособного” и заставят поплатиться за это»¹⁰.

Кроме субъективных причин неудачи статистики старообрядцев, были и объективные. Базовой причиной являлось общественное и правовое положение старообрядцев в XIX веке. Как справедливо отмечал профессор Духовной академии Н.И. Ивановский: «Репрессивные меры правительства по отношению к расколу ставят непреодолимые препятствия создать статистику раскола. При таких отношениях раскольники будут всегда скрываться от взора правительства;

только под условием веротерпимости и возможна более или менее верная статистика раскола»¹¹.

Действительно, при подобных условиях наивно было бы ждать, что старообрядцы, признанные духовной и светской администрацией особенно вредными, на вопрос счетчика отвечали бы с полной откровенностью. Как пишет А.С. Пругавин: «Счетчики переписи зарегистрировали фанатиков, готовых страдать за веру. Но подобные люди составляют меньшинство. Огромное же большинство обыкновенных средних людей, во избежание всякого рода неприятностей, постаралось, конечно, так или иначе уклониться от ответов»¹².

Таким образом, мы обозначили две основных причины недоверности статистических сведений по старообрядцам. Во-первых, это правовой статус староверов. Репрессивные меры против них и взгляд правительства как на враждебную силу способствовали замкнутости, закрытости и скрытности сторонников старой веры. Во-вторых, это страх перед наказанием приходского духовенства и местных властей. Если бы они показали большую цифру старообрядческого населения, это вылилось в большую для них неприятность.

Самым же поразительным образом несообразность официальной цифры с действительностью обнаружилась перед правительством в 1850 году. Тогда, по случаю исполнившегося 25-летия царствования Николая I, все министры и главноуправляющие отдельными частями, кроме годовых отчетов, представили отчеты за 25 лет. Представил свою записку и министр внутренних дел граф Л.А. Перовский. Оказалось, что к началу царствования Николая раскольников в России было 827 тысяч, в 25 лет обратилось к православию более миллиона и все-таки к 1851 г. осталось их 750 тысяч¹³.

Император, прочитав «Записку о расколе в 1825–1850 годах», приказал графу придумать средства, каким бы образом, не возбуждая народных толков о записи в старообрядцы, негласно и осторожно собрать возможно верные сведения о числе старообрядцев, хотя бы в некоторых губерниях. Было решено образовать «статистические экспедиции» для Нижегородской и Ярославской губернии: первую – под начало П.И. Мельникова, а вторую – председателя петербургской уголовной палаты И.С. Синицына. Позже признали нужным отправить экспедицию и в Костромскую губернию, туда направили чиновников министерства Брянчанинова и Арнольди.

Исчисления статистической экспедиции резко разошлись с официальной статистикой (таблица).

П.И. Мельников исследовал Казанскую губернию: «Исследования по Казанской губернии мной не окончены, пробыв в Казани месяц (с февраля по март 1855 г.), я отправился в Санкт-Петербург для личных объяснений с министром. В это время исследование по расколу прекратилось, я

Численность старообрядцев

Губерния	Данные статистики	
	Официальной	Экспедиции
Нижегородская	20 246	172 500
Костромская	19 870	105 572
Ярославская	7 454	248 417

больше не возвращался в Казанскую губернию. Успел собрать данные только по Казани. По моим подсчетам их было 72 тысячи. Преосвященный казанский архиепископ Григорий, сообщая мне разные сведения о расколе в его епархии, замечал, что раскольников в его епархии должно быть более ста тысяч»¹⁴.

Итог по трем губерниям был неутешительным: 47 570 старообрядцев по официальной статистике и 556 389 по данным экспедиций. Разница в 11 раз.

Чиновники МВД и некоторые исследователи пошли по пути от частного к общему и, отгалкиваясь от разницы официальной статистики и данных чиновников МВД в 11 раз, множили официальную цифру 900 тысяч на 11 и получали 9–10 млн старообрядцев.

К группе исследователей, ратовавших за цифру в 9–10 млн, относились И.П. Липранди, В. Кельсиев, П.И. Мельников, А.С. Пругавин, И. Юзов.

Некоторые из них, И. Юзов например, шли дальше и к 9,5 млн добавляли факторы естественного прироста и пропаганды. Так, к 1859 г. выходило, что, «принимая во внимание сильное распространение раскола за последние 20 лет путем пропаганды, цифру 12 млн можно повесить до 13–14 млн»¹⁵.

А.С. Пругавин, учитывая эти же факторы, приходил к выводу, что к началу XX в. их должно быть уже около 20 млн: «... мы видели, что уже в начале 80-х гг. исследователи раскола, основываясь на официальных сведениях, считали всех староверов до 15 млн. А если принять во внимание прирост населения и увеличение путем пропаганды, то едва ли будет большой ошибкой определить число всех старообрядцев в настоящее время (1904 г.) в 20 млн»¹⁶.

То есть о 10-миллионном числе старообрядцев в середине XIX в. говорили, как о вопросе уже решенном и не нуждающемся в дальнейших доказательствах. Для историков было важнее прикинуть на глаз, сколько старообрядцев набиралось ближе к XX веку.

Спорность утверждений и приблизительность вычислений этих историков очевидна. Во-первых, нельзя делать вывод о всей империи исходя из сведений по трем губерниям и так легко жонглировать цифрами. Во-вторых, прежде чем делать далеко идущие выводы, необходимо было проверить точность исследований статистических экспедиций. В-третьих, рассуждения, что все, кто не исповедывался по нерадению и почти все

кто исповедывался, но не приобщился – старообрядцы, представляются нам столь же приблизительными и неоднозначными, как вычисление общего количества старообрядцев исходя их цифр трех губерний.

В противовес историкам, ратовавшим за 10-миллионную цифру, выступила следующая группа исследователей: Н.И. Ивановский, Н.И. Субботин, М.Н. Васильевский, игумен Павел.

Н.И. Ивановский следующим образом критикует цифру в 10 млн: «Главный источник 10-миллионной цифры – показания чиновников МВД. На чем основывались эти показания? Как определяли в раскольники? За основу брали вещественные признаки. Нет спору, что эти признаки не лишены значения, но опираться только на них, значит избрать путь скользкий»¹⁷. И один за другим Н.И. Ивановский разбивает критерии, по которым чиновники записывали в старообрядцы. Что говорить, если даже сам П.И. Мельников, руководитель одной из экспедиций, признавал что «при производстве исследований на местах ни по духовному ведомству, ни по гражданским губернаторам и специальным чиновникам не было дано одинаковой программы действий, и каждый действовал по своему усмотрению. Конечно, это большой недостаток... Так Синицын в Ярославской губернии признаками раскола считал домашнее употребление листовок, подручников и ручных кадилниц. Если этот признак был принят в основание в Нижегородскую губернию, то мне пришлось бы все население Заволжья отнести к раскольникам»¹⁸.

Н.И. Ивановский, в свою очередь, не только критикует чужие критерии записи в староверы, но и предлагает свои. Главным условием решения вопроса о правильном понятии численности старообрядцев историк видит указание тех признаков, которые составляют принадлежность действительного старообрядца. Признаками старообрядца он называет:

- 1) двуперстие при изображении крестного знамения;
- 2) присягу, заключающую в себе проклятие раскольников и их мнений;
- 3) уклонение от участия в церковных собраниях, таинствах.

И сам тут же разрушает названные признаки. Присягу он считает средством очень медленным. Либо старообрядцы могли просто солгать, что привело бы к нежелательному клятвopеступлению. Уклонение от участия в церковных таинствах, для

Н.И. Ивановского, также не абсолютный признак, так как многие раскольники принимают некоторые церковные таинства. В итоге он приходит к выводу, что только приходское духовенство сможет проводить точную статистику. «Все перечисленные признаки (внешние, вещественные) могут указывать пастырю церкви тех лиц, на которых должно быть обращено его внимание. При близости священника к своим прихожанам, при их непосредственных отношениях, первому как весьма легко заметить означенные признаки, так и в прямой беседе... вот от кого мы можем получить достоверные сведения»¹⁹.

Присоединяется к своему учителю и аргументированно критикует цифру в 10 млн М.Н. Васильевский. Он указывает на то, что министерские чиновники, собиравшие сведения о старообрядцах в других губерниях (Вологодской, Симбирской и Саратовской), показали там число староверов лишь немногим более официальных данных. Так, в Вологодской в 1846 г., по официальным данным, было показано 2 569 беспоповцев, а в 1850 г. чиновник показал их 3 520²⁰, в Симбирской – 7 500, а чиновник 8 308²¹, в Саратовской – 41 870 старообрядцев, а чиновник МВД – 44 096²².

Справедливость сомнительного отношения к 9–10-миллионной цифре, по мнению М.Н. Васильевского, станет еще очевидней, если мы рассмотрим, каким образом статистические экспедиции производили исчисления. «Со стороны министерства внутренних дел им не было дано никаких указаний. Вот что им говорит граф Л.А. Перовский: “Вы посылаетесь в первый раз в виде опыта, самые ошибки в этом новом деле будут полезны впоследствии при производстве таких же работ по губерниям”. Не получив определенных указаний, исследователи сами тоже незнакомые с делом, действовали по своему усмотрению. Синицын, например, очевидными признаками считал листовки с треугольниками, род подушечек, подкладываемых при земных поклонах под руки и т.д.»²³.

При Александре II статистика раскола представляла для правительства один из важных вопросов²⁴. Впрочем, цифры, собираемые правительством, изменились не сильно. Данные, опубликованные в 1863 г. статистическими таблицами со статистикой за 1858 г., почти не отличались от предыдущих. Общее число старообрядцев в Российской империи составляло 759 880 тыс., или 1,5% от всего православного населения России (49 809 891).

В Казанской губернии старообрядцев было показано 8 954 (3 892 мужчин + 5 122 женщин), или 0,8% от православных губернии (1 102 756 человек). В уездах Казанской губернии проживало 5 048 старообрядцев, в городах – 3 906.

Таким образом, официальная статистика была представлена сведениями, собранными начальниками губерний. Были и другие ведомости, составленные духовным ведомством, которые пред-

ставлялись в отчетах Святейшего синода. Однако существенной разницы между ними и сведениями светских властей не было. Каких-либо серьезных корректировок в численности староверов в той или иной губернии они не вносили. Например, в 1854 г. Казанская духовная консистория показала 8 735 старообрядцев²⁵. В 1878 г. казанский архиепископ называет число староверов в Казанской епархии «все еще значительным. Оно простирается до 12 тысяч душ обоего пола»²⁶.

Вместе с тем конкретные сведения по отдельным городам, местностям представляются вполне правдоподобными. К их числу относятся описания относительно независимых экспертов. Относительно независимых потому, что такого понятия вообще в то время существовать не могло. Среди таких экспертов были чиновники МВД (П.И. Мельников), миссионеры (П. Элпидин), исследователи-любители (А. Гренков, М.Н. Пинегин).

Так, в 1867 г. А. Гренков пишет в журнале «Православный собеседник», что только в Свияжском уезде частные и местные изыскания убеждают, что число их в этом уезде превосходит по крайней мере тысяч до десяти²⁷.

В 1890 г. историк М.Н. Пинегин сообщает: «В Казани сосредоточено много раскольников. Здесь их собралось относительно вдвое больше чем в Москве, и в 10 раз больше, чем в Санкт-Петербурге. Москва – 2,2%, Казань – 5,27%, Санкт-Петербург – 0,5% от всех жителей»²⁸. Зная, что в Казани образца 1890 г. проживало 133 208 жителей, приходим к выводу: 6 тыс. старообрядцев было только в одной Казани.

Следует, однако, иметь в виду, что методика проведения подобного рода исследований отсутствует, совершенно непонятно, откуда появились данные и их правдоподобность настолько же вызывает сомнения, насколько обоснованность официальных цифр. Достоинством этих сведений является то, что они ставят под большое сомнение данные, предоставляемые правительством.

Общая картина по статистике старообрядцев в корне изменилась после Первой общеимперской переписи, проведенной в 1897 г. по указу императора Николая II. Старообрядцев в Казанской губернии было показано 23 534 человека, или 1,6% от всего православного населения губернии. Напомним, что раньше (первая половина XIX в.) эти цифры колебались между 8 и 9 тысячами.

Несмотря на неточность статистических сведений, соотношение численности старообрядцев, проживающих в различных уездах Казанской губернии, зафиксированное по статистическим отчетам, отражает реальную ситуацию и позволяет определить, какие территории были наиболее заражены «расколом».

Цифры показывают малочисленность старообрядцев в Козмодемьянском (400 чел.), Царевкокшайском (13 чел.), Чебоксарском (68 чел.),

Ядринском (1 чел.), что действительно отражало реальную картину. Это обусловлено тем, что означенные уезды населены в основном не русскими, а инородцами – марийцами и чувашами. В Мамадышском уезде малочисленность старообрядцев обусловлена тем, что большинство населения – мусульмане. Центрами старообрядцев в Казанской губернии являлись уезды: Казанский (6 755 чел.), Свияжский (4 715 чел.), Чистопольский (5 794 чел.) и Тетюшский (3 507 чел.).

С официальной цифрой в 22 тыс. по Казанской губернии рубежа XIX и XX вв. был не согласен местный архиепископ Арсений: «По официальным данным, раскольников 22 тыс. душ обоюбого пола, но на самом деле их гораздо больше. Точная статистика невозможна, так как среди них существует много скрытых сект, последователи которых именуют себя православными и иногда притворяются»²⁹.

После опубликования Манифеста 1905 года, даровавшего староверам относительную свободу вероисповедания, в литературе стали появляться статьи с надеждой, что сейчас начнется точная статистика. Со страниц только что открывшегося старообрядческого журнала «Старообрядческая мысль» И.И. Кириллов заявляет: «Статистика староверов до 1905 г. при тогдашнем полицейском режиме в сущности была разведкой правительства в неприятельском лагере, с целью ясной и незамаскированной для его противников староверов и нет ничего удивительного, что сведения граничили с пылкой фантазией. С изменением нашего государственного строя должен измениться и взгляд на статистику староверия, а так как меры к искоренению раскола находятся в компетенции внутренней миссии официальной церкви, то, возможно, что правительство не будет заниматься собиранием цифр о староверии. Посмотрим на всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905–07 и за 1908–09 гг. Числа староверов по епархиям нет, а раньше были... Итак, кто же должен теперь принять труд по ведению и разработке статистики староверов? Тот, кому это сейчас нужно – самим староверам. Но это сознание не проникло в умы староверов и даже староверческое духовенство смотрит на анкеты подозрительно»³⁰.

И.И. Кириллов ошибался. Действительно, после дарования свободы вероисповедания в 1905 г. вопрос о численности старообрядцев уходит на второй план в связи с революционными событиями. Однако уже в конце первого десятилетия XX в., когда положение в стране стабилизировалось, появилась насущная необходимость совершенствовать систему законов о старообрядцах, получивших в ходе революции статус полноправных граждан. В связи с этим данные о численности старообрядчества в России тщательно собирают и публикуют статистические комитеты и МВД.

Так, в 1909 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий при МВД просит казанского губернатора собрать и доставить им сведения:

1) о всех находящихся в пределах губернии зарегистрированных или не зарегистрированных вероисповедных согласиях с приблизительным определением числа душ;

2) о всех существующих в губернии как с надлежащего разрешения, так и без оного религиозных общинах и сооружениях³¹.

Подобные сведения о старообрядцах доставлялись губернатором в департамент духовных дел при МВД ежегодно. Рапорты о старообрядцах за 1909 г., как и аналогичные им сведения за следующие года, дают нам информацию о численности старообрядцев Казанской губернии по толкам. Так, к 1912 г. самое многочисленное представительство было у противоокружников (6 788 чел.), за ними шли окружники (4 193 чел.), поморцы (3 983 чел.), спасовцы (3 605 чел.), рябиновцы (3 134 чел.). Самое малочисленное согласие из зарегистрированных – федосеевцы (977 чел.).

Из сведений за 1912 г. мы также узнаем о центрах старообрядцев не только по уездам, но и по населенным пунктам. Среди городов это Казань и Чистополь, среди сел это Верхний Услон (Свияжский уезд), Соболевское (Свияжский уезд), Базарные Матаки (Спасский уезд), Шонгуты (Тетюшский уезд), Мельничий Починок (Лайшевский уезд), Красновидово (Чистопольский уезд), Можарки (Цивильский уезд)³². В этих населенных пунктах число старообрядцев превышало несколько сотен и составляло, как минимум, половину всех жителей.

Подведем некоторый итог. Официальные сведения по численности старообрядцев в течение всего XIX в. были почти неизменны. По Российской империи они показывали от 800 тыс. до 1,1 млн, по Казанской губернии – от 8 до 9 тысяч. Начиная со Всеобщей переписи 1897 г. ситуация изменилась. После Манифеста 1905 г., даровавшего свободу религиям, старообрядческие общины и вовсе стали регистрироваться, а их члены гораздо охотнее признавали себя старообрядцами при переписях. С 1897 г. число старообрядцев Казанской губернии «выросло» с 8–9 тысяч до 21–28 тысяч.

Старообрядцы Казанской губернии по численности составляли третье по величине религиозное объединение, уступая православным и мусульманам. По официальным данным, в Казанской губернии XIX в. на одного старообрядца в среднем приходилось 120 православных и 60 мусульман. Начиная с 1897 г. на одного старообрядца Казанской губернии в среднем приходилось 66 православных и 30 мусульман.

Статистика старообрядцев не давала цифр, соответствующих действительности. Это было очевидно не только всем научным исследователям этого вопроса, но и самой официальной власти. Последняя понимала важность вопроса. Ведь то, что можно предпринять против 10 тысяч, нельзя

предпринять против 100 тысяч, а то, что можно против 100 тысяч, нельзя предпринять против миллиона. Однако все принятые меры властью в XIX в. так и не привели к положительным результатам.

Основной причиной неудачи счисления старообрядцев являлся их правовой статус. Из-за репрессивной политики правительства и ущемленного положения староверов огромная их масса боялась признать себя старообрядцами и, таким образом, оставалась в тени. Весь XIX в., несмотря на привилегии и льготы, дарованные старообрядцам, они, как и два столетия назад, оставались для официальной власти враждебной силой.

По логике высших властей и согласно проводимой ими политике количество староверов должно было неуклонно сокращаться. И те сведения, которые подавались с мест по требованию различных высших инстанций, искажались таким образом, чтобы показать хотя бы незначительное, но сокращение числа старообрядцев в данной местности. Если бы местные власти показали истинную цифру, их бы ждала серьезная неприятность.

Неразбериха и путаница в области статистики объясняется еще и тем, что вопросами раскола занимались разные ведомства, как светские, так и духовные. В архивах к настоящему моменту осели документы, содержащие самые противоречивые сведения, относящиеся к одной и той же местности, датируемые одним периодом. Это обстоятельство также затрудняет выявление истинного положения дел.

Впрочем, кроме недостатков у статистики были и преимущества. Это относительное число старообрядцев, их распределение по уездам, населенным пунктам и толкам. Благодаря проводимым переписям мы узнаем о центрах старообрядчества, какие согласия были более популярны в губернии. Так, в Казанской губернии самыми крупными центрами были города Казань и Чистополь, среди уездов лидировали Свияжский, Казанский, Чистопольский и Тетюшский. Поповцы преобладали над беспоповцами. Самыми многочисленными согласиями являлись: поповцы (с 1846 г. белокрыницкая иерархия), рябиновцы, поморцы, фелдосеевцы, спасовцы³³.

Примечания

¹ *Ивановский Н.И.* О численности раскольников // Православный собеседник. 1867. Ч. I. С. 261.

² Статистические таблицы. Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1863. Вып. 2. С. 206.

³ *Ивановский Н.И.* Указ. соч. С. 264.

⁴ Статистические таблицы. С. 707–709.

⁵ Собрание постановлений по части раскола. Лондон, 1863. Вып. 1. С. 28.

⁶ Статистические таблицы. С. 210.

⁷ *Ивановский Н.И.* Указ. соч. С. 267.

⁸ *Варадинов Н.В.* История Министерства Внутренних Дел. СПб., 1863. Кн. 8. С. 161, 172, 374.

⁹ *Гренков А.* Несколько слов о расколе в Казанской губернии // Православный собеседник. 1867. Ч. I. С. 35.

¹⁰ *Васильевский М.Н.* Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань, 1914. 260 с.

¹¹ Статистические таблицы. С. 12.

¹² *Пругавин А.С.* Старообрядчество во второй половине XIX в. М., 1904. С. 14.

¹³ *Мельников П.И. (Андрей Печерский)* Счисление раскольников // Русский вестник. 1868. № 2. С. 419.

¹⁴ Там же. С. 435.

¹⁵ *Юзов И.* Староверы и духовные христиане. Русские диссиденты. СПб., 1881. С. 37.

¹⁶ *Пругавин А.С.* Указ. соч. С. 17.

¹⁷ *Ивановский Н.И.* Указ. соч. С. 289.

¹⁸ *Мельников П.И.* Указ. соч. С. 436.

¹⁹ *Ивановский Н.И.* Указ. соч. С. 300.

²⁰ *Варадинов Н.В.* Указ. соч. С. 447, 537.

²¹ Там же. С. 553.

²² Там же.

²³ *Васильевский М.Н.* Указ. соч. С. 45.

²⁴ *Пругавин А.С.* Указ. соч. С. 462–464.

²⁵ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 2. Оп. 3. Д. 8660.

²⁶ Известия по Казанской епархии за 1876, 1877, 1901 года. Казань, 1876, 1877, 1901.

²⁷ *Гренков А.* Указ. соч. С. 219.

²⁸ *Пинегин М.Н.* Казань в ее прошлом и настоящем. Казань, 2005. С. 567.

²⁹ Известия по Казанской епархии 1901 года. Казань, 1901. С. 724.

³⁰ *Кириллов И.И.* Статистика старообрядчества // Старообрядческая мысль. 1913. С. 20–26.

³¹ НАРТ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 8660.

³² Там же.

³³ См.: *Кельсиев В.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. 1860–1862. Т. IV. 382 с.; Ведомость о распределении населения Казанской губернии по вероисповеданиям за 1900 год. Казань, 1901. 3 с.; Первая Всеобщая перепись Российской империи 1904. СПб., 1904. Т. XIV. 284 с.

УДК 378.4(470–89)|1905/1910|

ПРОЕКТЫ РЕФОРМЫ УНИВЕРСИТЕТОВ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А.Г. Морозов

Саратовский государственный университет
E-mail: Morozko-kaluga1981@rambler.ru

В статье рассматриваются проекты университетского устава, разработанные в России в начале XX в., и дается их сравнительная характеристика. Автор исследует вопросы академической автономии и правительственной политики в области высшего образования.

Ключевые слова: проекты реформ, университетский устав, Министерство народного просвещения.

Reform Projects of Universities in Russia at the Beginning of XX Century

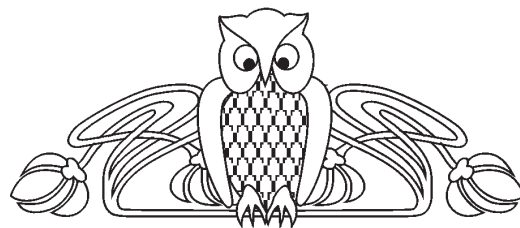
A.G. Morozov

The subject of these article is projects of university statute, developed in Russia at the beginning of XX century, their comparative characteristic is also given. The author examines the issues of academy autonomy, government policy in the sphere of higher education, etc.

Key words: reform projects, university regulations, the Ministry of Education.

Постановка высшего образования издавна составляла предмет повышенного внимания правительства и общества. Правительством здесь были испытаны «разнообразные меры: от почти полной самостоятельности университетских советов, с одной стороны, до столь же значительного подчинения университетов власти Министерства народного просвещения (Далее – МНП) – с другой. При этом конечной целью всех указанных мероприятий ставилось, разумеется, улучшение университетского преподавания и упорядочение внутренней жизни университетов»¹.

К началу XX в. в России действовал консервативный Устав 1884 г., ликвидировавший выборность ректоров и усиливший власть учебно-окружной администрации и Министерства народного просвещения «При практическом применении Устава 1884 года пришлось, однако, очень скоро допустить отступление от установленных начал. Наиболее решительные изменения в университетский устав были внесены высочайшим указом 27 августа 1905 г. о введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства МНП. Этим указом советам университетов предоставлено было избирать ректоров, а факультетам – деканов и секретарей, причем заботы о поддержании правильного хода учебной жизни возложены были на обязанность и ответственность советов. Тем же законом коренным образом менялось положение инспекции, поставленной по Уставу 1884 года вне

всякой зависимости от университетских властей и подчинённой непосредственно попечителю учебного округа»². Руководство инспекцией, согласно временным правилам, вверялось ректору, который в случае необходимости предлагал на обсуждение совета меры к поддержанию порядка в университете. А положением Совета министров 14 сентября 1906 г. университетская инспекция была вообще упразднена, а вместо нее создана должность проректора «для ближайшего наблюдения за поддержанием в университетах»³.

Отмеченные меры не исчерпывают всех мер правительства по университетскому вопросу. К началу XX в. от Устава 1884 г. осталось почти только одно название. Но все эти мероприятия, что признавало и правительство, не могли внести прочного улучшения и успокоения в строй университетской жизни. Ввиду этого МНП признало необходимым приступить к систематической переработке действующих об университетах узаконений, а также к пересмотру изданных в 1884 г. временных их штатов⁴. Разработка нового проекта была полностью закончена к концу 1909 г., после чего законопроект прежде внесения в Государственную думу (далее – ГД) был представлен Министерством на обсуждение Совета министров.

В проекте указывалось, что российские университеты, состоя под особым покровительством Его Императорского Величества, должны содействовать развитию наук в России «и сообщать лицам надлежаще к тому подготовленным как общее, так и специальное высшее образование, способствуя вместе с тем подготовке их к деятельности на различных поприщах государственного и общественного служения, требующих научных знаний. Главное начальство над университетами, а также и общее ими руководство вверяются министру народного просвещения, ближайший же надзор за деятельностью означенных учреждений и управление ими – попечителям УО [учебных округов]»⁵. Во главе каждого университета стоит ректор, который избирается университетским советом из ординарных профессоров и после утверждения министром народного просвещения Высочайшим приказом по гражданскому ведомству. «Если избранный советом кандидат в ректоры не будет утвержден министром, то назначаются новые выборы, причем неутвержденный кандидат на сей раз не может быть вновь избираем советом. В случае вторичного неутверждения избранного

советом кандидата, ректор назначается из ординарных профессоров подлежащего университета, по избранию Министра народного просвещения, на три года»⁶. На ректора возлагается наблюдение за правильным ходом учебного дела в университете и исполнением служащими их должностных обязанностей. Ректор имеет двух помощников «в лице избираемого в одинаковом с ним порядке проректора и назначаемого в одинаковом с ним порядке советника по хозяйственной части.

По отдельным отраслям знания университет разделяется на факультеты, в главе которых стоят деканы»⁷, избираемые факультетскими собраниями на 4 года. Деканы имеют ближайшее наблюдение за преподаванием и исполнением преподавателями и студентами лежащих на них обязанностей. В факультетах сосредоточивается учено-учебная деятельность университета, и в их состав входят преподаватели и доценты, преподающие предметы факультетских кафедр⁸. Согласно проекту А.Н. Шварца, ведомству факультетов подлежат обсуждение мер к обеспечению полноты, последовательности и правильности преподавания; распределение предметов преподавания между отдельными преподавателями по одной и той же кафедре; рассмотрение планов и программ лекционных курсов и практических занятий; приглашение профессоров и доцентов других факультетов для преподавания предметов по специальности приглашаемых; производство испытаний на степень магистра и одобрение магистерских и докторских диссертаций; производство студентам испытаний по курсам, входящим в учебные планы; установление сроков и порядка производства сих испытаний в каждом учебном году и назначение состава испытательных комиссий; постановления о выдаче студентам, окончившим курс, дипломов на соответствующие звания; рассмотрение отчетов о научных занятиях лиц, оставляемых при университете для приготовления к профессорскому званию; распределение сумм, назначенных на учебно-вспомогательные учреждения факультета. Эти и некоторые другие дела подлежали самостоятельному решению факультетских собраний⁹. Кроме того, к предмету ведения факультетских собраний относилось избрание декана факультета и кандидатов на вакантные должности профессоров и доцентов и др., которые подлежали окончательному утверждению МНП.

«Пользуясь широкой независимостью во всём, что касается их специальной деятельности, факультеты объединяются в одно целое советом, состоящим под председательством ректора их всех ординарных профессоров университета»¹⁰. Предметами ведения совета являлись общие вопросы учебной, научной и хозяйственной деятельности университетов. Как мы видим, факультетские собрания, по проекту А.Н. Шварца, имели широкий круг полномочий. По сравнению с этим университетский совет обладал очень небольшими правами. Причем наиболее существенные права,

в частности, относительно выборов профессоров были переданы проектом именно факультетским собраниям. Устранению университетских советов от профессорских выборов и передачи их в ведение факультетских собраний министерство Шварца придавало большое значение, «ибо при современной обострённости политического настроения в университетах осуществление советами права избрания профессоров сводилось бы на практике к проведению в профессорские коллегии желательных большинству советов политических единомышленников и к отстранению от кафедр всех прочих избранников факультетов, какими бы научными достоинствами они не обладали»¹¹. «Допущенная силой Высочайшего указа 27 августа 1905 г., а на практике и существенно расширенная самостоятельность советов в указанных отношениях причинила университетам несомненный вред, внося в университетскую среду партийный произвол советов, дух политиканства и крайне небрежное... распоряжение денежными средствами университетов»¹², – писал министр народного просвещения.

К приему в университет, согласно проекту Шварца, допускались только лица, окончившие курс мужских гимназий ведомства народного просвещения или получившие от этих гимназий свидетельство о выдержании испытаний по всем предметам гимназического курса.

29 декабря 1909 г. и 5 и 13 января 1910 г. законопроект университетского устава рассматривался Советом министров.

Во время обсуждения законопроекта в Совете министров государственный контролёр П.А. Харитонов выразил сомнение в том, насколько обсуждаемый проект соответствует положениям Высочайшего указа 27 апреля 1905 года. Харитонов заявил, что идеи «упомянутого указа не проводятся в рассматриваемом проекте с полной последовательностью ни в отношении выборов ректора и деканов, которые при известных условиях могут быть назначены по непосредственному усмотрению министра народного просвещения, ни в отношении власти факультетов, подчиняемых по многим вопросам решению попечителя учебного округа. Даже такое чисто внутренне, казалось бы, дело университетских коллегий, как установление планов факультетского преподавания, предоставляется проектом министру народного просвещения, на утверждение которого восходят»¹³ также вопросы о разделении курсов на общие и специальные, о порядке прохождения студентами этих курсов, о распределении учебных курсов по годам и др.

Совет министров заявил в ответ на сомнение Харитонова, что Высочайший указ от 27 апреля 1905 г. определил «лишь главные основания управления университетами, предоставив подробное упорядочение этого вопроса последующему законодательству»¹⁴. Как заявил обер-прокурор Святейшего Синода С.М. Лукьянов, принимавший

участие в качестве товарища министра народного просвещения в разработке данного указа, он был издан «среди полной разрухи... высшей школы как попытка внести в нее хоть некоторое успокоение удовлетворением настойчивых домогательств профессорских коллегий о предоставлении им автономии по образцу Устава 1863. Вместе с тем на эти же коллегии... возложена была, однако, и ответственность за правильный ход университетской жизни»¹⁵. В настоящее же время, говорилось в особом журнале Совета министров, когда положения данного указа «облекаются в подробные постановления целого законопроекта, представляется особенно важным... воплотить мысль... об автономии высшей школы в формы вполне зрелые и осторожные. Этому условию и отвечает, по мнению Совета министров, представленный сенатором Шварцем законопроект. Он не разрушает самостоятельности профессорских коллегий во внутреннем управлении университетов, не лишает их полномочий по избранию должностных лиц университетской корпорации, но вводит осуществление всех этих прав в разумные рамки, соответствующее истинному понятию «университетской автономии» так, как она сложилась на Западе. Ибо само собой разумеется, установление университетской автономии не может быть понимаемо как обращение университетов в своего рода государства в государстве, а лишь как предоставление профессорским коллегиям права самостоятельного заведования внутренними делами университетов в точно отведённым им границах под направляющим контролем правительства, которое не может... устраняться от властного контроля за высшей школой. С этой точки зрения отмеченное государственным контролёром право министра народного просвещения»¹⁶ самостоятельно назначать ректора или декана не вызывает возражений Совета министров.

Внеся в законопроект МНП ряд замечаний и дополнений (в частности, в проект было включено положение о сохранении процентной нормы для евреев в университетах), Совет министров одобрил его.

10 мая 1910 г. А.Н. Шварц внёс проект университетского устава в ГД. 12 мая депутаты заслушали законопроект в общем собрании Думы¹⁷. 15 мая по инициативе 31 депутата ГД была избрана особая комиссия для рассмотрения законопроекта об уставе и штатах императорских российских университетов. Председателем комиссии стал М.Я. Капустин. Комиссия провела только одно заседание¹⁸. Уже 22 ноября 1910 г. новый министр народного просвещения Л.А. Кассо забрал законопроект обратно в МНП¹⁹.

Хотя А.Н. Шварц и утверждал, что разработанный им проект представляет собой «самостоятельный законодательный труд»²⁰, данный законопроект был похож на созданный ранее проект В.Г. Глазова. 4 июля 1905 г. под председательством министра народного просвещения Глазова была

созвана комиссия для разработки и составления устава университетов²¹. Так же, как Шварц, Глазов пытался ограничить власть университетских советов, но делал это иначе, нежели первый.

Согласно проекту комиссии Глазова в каждом университете создавался особый орган – сенат, – который наделялся значительными полномочиями. Сенат состоял из «ректора, его помощника, деканов всех факультетов и членов, избираемых по два от каждого факультета сроком на три года и утверждаемых в сей должности попечителем учебного округа. То есть весь состав сената фактически утверждался высшей административной властью. Сенату принадлежит одобрение и составление руководственных положений и правил по отдельным частям университетского управления и наблюдение за правильностью делопроизводства в оных»²², также «сенат имеет в главном своем заведывании все имущество университета и отвечает за сохранность оно»²³. Самостоятельному решению сената подлежат: 1) утверждение от имени университета в ученых степенях кандидата, магистра и доктора лиц удостоенных факультетами; 2) распоряжения о печатании ученых сочинений за счет и от имени университета по постановлениям факультетов и совета; 3) предположения факультетов о сроках и порядке испытаний студентов; 4) распределение помещений под учебно-вспомогательные учреждения и под квартиры должностных лиц, коим таковые полагаются по штатам и изменения в сем распределении; 5) утверждение постановлений университетского суда в подлежащих случаях; 6) разрешение дел о переходе в число студентов из одного факультета в другой, когда ректор признает это нужным; 7) рассмотрение составленных правлением ведомостей о состоянии университетских сумм по полугодиям; 8) утверждение условий и заключение контрактов и договоров по подрядам и поставкам на сумму не свыше 8 000 рублей; 9) производство сверхсметных расходов из специальных средств университета в размере не свыше 500 руб. в год на один предмет; 10) определение фельдшеров университетской больницы по представлению университетского врача²⁴.

Ходатайства факультетов о назначении стипендии или пособий и о назначении пособий лицам, командированным с ученой целью, представления факультетов о кандидатах на вакансии доцентов и лекторов, а также вопросы об учреждении студенческих научных кружков и обществ и некоторые другие отправлялись сенатом на утверждение попечителя учебного округа. Вопросы о приеме жертвуемых университету капиталов и недвижимых имуществ, проект годовой сметы доходов и расходов университета, представления факультетов о кандидатах на вакансии профессоров, ходатайства факультетов о вознаграждении за преподавание при отсутствии штатного преподавателя или по вакантным кафедрам и др. сенат направляет на окончательное утверждение в

МНП²⁵. Полномочия университетского совета тем самым умалались. К ведению совета относились преимущественно учебные и научные вопросы (утверждение учебных планов, рассмотрение предположений факультетов о мерах, ведущих к усилению учёной и учебной деятельности университета, решения о соединении и разделении кафедр, открытии новых кафедр и перенесении кафедр из одного факультета в другой по представлениям факультетов и пр.)²⁶.

Проект университетского устава, разработанный комиссией В.Г. Глазова, обсуждался в заседании Союза ректоров 13 декабря 1907 г. Основные дискуссии велись именно вокруг положения о сенате. Большинство присутствующих выступили резко против создания университетских сенатов. Ректора университетов заявили, что, если данный проект «будет проведен в жизнь, то это вызовет ... уход в отставку профессоров, так как между этими двумя учреждениями, несомненно, возникнут конфликты и будут происходить пререкания»²⁷. С примирительной позицией выступил профессор П.П. Цитович (ректор Киевского университета), который заявил, что совместное существование сената и совета профессоров возможно, если оба учреждения будут выборными, однако, такой подход был уже неприемлем для министра Глазова. В конечном итоге под давлением профессуры МНП отказалось от данного проекта.

Еще более консервативным, чем проект устава комиссии Глазова был проект, предложенный бывшим ректором Московского университета А.А. Тихомировым. Тихомиров предлагал вовсе отменить всякую выборность в университетах. И ректор, и помощник ректора, и деканы, по его проекту, назначались непосредственно Министром народного просвещения, минуя университетский совет. Причем ректор может быть назначен из числа профессоров любого университета империи. Столь радикальное предложение Тихомиров обосновывал тем, что необходимо избавить профессоров «от всяких выборных горячек»²⁸.

Другим новшеством проекта Тихомирова было разделение учебного курса для студентов на два периода. Автор проекта писал: «Между молодыми людьми, которые с лучшими намерениями поступают в университет ... можно различать три определенные категории: одни молодые люди идут в университет, желая получить солидное общее образование и ознакомиться с конечными выводами наук того или другого факультета; другие, вступая в университет, имеют намерение сделаться со временем учеными специалистами; наконец, третьи поступают на тот или другой факультет, желая приобрести знания по одной из профессий, требующих научной подготовки». Для первой категории лиц, полагал Тихомиров, достаточно трех лет учения. Именно для них создается «общее отделение на каждом факультете»²⁹. По прошествии этих трех лет студенты сдают особый экзамен. Успешно сдавшие его удостоиваются

звания действительного студента тех или других наук (в зависимости от факультета). Действительные студенты затем могут проходить обучение на специальном отделении своего факультета в течение времени от 1 года до 3 лет. После окончания специального отделения «действительный студент приобретает право подвергаться испытанию в факультете на ... ученую степень кандидата соответствующих наук по специальности, а также государственному»³⁰ экзамену на звание учителя, ученого юриста или лекаря.

Шансов реализоваться в условиях усиления либерального и леворадикального движения в университетской среде у этого проекта было очень мало. Вместе с тем у проекта были, конечно, сторонники среди консерваторов. Но уже ко времени начала работы законодательных учреждений данный проект не рассматривался.

Наиболее либеральным был проект университетского устава Д.Я. Самоквасова. По его проекту ректор и деканы факультетов избираются самостоятельно университетским советом и факультетскими собраниями соответственно. МНП не принимает никакого участия в процессе их избрания. Университетский совет согласно проекту Самоквасова вообще обладает широким кругом полномочий: Совет разрабатывает инструкцию для деятельности ректора, правления и университетского суда, правила конкурса на соискание должности штатного профессора, правила приема и увольнения студентов и сторонних слушателей, правила открытия, деятельности и закрытия студенческих учреждений, также совет следит за деятельностью хозяйственного управления университета³¹.

Таким образом, среди проектов университетского устава преобладали консервативные. Это свидетельствует о доминировании охранительных идей в политике учебной администрации. Вольная, свободная жизнь университетов, активно развернувшаяся в годы Первой русской революции, так напугала власть и чиновников Министерства народного просвещения, что главной задачей для них стало установление контроля над высшей школой.

Примечания

- ¹ Особые журналы Совета министров Российской империи: 1909–1917 гг., 1910 г. М., 2001. С. 16.
- ² Там же. С. 17.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 18.
- ⁶ П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. Т. 2. М., 2003. С. 600.
- ⁷ Особые журналы Совета министров ... С. 18.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: П.А. Столыпин. Программа реформ... Т. 2. С. 603–604.

- ¹⁰ Особые журналы Совета министров ... С. 18.
¹¹ Там же. С. 20.
¹² Там же.
¹³ Там же. С. 21.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Там же.
¹⁷ См.: П.А. Столыпин. Программа реформ ... Т. 2. С. 774.
¹⁸ См.: Государственная Дума Российской империи: 1906–1917 гг. Энциклопедия. М., 2008. С. 273.
¹⁹ См.: П.А. Столыпин. Программа реформ ... Т. 2. С. 774.
²⁰ См.: Особые журналы Совета министров ... С. 19.

- ²¹ См.: П.А. Столыпин. Программа реформ ... Т. 2. С. 773.
²² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 922. Оп. 1. Д. 163. Л. 40.
²³ Там же.
²⁴ Там же. Л. 42–43.
²⁵ Там же. Л. 44–45.
²⁶ Там же. Л. 87.
²⁷ Там же. Ф. 733. Оп. 154. Д. 74. Л. 244.
²⁸ Там же. Ф. 922. Оп. 1. Д. 160. Л. н/у.
²⁹ Там же.
³⁰ Там же.
³¹ Там же. Д. 158. Л. 2–4.

УДК 027.1(470)+929 Норов

ЧАСТНЫЕ БИБЛИОТЕКИ В РОССИИ: БИБЛИОТЕКА А.С. НОРОВА

Г.С. Сачкова

Дмитровский профессиональный колледж
E-mail: Skj-gale@mail.ru

Частные книжные собрания – неотъемлемая составляющая культурной среды российского просвещенного общества первой половины XIX века. Настоящей книжной сокровищницей являлась библиотека видного государственного и общественного деятеля, ученого, страстного библиофила А.С. Норова. В статье рассматривается процесс собирания двух его библиотек, находившиеся в них рукописи и книги; выяснены причины, побудившие владельца этих замечательных библиотек продать их. Отмечено, что библиотекой А.С. Норова пользовался А.С. Пушкин во время работы над «Историей Пугачева». Коллекция рукописей Норова, наряду с другими частными книжными собраниями XIX в., составила основу рукописного фонда Российской государственной библиотеки.
Ключевые слова: частные библиотеки, А.С. Норов, каталог, рукописи, книги, библиофил, культура, коллекция.

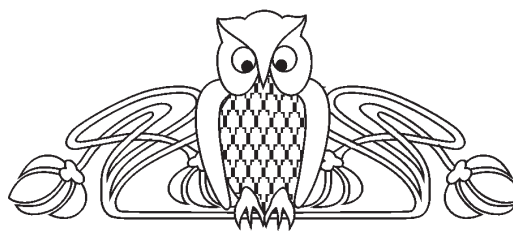
Private Libraries in Russia: A.S. Norov' Library

G.S. Sachkova

Private book collections – is an integral part of the cultural environment of the Russian educated society of the first half of the XIX century. The library of an outstanding state and political figure, a scholar, an ardent bibliophile A.S. Norov is a book treasury. In the article the process of the collecting his two libraries is considered. The article also considers the manuscripts and books of those libraries, discloses the reasons induced the owner of these magnificent libraries to sell them. It is noted that A.S. Pushkin used A.S. Norov's library during his work on «The History of Pugachev». A collection of manuscripts by Norov, together with other private collections of the XIX century, made the manuscript stock of Russian state library.

Key words: private libraries, A.S. Norov, a catalogue, manuscripts, book, a bibliophile, culture, a collection.

На рубеже XVIII–XIX вв. в передовых кругах европейского дворянства широкий размах получило составление частновладельческих библиотек. Библиофилы объединялись в общества, прово-

дили международные конгрессы, обменивались изданиями через антикварный рынок и систему аукционов. Этот процесс не мог не затронуть и Россию. Характерной чертой культурной жизни образованной части российского дворянства первой половины XIX в. становятся частные библиотеки. Они собирались на протяжении нескольких лет, даже десятилетий и составляла предмет особой гордости их владельцев. Большая часть этих библиотек представляла собой настоящие сокровищницы рукописей и печатных книг. Например, в коллекции рукописей и «книг церковной печати» А.И. Хлудова находились западноевропейские и славянские рукописи начала XIII в.¹, в библиотеках А.Ф. Смирдина, А.С. Ширяева, Н.П. Барсукова – книги конца XV – начала XVI в.², а в богатейших библиотеках Д.П. Бутурлина хранились редчайшие издания Вергилия³, книжная коллекция Н.П. Румянцева «заключала в себе обильные материалы по русской истории и драгоценное собрание рукописей»⁴.

Необходимо отметить, что большинство библиофилов, владевших обширными книжными собраниями, разрешали пользоваться ими не только своим близким и друзьям, но и всем желающим. Например, для библиотеки П. Крашенинникова были разработаны соответствующие правила пользования, в частности, функционировал платный абонемент и подписка на «чтение журналов». Плата за пользование книгами составляла – 17 руб. серебром за полгода и 25 серебряных руб. за год; за чтение журналов платить нужно было меньше – 12 руб. за полгода и 20 руб. за год⁵. При этом читатели получали читательский билет, записную книжку и «каталоги находящимся в библиотеке книгам», которые «надлежало возвращать ровно в срок» и в том виде, в каком они были выданы. За порчу издания читатель обязан был возместить его стоимость, которая указывалась

в каталоге. «Если, – значилось в пункте десятом правил пользования библиотекой, – абонент принесет книгу изорванную, испачканную и вообще не в том виде, в каком получил ее из библиотеки, то обязан оставить книгу за собою, во скольких бы частях она ни была, и заплатить за нее означенную в каталоге цену»⁶.

Владельцы библиотек, как правило, отличались высоким уровнем культурного развития, обширными знаниями в самых различных областях науки и искусства. Так, обладатель богатейшей библиотеки граф Д.П. Бутурлин выделялся, по словам знавших его современников, «чрезвычайной начитанностью». «До 1812 г. он [Д.П. Бутурлин. – Г.С.] не выезжал из России и знал твердо разнообразные местные наречия итальянского и французского народонаселения, знал наизусть, до малейших подробностей, топографию Рима, Неаполя, Парижа. Он удивлял иностранцев своим энциклопедическим всеведением: слушая его, они думали, что он много времени прожил в той или другой местности, едва верили, когда граф признавался им, что он не выезжал еще из России», – вспоминал один из современников графа⁷. Английский путешественник Т. Кларк, посетив библиотеку Д.П. Бутурлина, оставил следующее ее описание: «Библиотека, ботанический сад и музей графа Бутурлина замечательны не только в России, но и в Европе. Этот вельможа не только собирает редчайшие издания классиков; но некоторых писателей, например Вергилия, имеет в стольких экземплярах, что они составляют целую особую библиотеку. Книги его помещаются в нескольких комнатах. Они переплетаются в его доме и этим занимаются несколько мастеров, постоянно живущих у него. У него есть все “Editiones principes”. Его собрание колыбельных изданий и печатанных в XV столетии доходит до 6000 томов. По Орландиеву списку авторов, изданных между 1457 и 1500 г., число их доходило до 1303. Вероятно, они почти все есть у Бутурлина. Каталог этой части библиотеки занимает две листовые книги. Он достал из Парижа славное сочинение де-Бри, собрание путешествий, с прекрасными рисунками. Ему очень трудно было добыть полное собрание церковных летописей, которое состоит из 40 томов в лист. Эта огромная библиотека разделена на 6 отдельных частей»⁸.

«Библиотека Бутурлина, – писал Г.Н. Геннади, – была составлена во вкусе библиотек прошлого века [XVIII века. – Г.С.] с целью иметь собрание разнообразно энциклопедическое и лучшие книги по всем отраслям знаний, в хороших изданиях. Многосторонность и полнота в выборе сочинений и изданий выказывает нам в графе и знатока и щедрого собирателя»⁹.

В 1794 г. в Петербурге был напечатан каталог библиотеки Д.П. Бутурлина, во введении к которому сам владелец книжно-рукописного собрания объяснял причину, побудившую его издать данный каталог, и отмечал, какую важную роль

играют книги в его жизни. «Издавая в свет роспись моим книгам, – говорилось во введении, – я намерен был дать самому себе отчет в собственном наслаждении. Вышедши из детского возраста, я находил удовольствие в науках, и учение всегда для меня было не только отдохновением, но истинною необходимостью <...>. В возрасте страстей и заблуждений я постоянно находил спокойствие и истину в беседе с моими книгами. Они тогда заменяли мне верных друзей, наставников и руководителей. Теперь, в возрасте зрелом от лет и опытности, они также служат мне наставлением и отдохновением; освещая предо мной прошедшее, лучше знакомят меня с настоящим и указывают на некоторые вероятности будущего <...>. Напечатание моего каталога будет мне еще полезно, когда я, разлучась с моими книгами и отдаляясь от моего отечества, стану вспоминать счастливые, проведенные с ними дни. Он послужит мне для будущих приобретений...»¹⁰.

Граф разрешал всем своим родственникам, друзьям и знакомым пользоваться своим книжным собранием. Библиотекой заведовал специально нанятый библиотекарь, получавший «за это значительное жалованье». К сожалению, эта библиотека сгорела в московском пожаре 1812 года. После ее потери Д.П. Бутурлин собрал вторую библиотеку, «замечательную не столько числом, сколько редкостью избранных и дорого купленных изданий»¹¹. Среди рукописных раритетов находилась пергаментная рукопись XIV в., являвшаяся списком «Божественной комедии» Данте.

После смерти Д.П. Бутурлина его библиотека была распродана с публичных торгов, сначала во Флоренции, затем в Париже.

Одним из значительных книжных собраний была библиотека видного государственного и общественного деятеля, министра народного просвещения (с апреля 1854 по март 1858 г.) Авраама Сергеевича Норова. Будучи разносторонне образованным человеком, он не упускал возможности приобрести рукопись или интересную книгу. За свою жизнь А.С. Норов собрал две библиотеки; одну он составил в первой трети XIX в., вторую – в 40–60-х годах. «Библиотек он [А.С. Норов. – Г.С.] составил две. – писал Ал. П. Чехов. – Одна из них была собрана до 30-х годов нынешнего столетия и затем продана князю Николаю Ивановичу Трубецкому. После продажи ее Норов стал составлять вторую, еще более полную и богатую, и уступил ее за 17 000 рублей московскому музею. В ней было много отделов, которые все были занесены в особый каталог, составляющий теперь библиографическую редкость, так как он был напечатан в очень ограниченном числе экземпляров. В этой библиотеке находились полные собрания сочинений философов Giordano Bruno и Campanella. Редкими книгами отличались отделы по библейской истории, философии, творениям отцов церкви и богословию, библейской географии»¹².

В.В. Кунин, обозревая вторую библиотеку, собранную А.С. Норовым, отмечал: «Это была превосходная библиотека: 14 тысяч томов, 25 отделов, ценнейшие издания классиков римских и греческих, старопечатных книг русских, сочинения о Востоке, описания путешествий, эльзевиры; изумительная коллекция изданий Дж. Бруно и Т. Кампанеллы...»¹³. А.С. Норову, по авторитетному свидетельству библиофила С.А. Соболевского, удалось собрать такую «коллекцию изданий» Джордано Бруно и Томазо Кампанеллы, какой «нет ни в одной из публичных или частных библиотек Европы»¹⁴.

Количество книг во второй библиотеке Норова исследователями определено приблизительно в 14 000 томов, хотя встречается упоминание о 12 929 томах¹⁵. Так как библиотека передавалась Румянцевскому музею в два этапа, вполне вероятно, что первоначально было передано 12 929 томов.

Книги и рукописи А.С. Норов собирал в основном во время своих путешествий по Европе и Востоку. Уже из первой своей поездки по Европе в 1822 г. он привез много разных книг. Но особенно значительно, книжное собрание Норова пополнилось после путешествия на Восток в 1834–1835 гг., откуда он привез большое количество славянских рукописей и печатных книг, часть из которых была им найдена в Юстиниановой башне монастыря Святого Саввы в Палестине. Вот как писал об этом сам А.С. Норов: «К немалому удивлению, я нашел в этой башне нестройную груду рукописей и книг. С дозволения настоятеля я занялся их разбором с большим любопытством. <... > Удивление мое превратилось в радость, когда я нашел тут несколько рукописей словенских, на пергаменте, на бомбицине и на бумаге, я начал откладывать то, что находил примечательного. Из словенских я выбрал все рукописи, сколько было; число их дошло до 15-ти книг, из которых две печатные; к ним я прибавил 9 рукописей греческих. Древность их была для меня несомненна; последствие оправдало мой выбор. Уверяясь в бесполезности этих книг для монастыря, я, наконец, приобрел их с благословения митрополита Иерусалимского...»¹⁶. В Каире Норов «получил драгоценный дар от здешнего монастыря, это рукопись греческой псалтири IX века»¹⁷. В Иерусалиме ему подарили «Пророчество иеромонаха Агафангела», «столь знаменитое на Востоке»¹⁹.

Среди вывезенных из монастыря Святого Саввы рукописей значились такие раритеты, как: Псалтирь, написанный «в четверку, на пергаменте, уставом XIII века болгарского правописания»; Четроевангелие «на пергаменте уставом разных почерков XIII или XIV веков»; Апостол, написанный полууставом «на бумаге в четверку», Литургия святых Василия Великого и Епифания и другие старинные и ценные произведения. «Сии рукописи более или менее важны для славянской палеографии и языкознания, – указывал видный

русский филолог А.Х. Востоков, – и потому драгоценны. Печатные книги, за ними следующие, все весьма редки. А посему любители словенской старины, конечно, вместе с нами поблагодарят г. Норова за доставление в Россию таковых сокровищ и с любопытством взглянут на каталог оным, здесь предлагаемый»¹⁹.

Среди печатных книг находились такие редкие издания, как сербский Молитвослов, напечатанный в Венеции в 1560 г., Евангелие 1579 г. издания, Псалтирь на русском и молдавском языках, вышедший в свет в 1680 году.

Описание старинных рукописей и печатных изданий из первой библиотеки А.С. Норова приняли еще в 1836 г. А.Х. Востоков и Д. Попов²⁰.

Богатейшей книжной сокровищницей А.С. Норова пользовались его современники, в том числе А.С. Пушкин, с которым хозяин библиотеки находился в дружеских отношениях. Работая над «Историей Пугачева», поэт постоянно брал книги из библиотеки А.С. Норова. В начале ноября 1833 г. А.С. Пушкин писал Норову: «Отсылаю тебе, любезный Норов, твоего Стеньку [книгу о восстании Степана Разина. – Г.С.]; завтра получишь Struys [книга о путешествии Жана Стрюйса. – Г.С.] и одалиску. Нет ли у тебя сочинения Вебера о России (Возрастающая Россия, или что-то подобное)? а Пердуильонис, то есть: Stephanus Rasin Donicus Cosacuum perduellis publicae disquisitionis Johanno Justo Martio i Schurtzfleisch. А.П.»²¹. В другом письме, написанном в это же время, поэт сообщал А.С. Норову, что возвращает ему книгу, которую брал для работы: «Посылаю тебе, любезный Норов, «Satyricon», а мистерии где-то у меня запрятаны. Отыщу – непременно. До свидания. Весь твой А.П.»²².

Друзья и близкие А.С. Норова, зная его страсть к книгам, помогали ему приобретать те или иные книги. Так, корреспондент Российской публичной библиотеки известный чешский общественный деятель В.В. Ганка, увидев в Праге редкую книгу по истории Палестины, в своем письме А.С. Норову 19 марта 1850 г. отмечал: «Я думал о Вас, чтоб эта книга пристойна была в собрании путешествий в Святую Землю Вашей библиотеки»²³. Протоиерей М.Ф. Раевский покупал книги и рукописи для Норова в Болгарии и Сербии²⁴. Весной 1853 г. А.С. Норов получил от А. Львова рукописный список статьи графа Д.Н. Толстого «О церковном пении в России». «Позвольте мне, милостивый государь Абрам Сергеевич, предложить Вам эту любопытную статью, – отмечал в сопроводительном письме А. Толстой. – Основанная на истинной правде, она дает Вам полное и верное понятие о предмете, которым постоянно, в течение семи лет занимается душевно Вас уважающий и преданнейший Алексей Толстой»²⁵.

А.С. Норов, в полном смысле этого слова, не стоял за ценой, если узнавал, где находится нужная ему книга или видел ее. Так, одна из работ Плиния 1469 г. издания была куплена им у библиотеки французского герцога де-Лавальери

за 3 500 франков²⁶. Нередко он покупал сразу большое количество книг на внушительные суммы. Советский исследователь Р.Ф. Хохлов назвал «интересным» счет А.С. Норову от петербургского книготорговца Я.А. Исакова, «свидетельствующий о том, что большое место в ряду покупаемых Норовым книг занимали произведения античных писателей и философов – Эврипида, Аристотеля и других»²⁷.

В 1868 г. А.С. Норов издал первую часть каталога своей библиотеки, который, по свидетельству С.А. Соболевского, сразу же «стал редкою и искомою книгой»²⁸. «Издаваемый мною ныне каталог (с включением в него уже новых приобретений), – отмечал А.С. Норов в предисловии к каталогу, – был приготовлен для напечатания в чужих краях. Преклонность моих лет не позволила мне предпринять труд переделать библиографические заметки, сделанные при иностранных книгах, на французском языке, – по-русски. Этот труд был бы мне уже теперь не по силам и может быть не был бы исполнен при моей жизни. Вместе с тем, заявляемые мне желания публики – иметь каталог моей библиотеки – решили меня издать его так, как он есть, несмотря на его несовершенство»²⁹.

Вероятно, сетование А.С. Норова на «несовершенство» издаваемого каталога на русском языке позволило И.М. Кудрявцеву утверждать, что каталог, вышедший на французском языке (охватывал период с 1847 по 1855 г.), «намного полнее, чем изданный в 1868 г.»³⁰. Думается с мнением И.М. Кудрявцева нельзя согласиться, поскольку каталог 1868 г. печатался, как отмечено во введении самим автором, «с включением в него уже новых приобретений», в числе которых были рукописные сочинения Джордано Бруно. Норов подчеркивал, что «в последнее время» приобрел много печатных книг, при этом он нигде не говорил о неполноте каталога³¹.

Как явствует из каталога, библиотека, выражаясь современным языком, имела универсальный характер; в ней находились рукописи и печатные издания как церковного, так и светского содержания. Конечно, особую ценность представляли старинные церковные рукописи на славянском, греческом, латинском, европейских, а также восточных языках. Наиболее древними являются греческие рукописные книги; три из них, написанные на пергаменте, относятся к X в. – Евангелие-тетр с миниатюрами – изображениями евангелистов Матфея, Луки, Иоанна, Псалтирь и сборник поучений Григория Богослова. К более позднему периоду относятся поучения (в отрывках) Иоанна Златоуста и Иоанна Дамаскина.

В коллекции русских рукописных книг и рукописей славянского письма самым ранним является Евангелие XV в., написанное «молдавским уставом», имеющее заставки и выложенные серебром заглавные буквы и заголовки. К концу XVI – началу XVII в. относится один из списков «Хождения игумена Даниила».

Уникальной является коллекция, состоящая из 47 автографов, среди которых автографы Николая Коперника, Иоганна Кеплера, Леонарда Эйлера, письма М.В. Ломоносова, А.В. Суворова, Гете, А. Гумбольдта, И. Берцелиуса, Л. Шенье, Ламартина, Шатобриана, реляция Г.А. Потемкина, резолюции Наполеона.

Рукописные книги на европейских и восточных языках представлены восемью экземплярами. Несомненный научный интерес вызывают Альбом доктора Г. Грамана, участника голштинского посольства в «Московию и Персию» 1633–1639 гг., описанного Адамом Олеарием; список, датированный 1600 г., средневековой поэмы «Важанте Тьероло», посвященной событиям 1310 г. в Венеции; сборник статей по истории Римской церкви на итальянском и латинском языках, а также список «Повести о Варлааме и Иоасафе» 1707 г. на арабском языке.

Рукописей на латинском языке в собрании А.С. Норова также всего восемь. Среди них – составной сборник XII – XIV вв., содержащий текст двух грамот римского папы Бонифация VIII, богословские сочинения Иоанна Златоуста, Августина, Фомы Аквинского, Бернарда Клервоского, Бонавентуры, а также трактаты по логике и физике. Но настоящая жемчужина этой группы рукописей, да и всего рукописного собрания А.С. Норова – сборник сочинений Джордано Бруно, датированных последним периодом деятельности великого мыслителя (перед его арестом) – 1589–1591 годами.

Данный манускрипт Норов приобрел в начале 1860-х гг. у парижского букиниста Тросса. По мнению составителей сборника «Неизданные письма иностранных писателей XVIII – XIX веков из ленинградских рукописных собраний», интерес к творчеству Джордано Бруно возник у А.С. Норова еще в 1820-х годах³². Во всяком случае, Норов на протяжении длительного времени пытался приобрести работы итальянского гуманиста. В марте 1851 г. в письме В.В. Ганке он просил достать ему «какие-либо» сочинения Джордано Бруно. Письмом от 2 ноября 1851 г. А.С. Норов вновь напоминал Ганке о своей просьбе: «Есть ли надежда иметь кое-что из сочинений Bruno Nolano, о которых я Вам послал записку?»³³.

А.С. Норов составил первое описание рукописного сборника и был уверен, что он весь написан самим Джордано Бруно³⁴. Советский исследователь В.П. Зубов, проведя сравнительный анализ рукописи, пришел к следующему выводу: ученому принадлежит не весь ее текст, часть его написана учеником Бруно Иеронимом Беслером. «В тексте имеется много маргиналий. Их также трудно признать за автограф Бруно, вопреки мнению Норова», – констатировал Зубов³⁵. И.М. Кудрявцев, со ссылкой на статью В.П. Зубова, также считает, что часть сборника написана самим Джордано Бруно, а часть – Иеронимом Беслером³⁶. Представляется, что данный вопрос требует дальнейшего глубокого изучения.

Свою вторую библиотеку А.С. Норов продал в начале 1860-х гг., но уже не частному лицу, а Московскому публичному Румянцевскому музею. «Эта коллекция одних только редкостей до сих пор является жемчужиной РГБ», – отмечают составители сайта Российской государственной библиотеки³⁷. Книжное собрание А.С. Норова оказалось столь значительным, что для него администрация библиотеки выделила «устроенный новый и просторный зал». «При этом перемещении, – говорится в отчете музея, – естественно, оказалась необходимость изменить всю нумерацию как самих книг, так и соответственных им карточек каталога, на что, при небольшом личном составе музейской библиотеки, потребовалось не менее шести недель усиленной работы»³⁸.

«Оставляя собранную мною в продолжении моей жизни библиотеку, в память о себе, дорогой сердцу моему Москве, – я желал только, чтобы не ранее, как по кончине моей, для исполнения сделанных в моем духовном завещании назначений, было выдано за нее 17 т[ысяч] р[ублей] без процентов. Конечно, это не есть оценка моей библиотеки, получившей некоторую известность в кругу ученых и библиографов», – писал А.С. Норов³⁹. В одном из своих писем к С.А. Соболевскому он так объяснял причину, побудившую его продать библиотеку: «Я расстался с моей библиотекой и, конечно, не из денежных расчетов. Меня подвигла к этому любовь к родной Москве»⁴⁰.

С.А. Соболевский, осматривая библиотеку А.С. Норова в Румянцевском музее, сообщал ему в марте 1864 г.: «На днях имел я случай обозреть прекрасную вашу библиотеку в здешнем музее, причем я возрадовался видеть ее в оном не раздробленную. Кроме того, что это приобретение обогащает музей множеством прекрасных экземпляров редких книг, оно важно особенно тем, что до вашей там сосредоточились только библиотеки неученых бояр наших, отчего и образовалось множество дуплетов, триплетов и других плетов тех же самых роскошных, но не редких и не охотничьих книг»⁴¹. В своем ответном письме, датированном 5 апреля 1864 г., А.С. Норов писал: «Должен сказать вам, что вы пишете уже не к тому Норову, страстному библиофилу, каковым он был. С тех пор как я осиротел [к 1864 г. дети и жена Норова умерли. – Г.С.], я уже разлучился со светом и доказательством тому служит то, что я расстался с моею библиотекой <...>. За известие о бывшей моей библиотеке чувства глубокой благодарности»⁴². С.А. Соболевский был очень доволен тем, что библиотека А.С. Норова осталась в России, а не вывезена за границу. «Вся Россия должна быть благодарна его памяти за то, что он не предпочел вывезти свою библиотеку на распродажу за границу», – подчеркивал он⁴³.

Таким образом, частные библиотеки XIX в. составили основу современной крупнейшей библиотеки нашей страны. Думается, пожертвования владельцев библиотек вполне можно рассматри-

вать как проявление настоящего патриотизма, понимания необходимости поступательного развития интеллектуальных сил страны. Этому и были призваны содействовать сформировавшиеся государственные публичные библиотеки. Свой весомый вклад в это внес и Авраам Сергеевич Норов – разносторонне образованный, высококультурный русский дворянин. Среди обширных частных книжных собраний XIX в., его библиотека занимали, несомненно, достойное место.

Примечания

- ¹ Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова / сост. А. Попов. М., 1872.
- ² См.: Первое прибавление к росписи российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина. СПб., 1829; Второе прибавление к росписи российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина. СПб., 1832; Третье прибавление к росписи российским книгам для чтения, из библиотеки Петра Крашенинникова: продолжение к прежде изданным росписям А.Ф. Смирдина. СПб., 1852; Реестр старопечатных книг, находящихся в библиотеке А.С. Шириева. М., 1833; Библиотека Н.П. Барсукова. СПб., 1864.
- ³ См.: *Геннади Г.Н.* Русские библиофилы: Библиотеки графа Д.П. Бутурлина и их каталоги // Журнал министерства народного просвещения. 1856. Ч. 90. Отд. III. С. 1–10.
- ⁴ Библиотека Московского Публичного и Румянцевского музеев // Исторический вестник. 1896. Т. LXV, июль. С. 261.
- ⁵ См.: Третье прибавление к росписи российским книгам для чтения из библиотеки Петра Крашенинникова. С. IV–V.
- ⁶ Там же. С. V.
- ⁷ Цит. по: *Познанский В.В.* Очерки истории русской литературы первой половины XIX века. М., 1970. С. 27.
- ⁸ Цит. по: *Геннади Г.Н.* Указ. соч. С. 2.
- ⁹ Там же. С. 5.
- ¹⁰ Воспоминания о библиотеке графа Бутурлина // Журнал министерства народного просвещения. 1836. Ч. 10. С. 631–632.
- ¹¹ *Геннади Г.Н.* Указ. соч. С. 8.
- ¹² *Чехов Ал.П.* Авраам Сергеевич Норов // Исторический вестник. 1895. Т.61. С. 389. Советские исследователи со ссылкой на С.А. Соболевского отмечали, что впоследствии первая библиотека А.С. Норова была разрознена, часть книг вывезена, предположительно, в Бельгию. (См.: *Кунин В.В.* Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 67; Автографы современников Пушкина на книгах из собрания Государственного музея А.С. Пушкина: Аннотированный каталог / сост. О.В. Аснина, Ю.Ю. Гречихова, С.Н. Тихомирова. М., 1988. С. 179).
- ¹³ *Кунин В.В.* Указ. соч. С. 158–159.
- ¹⁴ *Соболевский С.А.* Библиотека Авраама Сергеевича Норова // Русский архив. 1869. № 4. С. 065.
- ¹⁵ См.: Московский публичный музей // Журнал министерства народного просвещения. 1863. Ч. CXVII. С. 213.

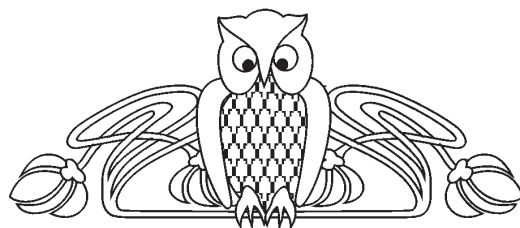

- ¹⁶ Норов А.С. Путешествие по Святой земле в 1835 году. СПб., 1844. Ч. II. С. 59–60.
- ¹⁷ Норов А.С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 годах. СПб., 1840. Ч. 1. С. 277 (исследователи датируют рукопись X веком).
- ¹⁸ Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. Ч. II. С.106.
- ¹⁹ Филологические наблюдения А.Х. Востокова. СПб., 1865. С. 173.
- ²⁰ См.: Востоков А.Х. Описание рукописей и печатных книг словенских, принадлежащих г-ну Норову // Журнал министерства народного просвещения. 1836. Ч. 11. С. 529–551; Попов Д. Описание греческих рукописей, принадлежащих г-ну Норову // Там же. Ч. 12. С. 409–422.
- ²¹ Библиотека великих писателей: Пушкин / под ред. С.А. Венгерова. Пг., 1915. Т. VI. С. 113.
- ²² Там же.
- ²³ Письма В.В. Ганки к А.С. Норову и барону М.А. Корфу (1841–1857). М., 1881. С. 14.
- ²⁴ См.: Письма протоиерея М.Ф. Раевского к А.С. Норову // Русский архив. 1895. Кн. 3. С. 355–365.
- ²⁵ Цит. по: Кудрявцев И.М. Рукописное собрание А.С. Норова // Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. М., 1956. Вып. 18. С. 53.
- ²⁶ См.: Исаков Н.В. Отчет по Московскому Публичному музею от времени основания его до 1-го января 1864 года // Журнал министерства народного просвещения. 1864. Ч. СXXXII. С. 64.
- ²⁷ Хохлов Р.Ф. Книжные фонды личного происхождения, как исторический источник. (По материалам собрания Дмитровского краеведческого музея) // Проблемы отечественной истории: сб. статей; отв. ред. А.М. Анфимов. М., 1973. Ч. 1. С. 314.
- ²⁸ Соболевский С.А. Указ. соч. С. 065.
- ²⁹ Библиотека Авраама Сергеевича Норова. СПб., 1868. Ч. 1. С. VI.
- ³⁰ См.: Кудрявцев И.М. Рукописное собрание А.С. Норова // Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. М., 1980. Вып. 41. С. 96.
- ³¹ См.: Библиотека Авраама Сергеевича Норова. Ч. 1. С. VI–VII.
- ³² См.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII – XIX веков из ленинградских рукописных собраний / под ред. М.П. Алексева. М.: Л., 1960. С. 89, примеч.
- ³³ Цит. по: Джордано Бруно (К 400-летию со дня смерти). Заседание памяти Дж. Бруно. Выставка «Джордано Бруно. 1548–1948» // Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Докл. и сообщения филол. ин-та / отв. ред. М.П. Алексеев. Л., 1949. Вып. 1. С. 228.
- ³⁴ См.: Библиотека Авраама Сергеевича Норова. Ч. 1. С. 250–272.
- ³⁵ Зубов В.П. Рукописное наследие Джордано Бруно // Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. М., 1950. Вып. XI. С. 182.
- ³⁶ См.: Кудрявцев И.М. Указ. соч. Вып. 18. С. 56–57.
- ³⁷ Развитие фондов Московского и Румянцевского музеев. URL: <http://leninka.ru> (дата обращения: 25.12.10).
- ³⁸ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музея за 1865 год // Журнал министерства народного просвещения. 1866. Ч. СXXX, апрель. Отд. II. С. 61.
- ³⁹ Библиотека Авраама Сергеевича Норова. Ч. 1. С. I.
- ⁴⁰ Российский государственный архив литературных источников (далее – РГАЛИ). Ф. 450. Оп. 1. Д. 22. Ч. II. Л. 35.
- ⁴¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 531. Оп. 1. Д. 580. Л. 3.
- ⁴² РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 22. Ч. II. Л. 35, 41об.
- ⁴³ Соболевский С.А. Указ. соч. С. 65.

УДК 94(47)“1905/1907”

РОЛЬ АДВОКАТОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ 1905 ГОДА

С.В. Мосолкин

Саратовский государственный технический университет
E-mail: MosolkinSV@mail.ru

Role of Lawyers at Political Trials in 1905

S.V. Mosolkin

Article is devoted the analysis of system of rules and the ethical principles of defence developed by the Russian attorneys at law at political trials in 1905. In article it is told about antagonism between the government and the Bar in days of the first Russian revolution. The author does a conclusion that studying and preservation of classical traditions of pre-revolutionary legal profession, as basic institute of a civil society, is actual for a modern society.

Key words: Russian advocacy, political trials, the lawyer unions, advocacy ethics, methods of advocacy defence.

В статье делается попытка проанализировать профессиональную и нравственную позицию российских адвокатов в период революции 1905 года. Источниками для написания статьи служат мемуары адвокатов, их публицистические работы, а также материалы жандармского управления, хранящиеся в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО).

Дореволюционная адвокатура представила миру плеяду выдающихся присяжных поверенных. Нелегкой ценой далось сословию адвокатов общественное признание и уважение. Практически до конца 70-х гг. XIX в. российское общество относилось к адвокату крайне неприязненно. Н.А. Троицкий в книге «Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг.» приводит целый список нелестных отзывов об адвокатах – в газетах, в журналах, в произведениях писателей¹.

И лишь участие в политических процессах дало возможность адвокатам изменить представление общества о себе. Произошло это благодаря деятельности присяжных поверенных с высочайшей репутацией, таких как В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, П.А. Александров, А.И. Урусов, В.Н. Герард, С.А. Андреевский, В.И. Танеев, А.М. Унковский. Они не только не запятнали чести сословия, но и активно отстаивали ее, изобличая «продажное негодование» и «наемную страсть краснобаев от адвокатуры»². Им удалось преодолеть волну безосновательных нападок на защитников, спровоцированных, безусловно, государством, стремившимся ослабить любой независимый от него институт. Окончательно общественное мнение встало на сторону адвокатов после череды громких политических процессов 1877–1878 гг., в которых защитники продемонстрировали независимость от государства и нежелание подчиняться его полицейской воле³.

В 1905 г. с подъемом общественно-политического движения в стране в адвокатской среде усиливаются оппозиционные настроения. В этой обстановке растет общественная репутация адвокатуры, вместе с ростом ее собственной политической активности, проявляющейся и в защитительных выступлениях адвокатов перед судом, и в антиправительственных акциях.

Еще в марте 1901 г. В.Д. Стасов, Н.П. Карабчевский и еще семь адвокатов подписали протест 95 деятелей культуры против разгона студенческой демонстрации в Петербурге. 20 ноября 1904 г. десятки петербургских адвокатов участвовали в антиправительственном митинге «представителей интеллигентных профессий» вместе с В.Г. Короленко, А.М. Горьким, Л.Н. Андреевым, В.И. Селявским, Е.В. Тарле, Н.А. Бердяевым и другими виднейшими деятелями литературы, на-

уки и искусства⁴. 21 ноября 1904 г. 400 адвокатов Петербурга приняли резолюцию с требованием «признать за всеми гражданами равное право неприкосновенности личности и жилища, свободу совести и вероисповеданий, свободу печати, собраний, союзов»⁵. Это была первая по времени политическая резолюция, принятая в России от имени целой общественной группы, официально признанной адвокатской корпорацией⁶.

В выступлениях адвокатов, несомненно, проявлялся антагонизм, который в годы реакции существовал между правительственной юстицией, с одной стороны, и либеральной в немалой своей части адвокатурой, с другой стороны. Этот антагонизм особенно проявился в 1904–1905 гг., когда присяжные поверенные принимали резолюции о «необходимости государственной реформы, как единственного условия для возможного полного дальнейшего осуществления высоких целей правосудия»⁷. Адвокат Н.П. Карабчевский в мемуарах по этому поводу писал: «При наличии в дореволюционной России сановно-чиновного (но не царского) абсолютизма, существование наряду с этим свободного самоуправляющегося сословия адвокатов было резкою, почти трагическою аномалией. Явно противоположные общественные задачи не могли не ставить адвокатуру в противоречие с видами и чаяниями правительства, и вполне естественно, что вся публичная деятельность лучших адвокатских сил была у нас всегда деятельностью систематически оппозиционной. Это пытались обуздать и Муравьев, и Щегловитов, и такие их ставленники, как старший Председатель Петербургской Судебной Палаты Крашенинников или сенаторы: Бахтаров, Гредингер и т.д. Но эти попытки только раздражали общественное мнение и увеличивали значение и силу публичного адвокатского слова»⁸.

В период обострения политической борьбы и роста судебных процессов общность взглядов вызвала подъем профессионального настроения в адвокатской среде. «Политическая активность адвокатов, столь живо проявившаяся уже в преддверии революции, с начала ее продолжала нарастать и привела к созданию 30 марта 1905 г. всероссийского союза адвокатов, который объединил 2,5 тыс. присяжных поверенных и их помощников из 64 городов Европейской России, включая Закавказье»⁹.

Союз адвокатов России ставил перед собой очень серьезные задачи в области профессиональной деятельности адвокатуры, по разработке и совершенствованию Правил адвокатской этики, организации сословия присяжных поверенных, поддержанию чести и достоинства во всем сословии адвокатов, содействуя подъему нравственного уровня, ограждая членов сословия от произвола. Также Союз адвокатов намеревался оказывать содействие правовой науке и судебной практике, объединяя и разрабатывая богатый материал, черпаемый адвокатами из своей профессиональ-

ной деятельности. И, наконец, российский Союз адвокатов предполагал содействовать улучшению материального обеспечения членов сословия, их семейств на случай смерти, болезни или неспособности к труду, созданию пенсионной кассы и иных видов взаимопомощи¹⁰.

Вот как описывал создание Союза адвокатов Н.В. Тесленко в своем докладе Собранию присяжных поверенных Москвы: «На съезде участвовало около 200 делегатов, избранных преимущественно официальными общими собраниями присяжных поверенных и их помощников во всех судебных округах империи. Сознание необходимости объединить всю русскую адвокатуру было столь единодушно, что в первом же заседании 28 марта, без прений, единогласно было сделано следующее постановление: съезд провозглашает учреждение всероссийского союза адвокатов с целью объединения общественно-профессиональной деятельности адвокатуры и достижения политического освобождения России на началах демократической конституции»¹¹.

Естественно, что такая инициатива не могла понравиться властям. Союз адвокатов просуществовал недолго, менее года, проведя еще один, Второй съезд в Москве 5–6 октября 1905 г., и прекратил свое существование. Этому способствовало неприятие и непризнание Союза адвокатов со стороны государственных органов власти России. Вскоре после Первого съезда Союза адвокатов некоторые его делегаты за участие в Союзе были привлечены к жандармскому дознанию по ст. 126 Уголовного уложения (об участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя)¹², поскольку одной из задач Союза адвокатов было изменение политического режима в России. К чести всех адвокатов-членов Союза, они заступились за своих коллег путем подачи заявления в жандармские управления о своей принадлежности к Союзу. В результате такого демарша и страха общественной огласки и скандала привлечение к уголовной ответственности за членство в Союзе адвокатов летом 1905 г. было прекращено.

Ситуацию, накаленную надвигающейся революцией, власть неоднократно использовала в своих полицейских интересах, пытаясь запугать и поставить адвокатуру под контроль. Особый резонанс получил арест присяжного поверенного С.Е. Кальмановича, который всколыхнул всю адвокатуру, потому что был произведен в зале суда, во время исполнения им своих обязанностей по защите.

За адвокатом С.Е. Кальмановичем задолго до его ареста велось наблюдение. В Государственном архиве Саратовской области сохранился ответ начальника саратовского губернского жандармского управления на запрос тамбовского начальника губернского управления от 28 декабря 1905 года. В нем говорится: «по имеющимся в

отделении сведениям еще в 1902 г. Присяжный Поверенный Самуил Еремеев Кальманович вел деловые в революционном смысле сношения с центральной группой Саратовских социалистов-революционеров»¹³. Далее начальник жандармского управления Саратова сообщает: «В марте 1905 года С.Е. Кальманович, как человек крайних убеждений, был командирован делегатом от Саратовской адвокатуры на Всероссийский съезд юристов в г. Петербург и там обратил на себя внимание местного Охранного Отделения своими противоправительственными речами и резолюциями на заседаниях съезда»¹⁴. Из документа становится ясно, что С.Е. Кальманович был тесно связан с партией социалистов-революционеров: «Начиная с января 1905 года С.Е. Кальманович во всех политических забастовках в г. Саратове принимал самое деятельное участие, ведя, лично, агитацию путем произнесения на всех общественных собраниях ряда противоправительственных ярко революционных речей, в которых довольно откровенно высказывалась мысль о близости и необходимости революции в России. Особенно живую деятельность он проявил в Октябрьскую всероссийскую забастовку, когда совместно с представителем Союза – Союзов в г. Саратове доктором Адамом Владиславовым Узембло, Присяжным Поверенным Токарским, инженером путей сообщения Анатолием Александровым Добровольским образовал под видом “Центрального Стачечного комитета” “как бы” временное Правительство. Они вырабатывали программы сходов, требований для забастовщиков к предъявлению по начальству, а также агитировали за необходимость вооруженного отпора рабочими полиции и войсками на случай столкновений»¹⁵. Хотя сам С.Е. Кальманович в воспоминаниях писал, что никогда не был «центром, около которого группировались в Саратове социалисты-революционеры, и даже не был членом партии»¹⁶. И сведения о нем, полученные тамбовской администрацией из Саратова, были «выдуманы саратовской охранкой, знавшею обо мне, как о близком знакомом и друге многих революционеров...»¹⁷.

В декабре 1905 г. С.Е. Кальманович, проживающий в то время в Саратове, выехал в Тамбов на суд по делу об убийстве генерала Богдановича. Об убийстве Богдановича и задержании его убийц было известно из газет, поэтому С.Е. Кальманович сразу понял, «кого его приглашают защищать»¹⁸. С.Е. Кальманович прибыл в г. Тамбов для защиты в военном суде Максима Катина и Кузнецова, обвиняемых в убийстве генерала Богдановича. Адвокат ничего о них не знал, кроме, как он пишет, «скудных сведений»¹⁹. Тамбовская администрация, знавшая о содержании телеграммы, как предполагал сам Кальманович, была предупреждена о его прибытии телеграфом, и не желая присутствия «чужого» адвоката, который может поднять неуместные

вопросы, приказала арестовать его на вокзале в Тамбове. Но поезд пришел с опозданием, и представителям власти не удалось осуществить задержание²⁰. На заседание адвокат прибыл с опозданием и вошел в зал только после перерыва. С.Е. Кальманович сразу обратил внимание на состав суда. Администрация «сконструировала суд» из людей «ничем не связанных, кроме как усмотрением коменданта»²¹. Председателем был назначен военно-судебный следователь, членами суда – два обер-офицера, прокурором – офицер генерального штаба. Все назначения состоялись по усмотрению генерал-губернатора на основании ст. 1308 военно-судебного устава. Эта статья разрешала «при неимении военного суда и невозможности командирования такого, вследствие перерыва сообщения», предоставлять учреждать суд на общих основаниях, с «возложением обязанностей чинов военно-судебного ведомства на офицеров от войск»²².

Это было придумано тамбовской администрацией, так как «судебная процедура казалась ей волокитой, и единственное стремление администраторов было уничтожить политического преступника как можно скорее тут же, так сказать на месте, однако непременно под маской судебного приговора»²³. С.Е. Кальманович очень хорошо понимал, что всякие возражения против состава суда были бы бесполезны. Он надеялся, что может быть в результате следствия удастся установить какие-нибудь факты, которые дадут возможность просить об отсрочке заседания. Поэтому адвокат «очень обрадовался, когда к нему подошел дежурный офицер и попросил выйти в вестибюль. Он надеялся увидеть там родителей или родственников подсудимых»²⁴.

«Кальманович вышел из зала, к нему подошел офицер жандармерии и объявил об его аресте. Кальманович заявил, что не может этому подчиниться, вернулся в зал и доложил о случившемся председателю. Тот задал вопрос подсудимому, который показал, что хочет иметь защитника. Суд удалился на совещание и вынес решение об освобождении Кальмановича от обязанностей защитника, и его мгновенно арестовали. Дело было решено без проволочек и без защитника. Генерал-губернатор лишил осужденного права на обжалование, и смертный приговор привели в исполнение»²⁵.

С.Е. Кальманович вспоминал: «При всем моем пессимизме я не мог примириться с этой кошунственной, с точки зрения права, конструкцией суда. В камере меня зло кусали клопы, но сознание глубокого бесправия царского режима терзало меня много злее»²⁶.

Арест адвоката при выполнении профессиональных обязанностей вызвал бурю возмущения. Вопрос об аресте защитника на заседании суда был поднят в Государственной думе. На него министр Дурново ответил, что «когда в доме пожар, то не жалеют стекол»²⁷.

С.Е. Кальманович был освобожден, пробыв под стражей свыше месяца, без предъявления какого бы то ни было обвинения.

Таким образом, правительство вело борьбу против адвокатского сословия, а оно, в свою очередь, консолидировалось, и даже те адвокаты, которые «в адвокатуре стояли особняком, не примыкая ни к партии, ни к кружку»²⁸, любившие сословие, превыше всего ставили его задачи.

Выступая официальными представителями обвиняемых, адвокаты заняли важное место на политических процессах 1905 года.

С увеличением числа судебных процессов складывается этика политической защиты, в выработке которой немалое участие принимали и сами подзащитные. Первым и основным правилом этой этики было требование, чтобы защитник не подвергал критике программы партии, к которой принадлежал подсудимый, и чтобы его тактика защиты ни в коем случае не шла вразрез с той позицией, которую хотел занять в процессе политически сознательный обвиняемый.

Защитник М.Л. Мандельштам по делу И.П. Каляева говорил, что «подсудимый заявил непреклонное требование, чтобы мы, ни одним словом не обмолвились в его личную защиту. На наших глазах человек бросается в воду и тонет, и мы не смеем пошевелиться, не смеем протянуть ему руку помощи»²⁹.

Таковы были правила адвокатской этики. Хотя были и те, кто осуждали за это адвокатов: «защитники Каляева, ослепленные политическими страстями, забыли о своей главной обязанности – прежде всего, думать об участии подзащитного, а не о каких-то других интересах или своих амбициях. Они видели в каждом террористе политического героя и оправдывали не подсудимого, а его действие. Они не обратили внимание суда на благородство Каляева, не бросившего бомбу в карету несколькими днями раньше, когда в ней находились, кроме генерал-губернатора, Елизавета Федоровна, их племянник Дмитрий Юсупов и племянница Мария»³⁰. Они могли бы поддержать мысль прокурора о том, что таких, как Каляев, толкают на преступление авантюристы. Но защитники даже не вспомнили тот факт, что даже сам главный террорист эсеров Гершуни наказан лишь ссылкой»³¹.

Те, кто бросали такие обвинения в адрес защитников, не учитывали, что сами подсудимые не приняли бы такую защиту, ведь даже в том, что адвокат «говорил о покушении, направленном не против члена царствующего дома, а против московского генерал-губернатора, Каляев усмотрел желание смягчить его судьбу». И в своем последнем слове он считал нужным заявить, что «стрелял в Сергея Александровича, как в великого князя»³².

Если просмотреть речи адвокатов, приобретших известность к началу XX в., то можно убедиться, что их приемы имели индивидуальный

характер. Это была преимущественно или «уличная» защита, или индивидуально-психологическая. Мастером психологической защиты являлся С.А. Андреевский. Основное внимание он уделял личности подсудимого, анализу обстановки, в которой тот жил, и условий, в которых подсудимый совершил преступление. Психологический анализ действий подсудимого Андреевский давал всегда глубоко, живо, ярко и убедительно. Основной особенностью его выступлений являлось широкое внесение литературно-художественных приемов в защитную речь.

В 1905 г. С.А. Андреевский участвовал в политических процессах совместно с представителями «молодой адвокатуры». В своих мемуарах «Драмы жизни» он вспоминал о процессе, проходившем в окружном суде 20–22 сентября 1905 г. под председательством П.К. Камышанского. К суду было привлечено 16 человек, обвиняемых по ст. 126 Уголовного уложения о принадлежности к петербургской организации социалистов-революционеров. Защиту, помимо С.А. Андреевского, представляли В.В. Бернштам, А.С. Зарудный и другие адвокаты³³. Подзащитный С.А. Андреевского эсер Струмило-Петрашкевич, приговоренный в итоге к ссылке на поселение, через месяц был амнистирован императорским манифестом от 21 октября 1905 г. С.А. Андреевский вспоминает об этом как о факте, подтверждающем парадоксальность сложившейся ситуации в годы Первой русской революции, когда суд, призванный действовать «на основании начал незыблемых», оказался в условиях, когда все законы являются «временными правилами»³⁴.

Корифей адвокатской деятельности Лев Абрамович Куперник в 1905 г. выступал на десятках политических процессов (временами – по несколько раз в месяц). «Не было почти ни одного крупного политического процесса, в котором он не являлся бы защитником, – читаем в его некрологе. – Все дела в военных, морских и других судах не проходили без его участия. Несмотря на свои 60 лет, он последние два года буквально провел в вагоне и на суде»³⁵. По свидетельству Н.К. Муравьева, 60-летний Л.А. Куперник вступил в кружок политических защитников, который составляли молодые киевские адвокаты во главе с М.Б. Ратнером, и не уступал молодым ни в политической, ни в чисто профессиональной активности.

Для защиты участников политических процессов сначала в Москве, а потом и в других городах были организованы коллективы «молодой» адвокатуры. Инициативную группу политических защитников в Москве возглавил Н.В. Тесленко, который пользовался доверием у членов партии эсеров. Известным фактом в деле И.П. Каляева является то, что «при подготовке покушения предусматривалась возможность судебного разбирательства», и Б.В. Савинков советовал И.П. Каляеву «остановить свой выбор на Тесленко»³⁶. Н.В. Тесленко в то время не было в Москве, поэтому на суде присутствовали другие защитники. Тем

не менее, 23 июля 1905 г. Н.В. Тесленко выступал защитником в деле об убийстве градоначальника графа П.П. Шувалова³⁷, а также в других политических процессах.

В Петербурге Н.Д. Сколов, А.С. Зарудный и другие организовали группу защиты, для которых защита уже не была личным делом, а распределялась между участниками коллектива.

По ходу рассмотрения дел адвокаты сталкивались с необходимостью определить специфику революционного движения, как крупного социального явления. Политических защитников интересовала не только индивидуальная психология, но и психология массовых движений. В этом смысле значительный научный интерес представляют речи защитников. Манделъштам вспоминает речь В.А. Жданова в судебном процессе по делу И.П. Каляева: «Речь его, тогда большевика, была ярко революционной. Через головы судей он говорил с народом и революцией. Сенат для него не существовал: необходимые и докучливые декорации»³⁸. В своей речи Жданов дал оценку «тяжелым временам»³⁹, которые, по его мнению, «привели Россию к крайней гибели. Столкнулись два мира, и все более теряется надежда на мирный исход»⁴⁰.

Некоторые представители «старой» адвокатуры не поддерживали использование защиты как политической трибуны. Н.П. Карабчевский отмечал, что вначале ««политиканы» были наперечет, но в последнее время, начиная с несчастной японской войны, их число все увеличивалось, и деятельность их приобретала характер настойчивой планомерности. Судебные политические процессы теперь уже служили трибунами для революционной пропаганды, нередко выходя за пределы объективного»⁴¹. Н.А. Троицкий отмечает: «Вообще, в отношениях между “старыми” и “молодыми” корифеями была известная напряженность и ревность»⁴². Высказываясь не слишком лестно об ораторских способностях «молодой адвокатуры»⁴³, Н.П. Карабчевский все же отмечает, что они «добились своего; приобрели, в конце концов, последователей, союзников и подражателей, настолько, что к периоду 1904–1905 годов составили уже весьма заметную и довольно властную в сословии группу»⁴⁴. Не мог он не отметить и то, что «сила всех этих ораторов, несомненно, все же в чем-то таилась, раз они овладевали, при том или ином случае, вниманием и даже энтузиазмом толпы на революционных митингах и собраниях»⁴⁵.

Отказы от защиты, впервые опробованные московскими присяжными поверенными и поддержанные адвокатами других регионов, становились все более частыми, превращаясь в один из новых способов защиты. Известны и такие случаи, когда адвокаты были вынуждены покидать зал заседания вслед за своими подзащитными. Ярким примером этого может служить процесс над И.П. Каляевым, на котором защитниками

выступали Жданов и Мандельштам. Во время процесса подсудимый был выведен из зала по распоряжению председателя, который «не учел разницы между восьмидесятыми годами, когда он мог свободно хозяйничать в процессе, и 1905 годом»⁴⁶. Защитники потребовали перерыва для обсуждения создавшегося ненормального положения. Председатель в перерыве им отказал, «не понимая, чем это грозит и незнакомый с традициями, уже начинавшими складываться среди политических защитников»⁴⁷. Защитники встали и покинули заседание, причем, как указывает Мандельштам, «Жданов отказался от дальнейшей защиты»⁴⁸. Суд, оставшись без подсудимого и без защиты вынужден был пойти на уступки. Каляев и защитники вернулись в зал, причем Жданов был вновь допущен к защите⁴⁹.

Кроме указанных новых приемов защиты, выработавшихся в политических процессах, необходимо отметить и еще один. При просмотре речей защитников более раннего периода можно заметить, что юридическая аргументация в них занимала скромное место. Между тем в политической защите к 1905–1906 гг. юридическая аргументация получила большое развитие. Это относится к московской группе политических, руководимой юристами Н.К. Муравьевым и Н.В. Тесленко.

Появление юридической защиты, возможно, в значительной мере объясняется тем, что именно в этот период защита проходила не перед присяжными заседателями, которым сложные юридические законы были мало доступны, а перед профессиональными судьями, которые были в судебной палате с сословными представителями и в военном суде.

Можно добавить и то, что введенное в действие постановление нового Уголовного уложения о государственных преступлениях создавало вокруг себя, пока еще не было сенаторского разъяснения, возможность различного толкования закона. Это использовала защита для замены одной статьи на другую, с меньшим сроком наказания.

В судебных процессах по обвинению в государственных преступлениях адвокаты считали своим долгом отказываться от гонорара, даже если их клиенты или родственники клиентов предлагали им таковой⁵⁰.

В своих воспоминаниях В.Н. Фигнер, рассказывая о жизни шлиссельбургских заключенных, с уважением вспоминает об адвокате Жданове. «Он не побоялся защищать Каляева, убийцу великого князя Сергея Александровича, царского дяди и палача. Жданов защищал Каляева бескорыстно и безвозмездно: он был членом “Организации политических защитников”, а они никакого гонорара за участие в политических процессах не брали, – это почиталось долгом чести тогдашнего революционно-демократического интеллигента. На призыв Каляева приехать к нему для присутствия при казни Жданов откликнулся немедленно. Он примчался в Шлиссельбург поздно вечером. Не на

автомобиле – они тогда были в редкость. Вероятно, он приехал поездом по Ириновской железной дороге, – от станции надо было еще отшагать три версты пешком по весенней грязи и распутице. Адвокат торопился на зов своего подзащитного Ивана Каляева, но его не пропустили! Тюремная администрация не имела на то разрешения от высшего начальства – вернее будет сказать, что она (вольно или невольно) не удосужилась своевременно получить такое разрешение»⁵¹. Говоря о последнем желании Каляева о приезде Жданова, в доказательство она приводит рапорт полковника Яковлева. В нем говорится о том, что «накануне казни осужденный просил свидания с прокурором, должностным присутствовать при исполнении приговора, и выразил ему, как последнюю просьбу, – содействовать, чтобы присяжный поверенный Жданов присутствовал при исполнении приговора и вообще просил его доставить возможность видеться с означенным Ждановым, объясняя при этом, что видеть он его желает не для того, чтобы через него просить о смягчении участи, а по делам, лично его касающимся».

Процесс Каляева позволяет затронуть вопрос об адвокатской тайне. Институт адвокатской тайны восходит еще к эпохе Римской империи, когда римским судьям предписывалось следить, чтобы «адвокаты не давали свидетельских показаний по делу лица, чьи интересы они защищали»⁵². Чтобы достойно выполнить то назначение, к которому призваны адвокаты, им, прежде всего, необходимо доверие клиента. Его не может быть там, где нет уверенности в сохранении тайны. Каляев изначально с недоверием отнесся к Мандельштаму и «потребовал», чтобы тот «предоставил ему какое-либо доказательство своей самоличности»⁵⁴. Между Ждановым и его подзащитным Каляевым были доверительные отношения еще по вологодской ссылке⁵⁵. Мы так и не узнаем, о чем в предсмертный час Каляев хотел говорить со своим защитником, присяжным поверенным Ждановым. Ясно одно, что между адвокатом и подзащитным были доверительные отношения, далеко выходящие за круг профессиональных обязанностей.

Дореволюционная адвокатура представила миру плеяду выдающихся присяжных поверенных. Каждый из них в суде был частью сословия, но в то же время являлся индивидуальностью. Чем интереснее, талантливее была личность адвоката, тем заметнее был оставленный им след в истории. Адвокатское сословие выработало основную систему правил своей деятельности и этических принципов. Многие из них и в наше время используются в адвокатской практике.

Российская адвокатура, несмотря на регулярные гонения и притеснения со стороны государства и власти, сохранила свои классические традиции и по сей день считается одним из важнейших завоеваний демократии и основных институтов гражданского общества.

Примечания

- ¹ См.: *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 187–226.
- ² См.: *Андреевский С.А.* Драмы жизни. Пг., 1916. С. 4–5; Он же. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. Тула, 1997. С. 6.
- ³ См.: *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. С. 187.
- ⁴ См.: *Троицкий Н.А.* Адвокатура и общество в России (XIX–начало XX века) // История России: диалог российских и американских историков: материалы рос.-амер. науч. конф. (Саратов, 18–22 мая 1992 г.). Саратов, 1994. С. 171; *Он же.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. С. 208.
- ⁵ Цит. по: *Троицкий Н.А.* Адвокатура и общество в России (XIX–начало XX века). С. 171.
- ⁶ См.: *Гессен И.В.* История русской адвокатуры. М., 1914. Т. 1. С. 404.
- ⁷ Там же. С. 403.
- ⁸ *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Т. II. URL: <http://ldn-knigi.narod.ru/RUSPROS/Rusknig.htm> (дата обращения: 12.12.10).
- ⁹ *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. С. 212.
- ¹⁰ См.: *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 418–419.
- ¹¹ Цит. по: *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 417–418.
- ¹² См.: *Таганцев Н.С.* Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904. С. 227.
- ¹³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 57. Оп. 1. 1905 г. Д. 41. Л. 144.
- ¹⁴ Там же. Л. 145.
- ¹⁵ Там же. Л. 146.
- ¹⁶ *Кальманович С.Е.* Царская расправа. М., 1928. С. 15.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 3.
- ²⁰ Там же. С. 9.
- ²¹ Там же. С. 7.
- ²² Там же. С. 6.
- ²³ Там же. С. 5.
- ²⁴ Там же. С. 10.
- ²⁵ Тамбовская Правда. 1930. № 19.
- ²⁶ *Кальманович С.Е.* Указ. соч. С. 12.
- ²⁷ Там же. С. 15.
- ²⁸ *Карабчевский Н.П.* Указ. соч.
- ²⁹ Речь Мандельштама // Убийство В.К. Сергея Александровича социалистом революционером И. Каляевым. М.: К-во «Современная проблема», Б.г. С. 41.
- ³⁰ Об этом действительно было известно защите. См.: *Мандельштам М.Л.* 1905 год в политических процессах: Записки защитника. М., 1931. С. 246.
- ³¹ См.: *Хлысталов Э.А.* Босиком среди гадюк. М., 1992. С. 29.
- ³² *Мандельштам М.Л.* Указ. соч. С. 255, 256.
- ³³ Право. 1905. № 38. С. 3218.
- ³⁴ *Андреевский С.А.* Драмы жизни. С. 573.
- ³⁵ Исторический вестник. 1905. № 11. С. 771.
- ³⁶ *Хлысталов Э.А.* Указ. соч. С. 23.
- ³⁷ См.: Дело об убийстве графа П.П. Шувалова // Освобождение. 1905. № 77.
- ³⁸ *Мандельштам М.Л.* Указ. соч. С. 253.
- ³⁹ Речь Жданова // Убийство В.К. Сергея Александровича социалистом революционером И. Каляевым. С. 30.
- ⁴⁰ *Мандельштам М.Л.* Указ. соч. С. 253.
- ⁴¹ *Карабчевский Н.П.* Указ. соч.
- ⁴² *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. С. 153.
- ⁴³ Там же. С. 153–155.
- ⁴⁴ *Карабчевский Н.П.* Указ. соч.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Мандельштам М.Л.* Указ. соч. С. 251.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 252.
- ⁵⁰ *Корш Е.В.* Брызги памяти // Исторический вестник. 1913. № 6. С. 887.
- ⁵¹ Цит. по: *Бруштейн А.Я.* Цветы Шлиссельбурга. М., 1963. URL: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/147586/Brushtein_-_Cvety_Shlissel%27burga.html.
- ⁵² Рапорт от 10 мая 1905 года за № 16 // Бруштейн А.Я. Указ. соч.
- ⁵³ Суд и судьи в избранных фрагментах: Дигесты Юстиниана. М., 2006. С. 605.
- ⁵⁴ *Мандельштам М.Л.* Указ. соч. С. 239.
- ⁵⁵ Там же.

УДК 94(47+ 57)«1914–1918»+929

ИЗ ИСТОРИИ АТТЕСТОВАНИЯ ОФИЦЕРОВ В РУССКОЙ АРМИИ

А.А. Порошин

Военный институт повышения квалификации специалистов
мобилизационных органов ВС РФ, Саратов
E-mail: Alexei_pensioner@mail.ru

Неутешительные итоги Первой мировой войны заставляют искать причины полководческой несостоятельности многих военачальников того периода. Одним из факторов, оказывающих свое влияние на карьерный рост офицеров, их выдвижение на высшие военные посты, являлась существующая в Российской армии аттестационная система. В статье представлена история ее возникновения и трансформация основных ее принципов в ходе развития.

Ключевые слова: чинопроизводство, аттестование, аттестационная комиссия, формуляр, аттестационный список.

Some Facts from the History of Evaluation of Military Officers in the Russian Army

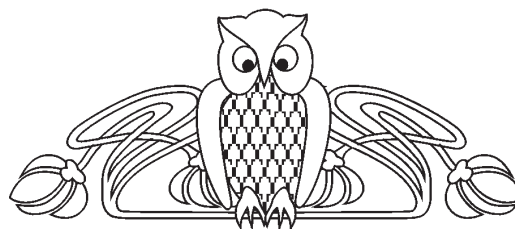
A.A. Poroshin

The disappointing results of WWI force people to look for the reasons for lack of proficiency of some commanders of that period. One of the factors that influenced their career development and high ranks was the evaluation system in Russia. The history of emergence and transformation of its basic principles has been described in the article.

Key words: promotion in rank, evaluation, evaluation commission, forms, evaluation list.

Создавая регулярную армию, Петр I сформулировал и реализовал основной принцип успешной военной службы – продвижение в чинах (в званиях) в зависимости от знаний и реальных успехов офицера. Тем самым он разрушил древнюю традицию – действие принципа «родовитости» при решении вопросов продвижения по службе. С этого момента служебная карьера каждого зависела не столько от «родовитости», сколько от знаний и активности¹.

Последующие самодержцы девальвировали заложенные великим реформатором принципы чинопроизводства, что особенно сказалось на результатах двух последних войн, которые вела дореволюционная Россия: Русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой (1914–1918 гг.). Их итоги показали, что своими, в основном неудачными, военными действиями армия обязана низким уровнем профессионализма военачальников. Талантливые строевые офицеры в своей основной массе останавливались на низших ступенях карьерной лестницы, в результате чего Русская армия традиционно имела «отлично применявшиеся к местности взводы, великолепно стрелявшие роты и проявлявшие частный почин батальоны», которые «оказывались заключенными

ми в вялые дивизии, неуклюжие корпуса и рыхлые армии»².

Чинопроизводство основывалось на аттестовании офицерского состава, которое имело вполне определенное влияние на служебную карьеру. Начало письменной аттестации было положено в 1742 г., причем первоначально исключительно с изложением отрицательных свойств аттестуемого, с целью задерживать повышение в чине нерадивых офицеров в случае неудовлетворительного несения службы. С 1756 г. аттестации стали включать подробный перечень качеств офицеров, характеризовавших не только их недостатки, но и достоинства³.

В 1838 г. право аттестования присваивалось единолично начальнику, пользовавшемуся правами не ниже командира полка. При этом на каждого офицера заполнялся специальный формуляр, в котором командир указывал, за что именно не аттестован тот или иной его подчиненный. В 1859 г. появляется уже прямое указание о праве начальников представлять к увольнению со службы без суда лиц, «неспособных к отправлению должностей». С 1869 г. формуляры заменили аттестационными списками, в которых были представлены сведения из послужного списка офицера и аттестация, составленная лично командиром части и имевшая четыре степени оценки офицера: выдающийся, хороший, удовлетворительный и неудовлетворительный⁴.

Таким образом, с этого времени право представления к производству в следующий чин принадлежало командиру части, который обсуждал этот вопрос со всеми штаб-офицерами, но решение принимал единолично и нес всю полноту ответственности за правильность выбора⁵. Но практика показала несостоятельность единоличной аттестации командира, что отмечалось приказами по военному ведомству 1892 г. № 203, 1893 г. № 25, 1894 г. № 205, 1895 г. № 279⁶.

Русско-японская война 1904–1905 гг. доказала несостоятельность существовавшего порядка назначения на высшие должности без достаточной оценки пригодности военачальников, что потребовало реформирования системы аттестации офицеров в Российской армии. В связи с этим военный министр А.Ф. Редигер в 1905 г. предложил рассмотрение аттестаций на генеральские чины армии возложить на Совет государственных

ной обороны (СГО). Кроме этого ему вменили в обязанности выяснение степени пригодности рассматриваемых к службе, представление достойных к зачислению в кандидаты на высшие командные должности⁷. В 1906 г. приказом по военному ведомству № 216 при СГО создали Высшую аттестационную комиссию, докладчиком и делопроизводителем которой состоял дежурный генерал⁸. Она функционировала под председательством военного министра (с 1908 г. – А.П.), состояла из его помощника, генерал-инспекторов артиллерии и кавалерии, начальников Генерального и Главного штабов, а также всех командующих войсками военных округов. В ее ведении было рассмотрение кандидатур на должности от начальников дивизий и выше и увольнение высших начальников. Кандидатуры на должность ниже начальника дивизии рассматривались Главным штабом по представлению округов, и им же проводились все назначения как на высшие, так и на низшие должности, строго по очереди кандидатских списков. Списки эти рассылались в штабы округов и корпусов, где, следовательно, кандидаты всегда могли следить за назначениями. Кроме того, информацию о кандидатуре можно было всегда получить открыто в Главном штабе у дежурного генерала, его помощника или начальника отделения, а не тайком у писарей, как это было раньше⁹.

Высшая аттестационная комиссия стала работать достаточно продуктивно, хотя вопрос об увольнении за непригодностью еще не поднимался за неимением подобного механизма. Для очистки рядов от непригодных генералов пришлось их увольнять в дисциплинарном порядке, что применялось чуть ли не впервые и имело позорящий характер. Положительным в работе комиссии являлось то, что вырабатывалась общность взглядов на требования, которые должны предъявляться к кандидатам на высшие должности. По инициативе А.Ф. Редигера комиссией было принято принципиальное решение, что начальник, признанный негодным для данной должности, не может вновь получать такую же должность, хотя бы в другом округе. Это было важно потому, что до тех пор лиц, признанных непригодными, обыкновенно не увольняли, а переводили на равную должность в другом месте. Подобное прогрессивное отношение к кадровой политике готовило почву для изменения отношения к учреждению аттестационных комиссий в войсках¹⁰.

Приказом по Военному ведомству было введено «Временное положение об аттестациях капитанов (ротмистров, есаулов), штаб-офицеров и обер-офицеров и генералов, состоящих в строевых частях, и в выборе кандидатов на некоторые должности (с 1 декабря 1906 г. по 1 января 1909 г.). Впервые в Русской армии официально был введен термин «предостережение о неполном служебном соответствии»¹¹, как один из пунктов

(п. 7), по которым проводилась оценка служебных, физических, умственных и нравственных качеств аттестуемых. Новые положения об аттестации офицеров вводились приказами № 82, № 341 от 1908 г., № 153, № 695 от 1910 г., № 405 от 1913 г. и действовали в годы Первой мировой войны.

Аттестация офицеров производилась аттестационной комиссией коллегиально, каждый год в ноябре-декабре. Жалобу на выводы комиссии разрешалось подавать старшему над начальником аттестационной комиссии в течение двух недель со дня извещения¹².

Введение аттестационных комиссий и нового порядка аттестования широко обсуждалось в военной среде, при этом существовали мнения как за, так и против. В работах В.И. Доманевского, Я.В. Червинки, Б. Панаева, Г.М. Ладыженского высказывались мысли о проблемах аттестации, которые нуждались в тщательном изучении, в первую очередь в вопросах объективности аттестаций и всесторонности характеристики аттестуемого. Г. Ладыженский писал: «Теперь создается высшая аттестационная комиссия. Эта прекрасная мера будет приносить пользу только тогда, когда в комиссию будут поступать аттестации беспристрастно, умно и точно характеризующие личность. Иначе весь командный состав наш будет опять делиться только на две категории: на “хороших знакомых” и “вовсе незнакомых”»¹³.

А.З. Мышлаевский в качестве начальника Главного штаба, имевшего постоянное соприкосновение с бытом войск, указывал на новые явления: на «недоумение и беспокойство в верхних и средних слоях офицерского состава», вызванное, по его мнению, непопулярностью вновь введенного аттестационного порядка, принудительным увольнением по предельному возрасту и «неопределенностью новых требований»; на пропаганду среди «самого молодого офицерского состава», которая уже «достигла некоторых успехов»¹⁴.

Недостатки проводимой работы по упорядочению должностного роста офицеров были заметны в военной среде. Принимаемые попытки их устранения были очень инертны, так как они подвергались торможению и сопротивлению со стороны заинтересованных лиц. Вследствие этого протекционизм не был искоренен окончательно. Факты назначения на высшие должности по протекции продолжали появляться и в период Первой мировой войны¹⁵. Тем не менее, в основном аттестование командного состава положительно отразилось на повышении профессиональных качеств офицеров и генералов.

Е. Месснер и др. считали, что «... сознательной несправедливости и протекционизма при аттестовании не наблюдалось ... редки были случаи составления необъективных аттестаций и не бывало выдвиганий по службе на основе недопустимой, вредной протекции. Протекции не было. Привилегии были ...»¹⁶. П.К. Кондзеровский признавал, что ошибки в назначениях были. Это он связывал

с традиционной «русской добросердечностью» и с тем, что члены Высшей аттестационной комиссии весьма плохо знали большинство строевых начальников. Отрицая в принципе протекционизм, он в своих воспоминаниях противоречил себе. По его же словам, «... бывали случаи, что генералы, кандидатуры которых уже были однажды отклонены Высшей аттестационной комиссией и которые действительно не были достойны выдвижения, вновь настойчиво представлялись командующими войсками на выдвижение»¹⁷.

Свое мнение по этому вопросу высказывал А.И. Деникин: «... чистка командного состава шла все же слишком медленно. Наша мягкотелость (“жаль человека”, “надо его устроить”), протекционизм, влияния, наконец, слишком ригористически проводимая линия старшинства – засорили списки командующего генералитета вредным элементом.

Высшая аттестационная комиссия, собиравшаяся раз в год в Петрограде, почти никого из аттестуемых не знала. Этими обстоятельствами объясняется ошибочность первоначальных назначений [с началом Первой мировой войны. – А.И.]: пришлось впоследствии удалить четырех главнокомандующих (из них один, правда временный, оказался с параличом мозга...), нескольких командующих армиями, много командиров корпусов и начальников дивизий.

Генерал Брусилов в первые же дни сосредоточения 8-й армии (июль 1914 г.) отрешил от командования трех начальников дивизий и корпусного командира. Бездарности все же оставались на своих местах, губили и войска и операции. У того же Брусилова генерал Д., последовательно отрешаемый, переменял одну кавалерийскую и три пехотных дивизии, пока, наконец, не успокоился в немецком плену ...»¹⁸.

Выбор кандидатов на высшие должности производился по кандидатским спискам, составленным Высшей аттестационной комиссией, затем свои заключения комиссия «повергала на высочайшее усмотрение». А.Ф. Редигер считал, что введенный им новый аттестационный порядок как единственный способ к улучшению командного состава пользовался одобрением государя, так как журналы Высшей аттестационной комиссии он читал весьма внимательно, за немногими исключениями для отдельных лиц, всегда утверждал ее заключения и никогда не высказывал какого-либо недовольства ее действиями. Однако военный министр высказал предположение о влиянии на Николая II лиц, недовольных увольнением множества старших генералов, имевших родственников и защитников при дворе в лице матери императора – вдовствующей императрицы¹⁹. А.Ф. Редигер предполагал, что именно протекцией подобных лиц, включая и супругу императора, можно объяснить тот факт, что император вносил свои коррективы в решения аттестационной комиссии.

Подтверждением этому являются многочисленные кадровые назначения в вооруженных силах. Так, А.Ф. Редигер вспоминал, что на одном из его «высочайших» докладов Николай II сказал ему, что П.К. Ренненкампу следовало бы дать округ [при том, что ВАК постоянно признавала его годным лишь для должности командира корпуса. – А.И.]. В ответ на возражения военного министра император не стал настаивать, тем не менее «... он через некоторое время вновь заговорил о том же, но мне вновь удалось отклонить повышение Ренненкампа ...»²⁰.

Много разговоров в военном мире вызвало назначение в мае 1914 г. на должность начальника Генерального штаба генерала Н.Н. Янушкевича. Подобная неожиданность, по мнению генералитета Российской армии, была явно неоправданна его предыдущим служебным опытом²¹. Тем более, что еще в 1909 г. сам же Николай II при назначении В.А. Сухомлинова военным министром рекомендовал тому на должность начальника Генерального штаба «... взять Алексеева»²².

В сентябре 1915 г. при содействии начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева на должность командира Гренадерского корпуса, а затем в начале 1916 г. и ГК армиями Северного фронта был назначен генерал А.Н. Куропаткин. И это несмотря на то, что еще в 1905 г., будучи Главнокомандующим Русской армией в Русско-японской войне, он отрицательно зарекомендовал себя в руководстве и управлении войсками, чем, кстати, вызывал критические суждения М.В. Алексеева²³. И в первом и во втором случаях командование А.Н. Куропаткина было неудачным, что вызвало в итоге раздражение самого М.В. Алексеева, способствовавшего назначению опального военачальника: «Баба ваш Куропаткин! Ни к черту он не годится! Я ему сейчас наговорил по прямому проводу ...»²⁴.

А.И. Деникин писал: «... обиднее всего, что вся армия знала несостоятельность многих из этих начальников и изумлялась их назначению... Я не отрицаю крупных недостатков в системе назначений и комплектовании высшего командного состава ... технические, профессиональные знания командного состава, в силу неправильной системы высших назначений ... не находились на должной высоте»²⁵.

Таким образом, несмотря на отдельные попытки упорядочить существующую систему аттестования офицерского состава, что могло бы способствовать более объективному чинопроизводству, принципиального изменения в этом вопросе не произошло. Последняя война Русской империи отмечена порочными назначениями на должности военачальников генералов, деловые качества которых определял самодержец. При этом военный профессионализм – главный критерий для выдвижения офицеров на вышестоящие должности – был на одном из последних мест.

Примечания

- ¹ См.: *Шепелев Л.* Титулы, мундиры и ордена Российской Империи. М.; СПб., 2004. С. 22.
- ² *Керсновский А.* История Русской армии: в 2 т. Т. 2. 1881–1916. Смоленск, 2004. С. 121.
- ³ См.: *Новицкий В.Ф.* Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 3. С. 247–248. Интересно, что в этот период в аттестации записывались демографические данные на офицера, обращалось внимание на внешние физические данные. Лишались производства в следующей чин офицеры, «имеющие гнусную фигуру, протчим того полку офицерам презрения наносят». См.: *Лебедев В.* Из истории аттестования командных кадров // *Воен.-ист. журн.* 1966. № 2. С. 100.
- ⁴ См.: *Коровин В.М., Свиридов В.А.* «Надев форму полка, всякий становился полноправным его членом». Аттестация офицерских кадров в русской армии // *Воен.-ист. журн.* 2004. № 3. С. 2–5.
- ⁵ См.: *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 91.
- ⁶ См.: *Гриценко П.* Итоги 16-летнего применения правил 1884 г. для производства в подполковники и как быть далее? // *Военный сборник.* СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1900. № 10. С. 381–382.
- ⁷ В 1897 г. будущий военный министр А.Ф. Редигер, проходя «цензовое» командование бригадой в 37-й пехотной дивизии, получил аттестации начальника дивизии генерала Тилло и командира корпуса генерал-адъютанта барона Мейендорфа. В аттестации барона Мейендорфа, в частности, сообщалось: «...в лице генерала Редигера бригада имела выдающегося начальника, богатого знанием и опытом, столь кратковременное пребывание которого в ее рядах ярко сказалось блестящими результатами обучения полков бригады...». Позже А.Ф. Редигер признавал: «Эта выспренная похвала моей шестинедельной службы в корпусе была, очевидно, незаслуженна; но так уж писались аттестации, особенно лицам, занимавшим влиятельные должности. На основании этой аттестации я был занесен в список кандидатов на должность начальника стрелковой бригады». См.: *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 259, 411.
- ⁸ См.: *Кондзеровский П.К.* В Ставке верховного. Воспоминания дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. Париж, 1967. С. 6.
- ⁹ Там же. С. 15–16.
- ¹⁰ См. *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т.2. С. 13–14, 16.
- ¹¹ Предостережение о неполном служебном соответствии предусматривало следующие практические меры: Тот год, в котором офицер получал данное взыскание, ис-
ключался из срока выслуги для производства в следующий чин; Выслуга лет (прохождение службы в новом чине), не аттестованным офицерам по этому пункту, считалось только после изменения аттестации и со дня занятия новой должности; Офицеры, не заслужившие удовлетворительной аттестации после получения в предыдущем году «предостережения о неполном служебном соответствии, подлежали увольнению из армии» См.: *Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф.* Военная история государства российского: в 30 т. Трагедия на Дальнем Востоке. Русско-японская война 1904–1905. Кн. II. М., 2004. С. 267.
- ¹² См.: *Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф.* Указ. соч. С. 266–267.
- ¹³ *Ладыженский Г.* О командном составе армии и системе его подбора // *Офицерский корпус Русской армии.* М., 2000. С. 218.
- ¹⁴ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–октябрь 1917. Минск, 2003. С. 21.
- ¹⁵ См.: *Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф.* Указ. соч. С. 267.
- ¹⁶ Российские офицеры / Е. Месснер, С. Вакар, Ф. Вербицкий и др. // *Офицерский корпус Русской армии.* М., 2000. С. 141–142.
- ¹⁷ *Кондзеровский П.К.* Указ. соч. С. 13, 15–16.
- ¹⁸ *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 21.
- ¹⁹ См.: *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 281, 293.
- ²⁰ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 219. Вскоре после увольнения А.Ф. Редигера П. Ренненкампф был назначен командующим войсками Виленского военного округа. Позже, во время Первой мировой войны, он проявил себя не лучшим образом в должности командующего армией и по итогам начального периода войны был остранен от должности.
- ²¹ См.: *Щавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 114.
- ²² *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 280.
- ²³ «Раз нет настойчивости, решительности у главного руководителя (имеется в виду А.Н. Куропаткин. – А.П.), нам предстоят впереди одни неудачи, без утехи крупных побед». См.: Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // *Воен.-ист. журн.* 1992. № 9. С. 89. «Горе той армии, которая вместо головы имеет кочан капусты, нерешительный, боязливый, гадкий. Он (А.Н. Куропаткин. – А.П.) не допускает и мысли, что это он не способен мыслить, действовать, кипеть разумными распоряжениями... Решений много, но самое скверное из них – ничего не предпринимать...». Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // *Воен.-ист. журн.* 1992. № 10. С. 58.
- ²⁴ *Щавельский Г.И.* Указ. соч. С. 411.
- ²⁵ *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 21.

УДК 329.78(47)+929 Пантюхов

О.И. ПАНТЮХОВ КАК СИМВОЛ ЕДИНСТВА РУССКИХ СКАУТОВ

И.А. Булатов

Саратовский государственный технический университет
E-mail: kicum-333@yandex.ru

В статье рассматривается история русского скаутского движения в эмиграции и роль Старшего русского скаута, Олега Ивановича Пантюхова, в этом движении. Автор демонстрирует угрозы, вставшие перед русскими скаутами за границей – дробление на мелкие части и дальнейшее исчезновение всей организации, и анализирует объединяющую роль О.И. Пантюхова в этой ситуации. Работа будет интересна, прежде всего, историкам русского скаутинга, но также может заинтересовать специалистов по русской эмиграции и молодежным движениям.

Ключевые слова: история России, русская эмиграция, скаутинг, Старший русский скаут, О.И. Пантюхов.

O. I. Pantuhoff Like a Symbol of Russian Scouts Unity

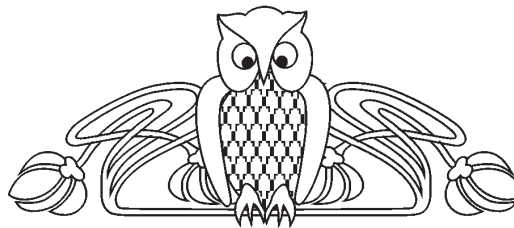
I. A. Bulatov

In this article the author considers history of Russian scouts movement in the emigration and role that play in this organization Chief Scout of Russia Oleg Pantuhoff. The author shows danger of crushing and disappearance of the scout organization abroad and then analyses uniting role which in this situation has played O.I. Pantuhov. This work is written mainly for specialists of history of the Russian Scout movement, but it can be useful for historians who specialized in the history of Russian emigration and youth movements too.

Key words: Russian History, Russian emigration, scouting, Chief Scout of Russia, O.I. Pantuhov.

«Всем нам, скаутам, ясно, что было бы непростительной ошибкой, мало того, было бы преступлением перед нашей общей работой дробить наше братство. Поистине эта была работа Каина...»¹

Среди историков часто возникают дискуссии на тему роли личности в истории. Насколько важен отдельный человек для какого-либо дела или события. Как правило, споры на эти темы вызывались персонами первой величины: правителями, полководцами, реформаторами. Однако с развитием исторической науки появились новые направления, которые призывали историков обратить свое внимание на самых разных людей и их вклад в историю. Одним из таких исторических направлений стала микроистория, которая, умышленно сужая поле наблюдения, качественно расширяет свои возможности познания². В данной статье будет предпринята попытка рассмотреть через призму микроистории роль человека, а точнее его образа, в жизни одной эмигрантской организации и будет дана попытка ответа на связанные с этим вопросы: какую роль в объ-

единении русских скаутов сыграл сам Старший русский скаут, О.И. Пантюхов, а какую роль о нем? Что было более важно для движения – деятельность человека или сам факт его существования? Возможно ли было вообще сохранение русского скаутинга без О.И. Пантюхова?

В Россию скаутское движение пришло в 1909 г., спустя всего лишь два года после появления скаутинга в Англии. Традиционно днем рождения первого русского скаутского отряда считается 30 апреля 1909 г., а основателем – полковник Олег Иванович Пантюхов³. Первое время скаутское движение развивалось стихийно, часто довольно тесно переплетаясь с другим детским движением – «потешными». Руководители в своей работе с детьми в это время опираются только на свой энтузиазм и книгу основоположника скаутинга ген. Баден-Пауэлла «Scouting for boys», которую, впрочем, каждый трактует на свой лад и самостоятельно адаптирует к российским реалиям.

Со временем скауты отдаляются от «потешничества» и приходят к более-менее общей системе работы с детьми, вследствие чего появляется понимание необходимости организационного оформления движения и предпринимаются первые шаги в этом направлении. Но война, а впоследствии и революция остановили этот процесс. Последовавшая же за революцией эмиграция снова остро поставила вопрос о единстве русских скаутов. И если в России проблема разобщенности скаутских отрядов не угрожала существованию собственно российского скаутинга, то в эмиграции складывается противоположная ситуация. Без связи друг с другом, разбросанные по разным странам и континентам, скаутмастера, желавшие продолжить работу в традиционном ключе воспитания в детях любви к России и русской культуре, оказались перед реальной угрозой поглощения немногочисленных эмигрантских отрядов национальными скаутскими организациями по месту проживания и последующей ассимиляцией детей. В такой ситуации было необходимо сплочение русских скаутов вокруг каких-то символов. Одним из таких символов стал Старший русский скаут.

О.И. Пантюхов был выбран Старшим русским скаутом в 1919 г. на Сибирском и Новочеркасском (соответственно 29 сентября и 10 октября) скаутских съездах⁴. Как он сам об этом написал своему другу и однополчанину Василию

Фохту: «Я избран “вождем” в Сибири и “старшим скаутом” в Новочеркасске»⁵. До этого момента Олег Иванович официально ничем не отличался от остальных скаутмастеров. У него была репутация отца-основателя скаутского движения, это придавало ему особый статус в глазах скаутов, но никак не власть. Как пишет Юрий Владимирович Кудряшов: «До этих съездов 1919 г. Пантюхова не считали возглавителем. Он все время, пока создавались органы управления в виде “Обществ помощи”, находился в армии и считался в большей степени “Отцом русских скаутов”, “мифическим божеством”»⁶.

Олег Иванович также понимал, что без официального избрания, опираясь только на свой авторитет, ему не удастся навести порядок в организации. Для пользы дела нужен не только «авторитетный», но и «полномочный» руководитель, способный сплотить и возглавить всех скаутов, о чем он и писал А. Дехтереву накануне Новочеркасского съезда⁷.

В 1919 г. у русского скаутского движения, наконец, появляется официальный лидер (хотя и не утвержденный государственной властью⁸, что впоследствии иногда припоминалось оппонентами⁹), который на долгие годы станет главным скрепляющим звеном русских скаутов по всему миру, тем более необходимым, что нормально функционирующая организация русских скаутов в эмиграции складывалась долго и не очень удачно.

Вот как об этом писал в 1953 г. историк русского скаутинга Ростислав Полчанинов: «В 1920 году, когда все европейские деятели скаутизма собрались в Константинополе, был провозглашен принцип единой Национальной организации русских скаутов-разведчиков (НОРС-Р. – И.Б.). На практике, к сожалению, настоящего единства не получалось, а со времени разные отделы, под влиянием разных условий настолько обособились, что все единство заключалось в признании Олега Ивановича Пантюхова Старшим скаутом, с правом назначать и смещать начальников отделов, награждать орденами, производить в скм. и пом. скм. и издавать приказы по НОРС»¹⁰.

С годами ситуация мало менялась и фактически имя Пантюхова становилось синонимом НОРСа. Красочным примером такого положения вещей может служить приглашение на торжество по случаю 25-летия русского скаутизма (хранится в скаутском музее в Перми), проводившееся в 1934 г. в Париже. На самом верху листа было напечатано крупными буквами – «Национальная Организация Русских Скаутов», сразу под этими словами мелким шрифтом в скобках указывалось «Старший Русский Скаут – О.И. Пантюхов», видимо, чтобы ни у кого не оставалось сомнений о каком именно объединении русский детей идет речь.

Разумеется, человек находящийся в таком положении, не мог не стать живым символом организации, тем более что волею судеб он на-

ходил в отдалении от основной части русских скаутов и все контакты были возможны только в эпистолярном жанре. Невозможность личного общения оставляла русским скаутам широкое поле для создания того образа Пантюхова, который был им нужен.

В этом заключался один из парадоксов русского скаутского движения. Человек, сделавший очень многое как для создания скаутского движения в России, так и для его организационного оформления, очень мало лично контактировал с другими скаутами и скаутмастерами. Письма и газеты оставались главным источником связи между лидером и его подчиненными. Нет, конечно, Олег Иванович имел личные контакты, как со скаутами, так и со скаутмастерами. Можно вспомнить его инспекцию европейских отделов НОРСа, приуроченную к Всемирному Джамбори в Англии, в Ароу-Парке около Биркенхэда с 31 июля до 13 августа¹¹. В ту поездку ему удалось посетить Югославию, Польшу, Бельгию, Францию, Латвию, Эстонию и Болгарию¹². Проводил он встречи и с русскими скаутами в Америке, например, в скаутском музее в Перми хранится фотография, где Старший Русский Скаут принимает участие в походе Сан-Францисской дружины «Русь». Но для основной массы русских скаутов и их руководителей, живущих в Европе и Азии, Олег Иванович был лично недоступен, что, однако, не умаляло его роли в сплочении организации. Вот как об этом писал в своих воспоминаниях петроградский скаутмастер К.А. Перцов: «Несмотря на физическую оторванность Олега Ивановича от скаутов, он имел на все русское скаутское движение большое и благотворное влияние. Самый факт существования Старшего скаута всей России, всех нас объединявшего, имел впоследствии большое значение»¹³.

Личное же общение таило в себе опасность разочарования. Примером такого разочарования служила непростая ситуация, сложившаяся между О.И. Пантюховым и скаутмастером Я.Н. Репнинским. Репнинский вначале был помощником и сподвижником Олега Ивановича, однако после совместной работы в Константинополе, разочаровался в нем и даже выступал с обличительными письмами¹⁴. Во время разоблачений Репнинский всегда подчеркивал, что разочаровался в Олеге Ивановиче после личного общения не он один. Насколько последнее утверждение соответствует действительности судить сложно, но следует признать, что чем меньше живая легенда имеет контактов с людьми, тем меньше возможностей для сравнения образа, сложившегося в голове, с реальностью.

Ситуация с Я.Н. Репнинским интересна еще и тем, что из-за разрыва встает вопрос о статусе Старшего русского скаута и его роли в движении. Репнинский, обрушивая критику на голову Олега Ивановича, никогда не говорил о незаслуженности этого звания и, несмотря на то, что считал

поведение Пантюхова отнюдь не безупречным, не покушался на его авторитет как Старшего русского скаута¹⁵. Для того чтобы максимально уберечь авторитет звания Русского скаутмастера, Репнинский ограничил список людей, которым он рассылал «обличительные» письма, теми, кто и так был в курсе происходящего. Один из адресатов этих писем, Александр Лаврентьевич Козловский, начальник отдела Организации русских скаутов во Франции, осудил «сам факт написания записки, так как это шаг, наносящий вред всей организации»¹⁶. То есть уже в 1923 г. многим было понятно, что подрыв авторитета Старшего скаута может сказаться самым пагубным образом на всем движении.

Еще больше объединяющая роль О.И. Пантюхова проявлялась во время кризисов и расколов. Самый крупный раскол в НОРС-Р произошел после Второй мировой войны, когда группой европейских скаутмастеров, собравшихся в лагерях для перемещенных лиц в Германии, было принято новое название – Организация российских юных разведчиков (ОРЮР)¹⁷. Одним из главных доводов при создании новой организации была затрудненность связи европейских руководителей с Олегом Ивановичем. Сам Пантюхов, узнавший о появлении ОРЮР в 1946 г., отнесся к ситуации с пониманием и даже согласился взять на себя ее номинальное возглавление при условии слияния ОРЮР и НОРС позже, когда ситуация в Европе станет более спокойной и ясной. Сам он об этом в октябре 1951 г. писал так: «Еще одно пожелание: чтобы удалось поскорее мне встретиться одновременно с представителями НОРСР и ОРЮР, и чтобы результатом было: – одна семья, одно братство, одно название»¹⁸. Когда же в 1957 г. организации так и не были объединены, и, наоборот, отношения только обострились, Олег Иванович сложил с себя полномочия руководителя ОРЮР¹⁹.

В данной ситуации самым интересным является тот факт, что Борис Мартино (известный среди скаутов как «Старый Волк»), возглавивший ОРЮР, и другие скаутмастера, собравшиеся в 1945 году в Мюнхене для создания новой организации, решили сохранить историческую преемственность от первых русских скаутов, проводником которой выступал Олег Иванович, что впоследствии было закреплено в Декларации Первого съезда совета ОРЮР, прошедшего 11–12 января 1948 г. в лагере Шлайсхайм около Мюнхена. В частности, в Декларации говорилось: «Начало ОРЮР положил Старший русский скаут, полковник О.И. Пантюхов, основавший первый отряд юных разведчиков 30 апреля 1909 г. в г. Павловске. С 1909 г. и по настоящее время организация непрерывно ведет свою работу сперва в России, а после уничтожения большевиками разведческих кадров на Родине, во всех странах российского рассеяния»²⁰.

Более того, из уважения к Олегу Ивановичу и для сохранения традиций харизматичный лидер

ОРЮР Борис Мартино получил официальное звание Старшего скаутмастера, а не Старшего скаута. Как говорится в положении о руководителях от 1959 г.: «Старший скаутмастер – первый между равными скаутмастерами. Звание Старший скаутмастер связано с исполнением должности Старшего скаутмастера»²¹. Так как данное положение о руководителях принималось после окончательного разрыва с Олегом Ивановичем, то о нем не упоминается. А в 1955 г. Борис Борисович Мартино говорит о том, что: «Ввиду неудач переговоров со Ст. Р. Ск. об объединении НОРС-Р с ОРЮР, Ст. Скм. ОРЮР Б.Б. Мартино предлагает окончательно порвать с НОРС-Р и Ст. Р. Ск. О.И. Пантюховым и не признавать его больше главой ОРЮР»²². В 1957 г. Олег Ивановича вычеркивают и из официальной истории ОРЮР: в Вестнике III Совета № 10 сообщается, что «по вопросу предложения не упоминается ОИП в уставе» было подано 9 голосов, а за упоминание ОИП – 5 голосов²³. Олег Иванович, в свою очередь, как мы знаем, в это время отказался номинально возглавлять ОРЮР. Видимо, главной причиной этого разрыва послужили личные амбиции Старшего скаутмастера, который не смог смириться с претензиями Пантюхова не только на номинальное, но и на реальное управление. Косвенным подтверждением этого является факт примирения ОРЮР с Олегом Ивановичем в 1966 г., спустя четыре года после смерти Мартино²⁴, что привело в последующем к сближению ОРЮР и НОРС.

До этого, самого значительного раскола, организация так же несколько раз дробилась. В 1928 г. заместитель Старшего русского скаута для стран Европы, Павел Николаевич Богданович, заявляет о своем разрыве с Олегом Ивановичем и создает новую организацию – НОРП (Национальная организация русских разведчиков). Поводом для разрыва послужило недостаточное, на взгляд Богдановича, национальное воспитание среди скаутов²⁵. Новая организация с самого начала пользовалась покровительством РОВСа и его лидеров, и фактически отказалась от принципа «скауты вне политики». В НОРП большую популярность получили лекции вождей общероссийской эмиграции и представителей русской общественности зарубежья²⁶. После Второй мировой войны эта организация стала чахнуть, и большая часть ее руководителей вошла в состав новообразованной ОРЮР.

Еще один случай раскола произошел раньше – в конце 1923 года. Старший скаутмастер в Югославии Михаил Петрович Бачманов оказался замешан в некрасивую историю с подделкой подписей и писем, во время расследования которой он был снят Олегом Ивановичем с должности по приказу № 114. После этого он создает собственную «Организацию юных разведчиков» и просит Олега Ивановича взять их под свое покровительство и руководство. После того, как Пантюхов ответил отказом, Бачманов, в свою очередь, резко меняет свою политику, отказывается признавать закон-

ность руководства Пантюховым всей организации и обвиняет его в присвоении звания Старшего русского скаута²⁷.

Как мы видим, эта ситуация кардинально отличается от ситуации с ОРЮР и Богдановичем критикой Старшего русского скаута и попытками опровергнуть легитимность положения Олега Ивановича. Следует отметить, что это был отнюдь не единичный случай. До этого в 1921 г. в Праге Ф.Н. Досужков утверждал, что Пантюхов никем не избирался на должность Старшего русского скаута, а в 1922 г. во Владивостоке организация «черногалстучниц» (альтернатива гайдам) заявила, что избрание Пантюхова было фактически отменено съездами по скаутизму и революцией, чем ясно показала свою некомпетентность в вопросе²⁸.

Подводя итог, следует сказать, что О.И. Пантюхов был одной из ключевых фигур среди русских скаутов эмиграции. Будучи Старшим русским скаутом, Олег Иванович являлся одновременно и символом, общим для юных разведчиков во всех странах рассеяния, и активным администратором, занимающимся организационной деятельностью.

Огромный массив переписки, которую вел полковник Пантюхов, его статьи, выходившие в скаутских газетах и журналах, и многочисленные приказы, единые для всех членов организации вне зависимости от их места расположения, действовали сохранению организации. Об организационных качествах Олега Ивановича можно судить по его биографии. Даже если забыть, что от офицера, тем более полковника, требуются хорошие организаторские качества, свершения Пантюхова на скаутском поприще говорят сами за себя. Старший русский скаут в 1909 г. создал первый скаутский отряд в России, в 1914 г., перед отправкой на фронт, успел организовать общество содействия мальчикам-разведчикам «Русский скаут»²⁹, во время лечения в Ялте в 1916 году он собрал скаутский отряд, отряд девочек-гайд и общество содействия скаутам и в то же время был избран председателем Ялтинского отдела союза Георгиевских кавалеров³⁰.

После Февральской революции, которая застала Олега Ивановича в той же Ялте, он был выбран представителем местного офицерства для отстаивания интересов в Петрограде³¹. В 1919 г. он организует отряды и занимается со скаутами в Анапе и Новороссийске. В 1920 г. основывает на острове Прикиппо первый русский скаутский отряд в эмиграции и впоследствии руководит всей скаутской работой среди эмигрантов из России в Константинополе и на прилегающих островах. Как можно судить по переписке, которая велась между Пантюховым и другими скаутскими руководителями, административная работа была организована четко и предусматривала контроль как за программой работы с детьми, так и за хозяйственной частью скаутской работы и соответствием скаутмастеров занимаемым ими должностям³². Именно Олег Иванович организовал

сбор данных о «подвигах скаутов и о том, кто погиб ради нашей идеи»³³, а впоследствии стал в своих приказах поминать этих людей, из чего затем вырос отмечавшийся в ОРЮР с 1946 г. День памяти верных³⁴.

Несмотря на несомненные организаторские способности, большую роль играл и сам образ Олега Ивановича как основателя и Старшего русского скаута. Даже если из-за конфликтов или по каким-то другим причинам внутри скаутского движения происходили расколы, то новые организации просили Пантюхова возглавить их и, тем самым, как бы получить легитимацию на свою деятельность.

В разных странах могли быть разные элементы формы, разные значки, звания (тот же Пантюхов критиковал введение в ОРЮР звания «витязь» вместо более традиционного «старый разведчик»³⁵), и одно только имя О.И. Пантюхова объединяло организацию, как в 1935 г. написал по этому поводу А. Шатерник: «Все дело держится только на Вашем авторитете»³⁶.

Конечно, полностью избежать расколов было невозможно. Скаутское движение в этом плане не отличалось от любой другой организации, созданной людьми. Однако русскому скаутингу в эмиграции удалось избежать худшего сценария – дробления на огромное количество мелких организаций и вливания русских скаутов в национальные организации по месту проживания и потери национального самосознания и последующей ассимиляции. Удалось спастись и от другой альтернативы – ухода от скаутских методов работы с детьми, отказа от принципа невмешательства в политику и превращения в карманные детские организации тех или иных эмигрантских политических или военных организаций. Во многом благодаря личности Олега Ивановича Пантюхова получилось избежать такой судьбы, сохранить русский скаутинг в течение 70 лет и вернуть его на Родину в традиционном виде.

Примечания

- 1 Открытое письмо О.И. Пантюхова, Н. Неводовского, С. Траилина, Я. Репнинского, А. Дехтерева, И. Ключко // Опыт. 1997. № 100. URL: <http://www.scouts.ru/modules/opyt/index.php?issue=100> (дата обращения : 22.03.2010).
- 2 См.: Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 196–197.
- 3 С 1920-х гг. и по сегодняшний день в скаутской печати и личной переписке ведется полемика о дате основания скаутинга в России, так как историография данного вопроса слишком обширна и заслуживает отдельной статьи, здесь приводится только «традиционное», самое распространенное мнение.
- 4 Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. Архангельск, 2005. С. 131–132; Подробнее о Новочеркасском съезде см.: Пантюхов О.И. О Днях былых. Maplewood,

- NJ., 1969. С. 276; Дехтерев А.П. История одной организации. Дневник Старшего Скаута Дона // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Р-5976. Оп. 1. Д. 5. Л. 46.
- ⁵ Российский государственный архив литературных источников (далее – РГАЛИ). Ф. 1697. Оп. 1. Д. 259.
- ⁶ Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. С. 132.
- ⁷ Письмо О.И. Пантюхова А.П. Дехтереву от 17.09.1919 // ГАРФ. Ф. Р-5976. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 3.
- ⁸ См.: Дехтерев А.П. История одной организации. Дневник Старшего Скаута Дона. Л. 47.
- ⁹ См. напр.: Письмо Я.Н. Репнинского А.Л. Козловскому (11.11.21) // Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. История, теория и практика. Документы и материалы 1920–1924 гг. Архангельск, 2000. С. 14.
- ¹⁰ Полчанинов Р.В. Организация Российских Юных Разведчиков. Несколько слов из истории // Опыт. 1953. № 16. URL: <http://www.scouts.ru/modules/opyt/index.php?issue=016> (дата обращения: 22.03.2010).
- ¹¹ Российское разведчество в мире // Опыт. 1997. № 100. URL: <http://www.scouts.ru/modules/opyt/index.php?issue=100> (дата обращения: 22.03.2010).
- ¹² Полчанинов Р.В. О.И. Пантюхов в Европе в 1929 году // Опыт. 1979. № 76. URL: <http://www.scouts.ru/modules/opyt/index.php?issue=076> (дата обращения: 22.03.2010).
- ¹³ Перцов К.А. Петроградская дружина скаутов // Кучин В.Л. Скауты России 1909–2007. История. Документы. Свидетельства. М., 2008. С. 68.
- ¹⁴ Письмо Я.Н. Репнинского А.Л. Козловскому (11.11.21) // Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. История, теория и практика... С. 13–22; Репнинский Я.Н. Моя работа со скаутами на Босфоре. Почему и как я разошелся с О.И. Пантюховым. 1920–1921 гг. // Там же. С. 36–72.
- ¹⁵ См.: Репнинский Я.Н. Моя работа со скаутами на Босфоре... С. 36.
- ¹⁶ Письмо А.Л. Козловского Старшему Русскому Скауту О.И. Пантюхову (23.11.23) // Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. История, теория и практика... С. 119.
- ¹⁷ Кучин В.Л. Указ. соч. С. 435.
- ¹⁸ По поводу вопроса НОРС–ОРИОР // Опыт. 1955. № 19. URL: <http://www.scouts.ru/modules/opyt/index.php?issue=019> (дата обращения: 22.03.2010).
- ¹⁹ См.: Кучин В.Л. Указ. соч. С. 435.
- ²⁰ Декларация Первого Съезда Совета Организации Российских Юных Разведчиков // Опыт. 1948. № 8. URL: <http://www.scouts.ru/modules/opyt/index.php?issue=008> (дата обращения: 22.03.2010).
- ²¹ Положение о руководителях // Опыт. 1961. № 37. URL: <http://www.scouts.ru/modules/opyt/index.php?issue=037> (дата обращения: 22.03.2010).
- ²² Полчанинов Р. Спорные и малоизвестные факты из истории российского скаутизма – разведчества // Опыт 1979. № 68. URL: <http://www.scouts.ru/modules/opyt/index.php?issue=068> (дата обращения: 22.03.2010).
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. Архангельск, 2005. С. 245.
- ²⁶ См.: Малышенко Г.И. Молодежные организации русского казачества в дальневосточном зарубежье (1920–1937 гг.) // Вест. Томск. гос. ун-та. Сер. История. Краеведение. Этнология. Археология. 2005. № 288. С. 173.
- ²⁷ См.: Доклад барону П.Н. Врангелю (не позднее ноября 1924 г.) // Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. История, теория и практика... С. 120–126.
- ²⁸ См.: Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. Архангельск, 2005. С. 132.
- ²⁹ См.: Зарин А.Е. Русский Скаут // Природа и люди. 1915. № 41. С. 654.
- ³⁰ См.: Пантюхов О.И. О Днях Былых. Maplewood, NJ, 1969. С. 238.
- ³¹ Там же. С. 242.
- ³² ГАРФ. Ф. Р-5976. Оп. 1. Д. 13. Л. 6; Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ³³ Там же. Д. 13. Л. 12.
- ³⁴ См.: Полчанинов Р.В. Молодежь Русского Зарубежья. Воспоминания 1941–1951 гг. М., 2009. С. 294–295.
- ³⁵ См.: Пантюхов О.И. Витязь // Опыт 1954. № 17. URL: <http://www.scouts.ru/modules/opyt/index.php?issue=017> (дата обращения: 22.03.2010).
- ³⁶ Цит. по: Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. Архангельск, 2005. С. 144.

УДК 94(47).083+929

СЮЖЕТЫ О РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Е.Н. Синельникова

Саратовский государственный университет
E-mail: SinelnikovaEN@mail.ru

В статье рассматривается один из аспектов общественной мысли в эмиграции – отношение к историческому наследию бывшей Российской империи. Работа построена на неопубликованных ранее материалах редакции эмигрантской газеты «Дни».

Ключевые слова: российская эмиграция, общественная мысль, редакция газеты «Дни», российская история.

Topics on Russian History in Imagination of Russian Emigration of the First Wave

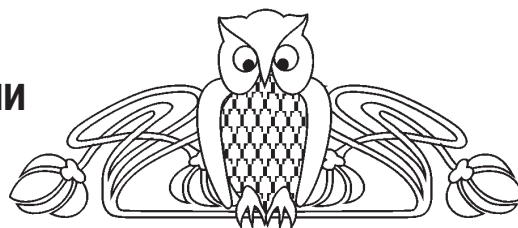
E.N. Sinelnikova

The author in the article examines one of the aspects of social thought in emigration – the attitude to the historical heritage of the former Russian Empire. The article is based on the papers of "The Days" newspaper, which was not published before.

Key words: Russian emigration, social thought, editorial office «The Days», Russian history.

С самого начала своего пребывания за границей, после февраля 1917 года и последующей Гражданской войны, у представителей бывшей Российской империи наблюдался повышенный интерес к истории и совсем еще недавнему прошлому. Это не удивительно, так как эмигранты были свидетелями событий во многом для них непонятных и ими не принятых. Эмигрантское сознание приняло выстраивать новый идеал развития исторического пути для России, а для этого ему приходилось активно обращаться к сюжетам прошлого. К тому же, покинувшая Россию интеллигенция была проникнута идеей служения особой эмигрантской миссии, заключавшейся в сохранении уникальных традиций русской культуры. Выполнение этой задачи часто сопровождалось ностальгическими переживаниями о некогда великой Российской империи с ее богатой историей. Эмигранты были проникнуты так называемым «историческим чувством», которое, по выражению историка культуры российской эмиграции В. Вейдле, следует понимать, как «чувство индивидуального, специфического, того, что принадлежит одному только народу или только одной эпохе, того, что неповторимо, чувство единственного»¹. Именно такое чувство об утерянной России должны были сохранить эмигранты в исторической памяти.

Разного рода промонархические политические структуры проявляли наибольшую актив-

ность в апеллировании к историческим сюжетам. На страницах их газет и журналов мы встречаем этому подтверждение. В то же время обращение к образам прошлого было характерно не только для сторонников возрождения в России монархии. Размах этого явления в эмигрантской среде был существенно шире.

Очень показательными в этом плане являются письма и статьи, касающиеся исторических сюжетов, присланные читателями в редакцию газеты «Дни», которая издавалась еженедельно сначала в Берлине (1922–1925 гг.), а затем в Париже (1922–1928 гг.). Это был известный печатный орган правых эсеров, возглавляемый А.Ф. Керенским. Редакция газеты сотрудничала также с «Последними новостями» и «Современными записками». Сама газета не причисляла себя к какому-либо политическому направлению, о чем и сообщала в первом номере: «Газета “Дни” основана группой лиц, не связанных в деле ее издания никакими обязанностями ни с одной из существующих в России или за границей политических партий и организаций»².

В то же время исследователи эмигрантской прессы отмечают, что все без исключения газеты и журналы так называемого «Русского Берлина» полностью зависели от издававших их финансовых и политических групп и фактически не представляли собой свободной прессы³. Газета «Дни», как и многие эмигрантские издания, испытывала очень серьезные денежные затруднения. Ее тираж часто не раскупался⁴. В одном из писем в редакцию встречается просьба полностью прекратить рассылку газеты, так как 90% ее тиража остается нераспроданным⁵.

В редакцию газеты поступало большое количество корреспонденции, но далеко не все присланные материалы были опубликованы. Зачастую присылались работы, не отвечающие концепции «Дней». Между тем эти статьи важны для понимания эмигрантского настроения и выявления общих тенденций, характерных для общественной мысли русского зарубежья. В этом плане вызывает научный интерес работа неизвестного автора, присланная на конкурс под названием «Какой я хочу видеть будущую Россию»⁶, и подписанная инициалом «А». Автор обратился в редакцию с просьбой поместить ее в разделе «отклики читателей». Судя по всему, цель ее написания – попытка создать автором некую идеальную схему нового Российского государства. По ходу изложения респондентом своей мысли становится понятна

глубинная цель работы. Автор, отмечая ошибки правления династии Романовых, пытался убедить читателей в том, что старая Россия в лице этой царской династии себя изжила. Статья, очевидно, была рассчитана на широкий круг читателей, но с нескрываемой надеждой найти отклик у сторонников ограниченной монархии.

Большая часть статьи посвящена именно анализу династической линии Романовых в ретроспективе. Автор в основном затрагивает сюжеты, связанные со временем правления Петра I, Екатерины II, Александра I и Александра II. О правлении Николая II, который для автора являлся современником, речи не идет, но зато отдельный сюжет посвящен жене последнего монарха – Александре Федоровне. Сделано это, думается, для того, чтобы показать, к каким результатам привело германофильство, характерное, по его мнению, российским монархам на протяжении нескольких веков. Роль последней императрицы конкурсант характеризует следующим образом: «А злосчастное последнее царствование, это изуверское правление сумасшедшей царицы. Ее предательская деятельность во время войны с Германией, этот единственный в своем роде факт, что безвольный во всем ей подчиняющийся царь должен был в 16 году сделать распоряжение о том, что бы с ней не говорили о военных предположениях, т.к. военные секреты становились известными врагу в порядке “родственном”»⁷.

На примере с Александрой Федоровной автор создал образ династии Романовых, «чуждой» для России. Даже «блеск эпох» Екатерины II и Александра II не относится к их заслугам – это, по мнению автора, целиком и полностью является достижением «целого ряда талантливых деятелей, которых выдвинуло русское общество того времени. О Екатерине II можно только сказать, что она была настолько умна, чтоб им не мешать. И не больше этого можно сказать об Александре II»⁸.

Единственный положительный образ правителя за все время царствования Романовых – это образ Петра Великого. Имя Петра I ассоциируется у автора с самыми большими достижениями Российской империи, с пиком ее развития, который начиная с правления Николая I пойдет на спад. Все цари династии после Петра выступают в роли реакционеров, решительно порвавших с его традициями. Реакция, как считал респондент, проявлялась главным образом в том, что «цари этой династии всеми силами препятствовали распространению образования, просвещения народных масс и поднятия их на высокий культурный уровень»⁹, в то время как Петр I стремился к сокращению разницы в уровне «культурных традиций» между Россией и странами Европы и Азии. «Он понимал, – отмечал автор, – что государство не может отстоять своего существования под напором народов с развивающейся культурой»¹⁰. Эта реформаторская жилка Петра I особенно нравилась эмигрантам.

Как показывает анализ корреспонденции, поступавшей в редакцию «Дней», наибольшее внимание среди сюжетов российской истории уделялось деятельности тех личностей, которые внесли или хотя бы пытались внести преобразовательный вклад. Принимая это во внимание, не удивительно, что Петр I наряду с декабристами был особенно популярным персонажем в этом контексте. Интерес к декабристам, в свою очередь, подогревался еще и вследствие приближения круглой даты – столетия со дня трагических событий на Сенатской площади. Письма и статьи, присланные в редакцию, подтверждают эту тенденцию. Среди них, например, письмо профессора А.И. Изюмова «Портреты декабристов». В нем автор размышляет по поводу юбилейного издания книги с портретами декабристов и о предстоящих торжественных мероприятиях¹¹.

Возвращаясь к анализу конкурсной работы, отметим, что о декабристах автор почти не распространяется, явно считая их попытку переустройства России несущественной по сравнению с реформаторским вкладом Петра Великого. Излагая эти аспекты в своей работе, автор подводит читателя к выводу о том, что фамилия Романовых – символ старого неудачного правления. Ее образ, за редким исключением, связан только с негативными моментами. Она никогда не могла понять чаяний русского народа и поэтому ему не подходит. «Эта династия была всегда чужда России, – отмечал автор, – не знала и презирала ее культуру, представителей которой она ненавидела и часто жестоко преследовала (Пушкин, Лермонтов, Толстой и многих других)»¹². Династия рода Романовых ассоциировалась респондентом со своего рода невезением, так как «за все время пребывания у власти она не выдвинула ни одного выдающегося правителя. О самом как будто “заслуженном” из них – об Александре I Пушкин писал: “властитель слабый и лукавый, ленивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой”»¹³. В военных вопросах, продолжает он, Романовы тоже были обречены на проигрыш: «поражение в Крымской кампании, позорнейшее поражение, понесенное от Японии, поражение в войне с Германией – вот чем Россия обязана этой династии»¹⁴.

Прибегая к такой подаче исторических фактов, автор рассчитывал получить согласие читателей на то, что «возвращение к власти династии Романовых или верных сатрапов Романовых не должно быть ни в коем случае»¹⁵. Единственный представитель императорской семьи, заслуживший в статье положительный отклик, был Николай Николаевич¹⁶. Но из-за возраста его персону не рассматривалась автором в качестве возможного претендента на царский престол. Великий князь охарактеризован респондентом человеком не только «непохожим на других членов императорской фамилии, но и человеком способным оказать противодействие изменничеству и германофильству»¹⁷.

Можно заметить, что озвученная в конкурсной работе тема непопулярности Романовых среди эмигрантов нередко затрагивалась на страницах газеты «Дни». В частности, в одном из номеров Питирим Сорокин дал анализ современного отношения к проблеме: «тоска по монархии и особенно по бывшей династии не наблюдается. Есть тоскующие единицы, но именно единицы. Другие просто говорят: “Нет кандидата”. Большинство – республиканцы. Значительная часть – безразлична»¹⁸.

Можно согласиться с тем, что в эмиграции было много людей, разочарованных правлением династии Романовых, но предположить, что интерес к этой семье полностью пропал, было бы крайне неверно. За границей наблюдалось интересное явление: Романовы в эмигрантском сознании наделяются своеобразным мистическим ореолом. Статья С.Р. Минцлова под названием «Самозванцы или больные» легко нас в этом убеждает. Мистический фон создается, прежде всего, слухами (масштаб которых, по всей вероятности, был немалым) о чудесном спасении Великой княжны Анастасии и царевича Алексея. Минцлов пишет, что легенда о спасении великой княжны Анастасии Николаевны стала обходить не только иностранные, но и русские газеты. В них сообщалось, что «бывшая императрица для опознания внучки послала доверенное лицо в Берлин <...> и это лицо будто бы нашло в ней полное сходство с Анастасией Николаевной»¹⁹. Далее, в приводимых Минцловым слухах мы находим неоднозначный ответ доверенного лица некой княжны Т. перед императрицей на вопрос – действительно ли девушка, выдающая себя за Анастасию, является царевной: «я не могу сказать нет, а сказать да мне страшно»²⁰. Слухи, построенные по такому принципу, которые не оставляют однозначного ответа, в еще большей степени провоцировали появление новых слухов.

Второй причиной, способствовавшей формированию мистического образа династии, является наличие близких, особых отношений последней августейшей семьи с Григорием Распутиным, которому еще его современники приписывали необъяснимые удивительные свойства. За границей мистификация Распутина только усилилась²¹. Не случайно на страницах французской газеты «Общее дело» под заглавием «Кошмар старого режима» был напечатан отрывок о смерти Распутина по материалам дневниковых записей В.М. Пуришкевича – одного из участников его убийства²². Газета «Дни» тоже коснулась этой темы. Среди корреспонденции редакции на эту тему мы встречаем письмо с полным оглавлением дневника А.А. Вырубовой (Танеевой), в котором Распутин, по сути, занимает центральное место²³. В то же время необходимо отметить, что русские эмигранты видели опасность в мистификации личности Распутина. Так, например, Зинаида Гиппиус в своем письме к П.Н. Милюкову вы-

сказалась на этот счет совершенно определенно: «мистика, взятая единолично, не имеющая корректива, ничем не ограничивающая себя, имеет роковую тенденцию переходить в безумие»²⁴.

Не меньше чем личность Григория Распутина мистическим ореолом была окружена и личность царевича Алексея. Эмигрантское сознание отождествляло его с сыном Ивана Грозного – царевичем Дмитрием, а саму ситуацию февраля 1917 г. эмигранты называли «смутой». Яркое подтверждение этому можно найти на страницах парижской эмигрантской газеты «Луч» в статье А. Рогожина под названием «Повторение истории». «Это было триста с лишним лет тому назад, – писал он. – Наступило в России смутное время. Полыхала страна неурядицами, <...> тушинские воры и самозванцы правили страной. Так же как и тогда, лежит Россия большая, истерзанная, обескровленная и обессиленная. Как и тогда полыхает смута от края до края»²⁵.

В другой статье С.Р. Минцлова «Прошлое» тоже затрагивалась тема «смуты». Автор задается вопросом «Кто был тот, кто вошел в историю под именем Лжедмитрия Первого?», и говорит о том, что в «Архиве иностранных дел Москвы» есть документы, подтверждающие, что прозванный Лжедмитрием человек был не «самозванцем», а царем московским – Дмитрием Первым, рожденном от Василисы Мелентьевой²⁶. Таким образом, по мысли Минцлова, история России знает двух царевичей Дмитриев, сыновей Грозного: старшего сына – от В. Мелентьевой и младшего сына – от Марии Нагой.

Необходимо отметить, что для эмигрантов тема «смуты» стояла очень остро, события февраля 1917 г. напоминали им сценарий происшедшего в XVII в. и осознавались не как революция, а как переворот. Статья неустановленного автора «Элементарные уроки истории», присланная в редакцию газеты «Последние новости», целиком посвящена этому вопросу. В ней автор пытался досконально выяснить природу смуты. Эта статья родилась в качестве своеобразного ответа на высказывание генерала П.Н. Врангеля о том, что он верит в силу русского народа, который, как 300 лет назад, вернет Россию на исторический путь, утерянный в Смутное время.

Автор на примере Врангеля подмечает присутствующее для эмигрантского сознания понимание смуты, как некоего события, «отмежевывающего одну главу русской исторической схемы от другой». При таком восприятии, писал он, «смутное время может казаться случайным не “историческим” явлением, почти не русским»²⁷. Ссылаясь на труды русской исторической науки, в частности С.Ф. Платонова и В.О. Ключевского, автор объясняет всю несостоятельность высказывания генерала Врангеля. «Русская смута 300 лет назад вовсе не означала случайного схода с рельсов, – возражал он, – а явилась в результате именно исторического пути древней Руси»²⁸.

Смутное время, по мысли автора, назад Россию не вернуло, смута просто изменила природу новой царской власти и отношения к ней, подобное случилось и в XX веке. «Кто скажет, что русская революция 1917 года является меньшей и по размерам и по времени, чем смутное время»²⁹, – задается он в связи с этим сакраментальным вопросом. И наконец, смута, по мнению автора, поменяла психологию людей: из покорных слуг государства они превратились в бунтующий народ «способный “сводить” царя с престола и “примерять” нового»³⁰. Впоследствии подобная практика, рассуждал он, не раз повторилась в дворцовых переворотах и прочно вошла в привычку. Под действием этой привычки и произошли события февраля 1917 г., – делал в заключение вывод респондент «Последних новостей».

Сведения, доходившие до эмигрантов из России или европейских стран о различных событиях, связанных с историческим наследием бывшей империи, также подпитывали у эмигрантов мистическое ощущение. В отношении некоторых царственных персон это было особенно заметно, так как их мистический образ в истории уже существовал до этого уже несколько веков. Так, мистицизм императорской власти Павла I поддерживался им самим. Эмигранты продолжали сохранять этот исторически сложившийся мистический образ Павла I. В редакции газеты «Дни» сохранилась интересная заметка О.В. Семеновуло о Павле I. Автору статьи через иностранную прессу становится известно о появлении на Мальте портрета царя. Этот портрет, на котором Павел изображен в парадном одеянии Грандмастера Католического Ордена³¹, побуждает автора пуститься в исторический экскурс по поводу пребывания русских на Мальте.

Автор напомнил обстоятельства зачисления в почетные рыцари боярина Б.П. Шереметева и самого Петра I: «239 лет тому назад орден был оскотливлен специальной Миссией Петра I. Боярин Б.П. Шереметев в мае 1698 г. прибыл на Мальту. После заключения соглашения престарелый Грандмастер PERRELOS в торжественной обстановке объявил боярину Шереметеву, что царь его, Великий Петр – зачислен в почетные рыцари. Perrelos лично возложил на шею Шереметева массивную золотую цепь и большой крест (GRAND CROSS). Крест, которым награждали Шереметева, был дотронут до частицы Животворящего Креста Господня, потом до десной руки св. Иоанна Крестителя Господня, а потом уже был повешен, освещенный таким образом к цепи на шею русского боярина. <...> Птенец гнезда Петрова стал посвященным рыцарем (HONORIS causa)»³². Одеяние Павла I на портрете и изложенная автором процедура посвящения Петра I в рыцари явно овеяны мистическим ореолом, а убежденность автора в том, что Гроссмейстерство над орденом св. Иоанна Иерусалимского – одна из причин смерти Павла³³, в еще большей степени прибавляет мистики в повествование.

Из сведений, доходивших из бывшей Российской империи, едва ли не самой волнующей темой для эмигрантов было вскрытие гробниц Петра I и Екатерины II в 1920 году. Одному из респондентов газеты «Дни» – лейтенанту Мартинсону удалось побывать на этом мероприятии в качестве научного эксперта. Свои впечатления по поводу увиденного он описывает следующим образом: «Среди зрителей и членов комиссии волнение и недаром: перед нами Екатерина Великая. Правда, не живая и не в своей роскоши. Глазам представляются не ее полусгнившие платья, не пустые отверстия глаз, но Екатерина Великая такой, какой ее рисовали и изображали кистью в свое время художники. Перед нашими глазами женщина, единственное слово которой в сердцах окружающих было способно создать и любовь, и возбуждение, и сладкие надежды и даже смертельный испуг. <...> Женщина, у ног которой кланялись выдающиеся умы Европы и которая ворочала судьбой стольких людей. Императрица, которая умела любить и царствовать, наказывать и награждать»³⁴. Всем хотелось увидеть, вспоминал Мартинсон, «исторический гроб», но еще больше окружающих заинтриговало письмо – по всей видимости, послание потомкам, обнаруженное внутри него. «Там же находился пергаментный сверток, который перевязан уже поблеклой синего цвета лентой и запечатанный восковой печатью, <...> все хотели заглянуть в пергаментный сверток, которому насчитывалось 130 лет»³⁵.

Еще одной темой, пробуждавшей в эмигрантском сознании «историческое чувство» была тема, связанная с личностью А.С. Пушкина. Изучение его творческого наследия было очень популярным в эмиграции. Как отмечали сами эмигранты, «Пушкина старательно изучают, о нем много пишут и говорят, его торжественно чествуют в день годовщины, <...> не только пренебрежение к великому поэту, но и недостаточное уважение к нему считаются ныне некультурностью, непростительным варварством, постыдной отсталостью <...>, увлечение Пушкиным принимает характер “моды”, становится правилом приличия, приобретает неприятный оттенок заведомой и непрременной обязанности»³⁶.

Великий поэт предстаёт в русской эмиграции своеобразным символом и русской культуры, и одновременно национальной идеи. Постигание этого было очень важным для эмигрантов. Не случайно праздник русской культуры, отмечаемый в эмиграции, назывался «Пушкинским днем», и чем дальше по времени отдалялась Императорская Россия от эмигрантского настоящего, тем масштабнее становился этот праздник³⁷.

Память о Пушкине была дорога еще и потому, что его творческое наследие представляло собой некий феномен российского исторического сознания в его слитности и гармонии. Не случайно в статье М.Л. Рофмана, присланной в редакцию газеты «Дни», Пушкин называется историком³⁸,

а его произведения «Борис Годунов», «Арап Петра Великого», «Полтава», «Медный всадник», «Капитанская дочка» воссоздают, как утверждал автор, русскую историю. Рофман отмечал, что русский человек воспринимает историю Древней Руси, равно как и прошлое XVI, XVII, XVIII веков, так, как они существуют в пушкинских образах: «В этом восприятии прошлого одно из чудесных свойств гения Пушкина (в Пушкине все чудно) и одно из проявлений его неразрывной и кровной связи со всей русской культурой, такой связи, которой нет ни у одного русского поэта, писателя, художника, музыканта. Такой связи, что воистину Пушкин является живым и прекрасным символом всей русской культуры»³⁹.

Таким образом, на примере присланных в редакцию газеты «Дни» писем и статей, а также корреспонденции других изданий можно проследить представления русских эмигрантов о разнообразных сюжетах российской истории. Кроме того, эти материалы позволяют воссоздать образ ушедшей России, какой она оставалась в памяти эмигрантов. Можно сделать вывод о том, что этот образ, как правило, был противоречив, зачастую мифичен, мистифицирован, и для каждой группы эмигрантов различен, но осмысление богатства своей истории было присуще всем им без исключения. Осознание этого и делало эмигрантов первой волны частью единого целого – частью России.

Примечания

- 1 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6845. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.
- 2 «Дни». 1922. № 1 (29 окт.)
- 3 См.: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2008. С. 75.
- 4 См.: *Яковлева Т.А.* Пути возрождения. Идеи и судьбы эмигрантской печати П.Б. Струве, П.Н. Миллюкова и А.Ф. Керенского. Иркутск, 1996. С. 36.
- 5 ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 1112. Л. 169.
- 6 Там же. Д. 17. Л. 1.
- 7 Там же. Л. 3 об.
- 8 Там же. Л. 3.
- 9 Там же. Л. 2.
- 10 Там же.
- 11 Там же. Д. 18. Л. 1.
- 12 Там же. Д. 17. Л. 3 об.
- 13 Там же. Л. 3.
- 14 Там же. Л. 2.
- 15 Там же.
- 16 Великий князь Николай Николаевич пользовался большим авторитетом у военной эмиграции и у сторонников необходимости созыва учредительного собрания для определения дальнейшей формы правления России. Его фигура рассматривалась в качестве реального претендента на престол, особенно после объединения правых монархических сил на съезде в немецком городе Бад-Рейхенгалле в 1921 г., когда съезд утвердил монархию в качестве единственного способа возрождения России. (См.: *Варакса А.Н.* Идея монархии в политической мысли русского зарубежья (1920–1940-е гг.): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. С. 8; *Александров А.В.* Образ будущей России в общественно-политической жизни российского зарубежья 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 17.)
- 17 ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.
- 18 «Дни». 1922. № 20 (21 нояб.).
- 19 ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 232. Л. 1.
- 20 Там же.
- 21 См.: *Джуманова (Елена Ф.)* «Мои встречи с Григорием Распутиным» // Современные записки 1923 г. № 14; *Маклаков В.А.* «Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина» // Современные записки. 1928. № 34; *Охотников (Ф.)* «Ф.Ф. Юсупов. Конец Распутина» // Звено 1928 г. № 3; *Наживин И.Ф.* Где наша земля обетованная?: Мысли об устройении земли. Париж, 1926. (В конце текста отзыв о романе «Распутин»); а также статьи А.С. Симановича – секретаря Г.Е. Распутина: «Николай II, Распутин и их фаворитки»; «Роковая участь приближенных к Николаю»; «Вильгельм II, Николай II и Распутин» // ГАРФ. Ф. 2293. Оп. 1. Д. 95; «Мой визит к Распутину» // ГАРФ. Ф. 2293. Оп. 1. Д. 2.
- 22 «Общее дело». 1919. № 34 (12 фев.)
- 23 ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 1115. Л. 1.
- 24 Там же. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 346.
- 25 «Луч». 1920. № 5 (1 июня).
- 26 ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.
- 27 Там же. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 297. Л. 2.
- 28 Там же.
- 29 Там же. Л. 4.
- 30 Там же.
- 31 Там же. Д. 193. Л. 3.
- 32 Там же. Л. 3 об.
- 33 Там же.
- 34 Там же. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 215. Л. 3–4.
- 35 Там же. Л. 3.
- 36 *Голлерба Э.* Пушкин и наши дни // Спохохи. 1923. № 15. С. 13–17.
- 37 См.: *Маклаков В.А.* Русская культура и А.С. Пушкин // Современные записки. 1926. № 29. С. 228.
- 38 ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 321. Л. 1.
- 39 Там же.

УДК (355:930) | 78.09.03 |

ФОРМИРОВАНИЕ И ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ О ВВОДЕ РОССИЙСКИХ ВОЙСК В ЧЕЧНИЮ (1992–1994 годы)

А.А. Александров

Саратовский государственный университет
E-mail: Alexandrova25071974@yandex.ru

Статья посвящена анализу причин начала первой чеченской войны. Автор изучает вопросы формирования принятия политических решений о вводе российских войск в Чечню, в г. Грозный, излагает и анализирует хронологическую картину решений и действий как со стороны политических сил России, так и политических сил, представляющих Чеченскую Республику.

Ключевые слова: контртеррористическая операция, конфликт, незаконные вооруженные формирования, оппозиция, объединенная группировка войск, чрезвычайное положение, бандитизм, военная операция, полевой командир, спецслужбы.

Formation and Making Policy Decision about Bringing of Russian Force into Chechnya (1992–1994)

A.A. Alexandrov

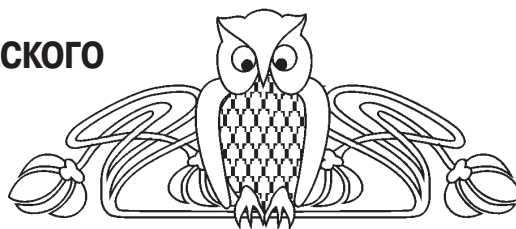
The article is devoted to the analysis of the causes of the beginning of the war in Chechnya. The author examines the questions of making policy decisions about the putting into bringing of Russian forces Chechnya, town of Grozny. Special attention is paid to the Chronology of that time and actions of Russian political forces and political forces of Chechnya.

Key words: counter-terrorist operation, conflict, illegal armed groups, opposition, joint group of forces, emergency, banditry, military operation, field commander, secret services.

Международный терроризм в последние годы превратился в одну из опаснейших по своим масштабам и последствиям общественно-политических и военных проблем. Для борьбы с ним объединяется весь мир. На переднем крае находятся Россия и ее Вооруженные силы.

В 90-е гг. прошлого столетия Российские Вооруженные силы столкнулись на Северном Кавказе с незнакомой для них ранее ситуацией, когда им пришлось вести боевые действия внутри государства в условиях организованного вооруженного сопротивления бандформирований, поддерживаемых основными центрами международного терроризма. До этого Российская армия не имела практического опыта ведения подобного рода действий, не принимала участия во внутригосударственном вооруженном конфликте. В таких условиях необходимо было использовать новые формы вооруженной борьбы, вырабатывать специфические меры противодействия, одной из которых является контртеррористическая операция.

Следует отметить что в начале 90-х гг. истекшего века по вине руководства Чеченской Респу-

блики и при бездействии со стороны федеральной власти России в Чечне сформировался режим во главе с Д.М. Дудаевым, который резко дестабилизировал всю обстановку на Северном Кавказе. Данная ситуация породила конфликт, который длится, то разгораясь, то затухая, уже более 16 лет.

30 ноября 1994 г со ссылкой на ст. 88 российской Конституции был подписан Указ Президента РФ № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики»¹. В соответствии с этим документом была создана группа руководства действиями по разоружению и ликвидации незаконных вооруженных формирований, введению и поддержанию в Чеченской Республике чрезвычайного положения во главе с министром обороны РФ генералом армии П.С. Грачёвым.

Непосредственное руководство действиями Объединенной группировки войск (ОГВ) возлагалось на сформированное на базе Северо-Кавказского военного округа (СКВО) управление. В его состав были включены оперативные группы других министерств и ведомств. Первым командующим ОГВ являлся командующий войсками СКВО генерал-полковник А.Н. Митюхин, с 20 декабря 1994 г. его сменил первый заместитель начальника Главного организационного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (ГОУ ГШ ВС РФ) генерал-лейтенант А.В. Квашнин.

Попытаемся понять, как в тех условиях Президент РФ смог подписать данный Указ.

Двадцать лет назад Россия переживала непростое время: спад в экономике, гиперинфляция, финансовые пирамиды, разгул преступности, раскол нации на сторонников старого и нового, неопределенность будущего. И, словно всего этого было мало, началась война.

Непредвзятый анализ не обнаруживает в событиях, приведших к трагедии, злого умысла или коварного заговора. Были послереволюционная неразбериха, объективные причины и субъективные просчеты.

Когда-то, расстреляв герцога Энгиенского, Наполеон изрек: «Это могло быть преступлением, но это не было ошибкой». Циничный Талейран переиначил слова патрона и неоднократно повторял по разным поводам: «Это хуже, чем преступление – это ошибка»².

В руководстве страны в начале 1990-х гг. специфики Чечни не понимали и рассматривали ее как обычный регион Российской Федерации.

По сравнению с экономической реформой, приватизацией, политической борьбой на федеральном уровне и выстраиванием новых отношений с окружающим миром «чеченский вопрос» казался локальным пустяком.

«Москва проявила большую безграмотность. Мало, кто знал историю Чечни, особенности чеченского народа, его характера, менталитета», – заявил в интервью Би-Би-Си бывший глава кремлевской администрации С.А. Филатов³.

23–26 ноября 1990 г. в Грозном был создан Общенациональный конгресс чеченского народа. Председателем вскоре избрали жившего тогда в Эстонии генерал-майора Д.М. Дудаева. Командир бомбардировочной авиадивизии был популярен на родине: «Наш первый генерал!» – говорили в то время в Чечне⁴.

«Был ли Д.М. Дудаев оголтелым сепаратистом? Думаю, что мы его таким сделали, а тогда у него не было никакой программы. Он хотел послужить своему народу, о котором имел поверхностное романтическое представление», – считает эксперт по Северному Кавказу И.А. Дементьева⁵.

Судя по всему, организаторы конгресса предназначили генералу представительскую роль, но случился августовский путч, во время которого руководство Чечено-Ингушетии во главе с Д.Г. Завгаевым поддержало ГКЧП. По словам Филатова, Д.М. Дудаев поехал в Чечню с санкциями советников Б.Н. Ельцина Г.Э. Бурбулиса и М.Н. Полторанина, заверив их в лояльности России.

6 сентября 1991 г. в Грозном произошли массовые выступления, кончившиеся захватом правительственных зданий и переходом власти в руки Конгресса чеченского народа во главе с Д.М. Дудаевым. В Москве это восприняли однозначно: народ разогнал партократов, радоваться надо! На митингах говорят о независимости – так мало ли что сгоряча болтают!

Однако события сразу стали принимать тревожный оборот. Уже при захвате власти Конгрессом пролилась первая кровь: погиб председатель Грозненского горсовета В.А. Куценко. Депутат Госдумы С.С. Говорухин утверждал, что В.А. Куценко выбросили из окна кабинета. По данным бывшего прокурора Чечено-Ингушетии А.С. Пушкина, он разбился, пытаясь выбраться из здания⁶. В любом случае, это было фактически убийством: от цивилизованных политических оппонентов в окно не выпрыгивают.

Выиграв 27 октября президентские выборы, Д.М. Дудаев уже через три дня заявил о выходе из России⁷. Бывший командующий внутренними войсками, впоследствии министр внутренних дел РФ А.С. Куликов, убежден, что генерал, прожив долгое время за пределами республики, не знал местной обстановки и не понимал, с чем и с кем столкнется⁸. «Д.М. Дудаев был окружен оппозицией, не видевшей никакого будущего с Россией», – говорит С.А. Филатов⁹. Следует добавить, что эта оппозиция была вооружена и не склонна без-

оговорочно слушаться кого бы то ни было, в том числе Д.М. Дудаева.

Грозный провозгласил независимость явочным порядком, но и Москва не проявила склонности к диалогу. 2 ноября Верховный Совет РФ объявил выборы в Чечне нелегитимными¹⁰. 7 ноября Б.Н. Ельцин ввел в республике чрезвычайное положение и направил на военный аэродром в Ханкале ОМОН под командованием вице-президента А.В. Руцкого¹¹.

Боевики и население блокировали аэропорт. Д.М. Дудаев объявил военное положение, начал раздавать оружие добровольцам, в том числе освобожденным из грозненского СИЗО заключенным, и призвал превратить каждый чеченский дом в крепость.

Одновременно чеченцы снабжали федералов продуктами и водой и предлагали уладить дело миром.

Немало аналитиков полагают, что на том этапе чеченский сепаратизм можно было «задавить в зародыше» малой кровью. Сколько пролилось бы крови, неизвестно, но, прежде всего, для Москвы осенью 1991 г. это было политически и морально невозможно¹².

Всего двумя месяцами ранее Б.Н. Ельцин сам пришел к власти, призывая военных не выполнять приказы, а граждан – строить баррикады.

В обществе господствовало убеждение, что народ не может быть неправ, и использовать против него силу, что бы он ни делал – величайшее преступление.

Генералы, наученные августовским опытом, не хотели впутываться в историю, которая неизвестно чем кончится. К тому же Б.Н. Ельцину в тот момент формально подчинялся только ОМОН. Президентом страны и Верховным главнокомандующим оставался М.С. Горбачев, который немедленно отмежевался от действий российского руководства и приказал частям Северо-Кавказского военного округа и внутренним войскам не двигаться с места¹³.

Чрезвычайное положение пришлось отменить, ОМОН из Ханкалы убрать. Д.М. Дудаев победил. Б.Н. Ельцин потерпел первое поражение¹⁴.

Большинство исследователей полагает, что и позднее имелся шанс договориться, но он был потерян из-за неуступчивости обеих сторон. Чеченский президент готов был вести переговоры, во-первых, с позиции свершившихся фактов, во-вторых, исключительно с Б.Н. Ельциным. Однако тот, воспринявший ноябрьские события в Грозном как личное унижение, не хотел садиться за стол с «нелегитимным сепаратистом».

Из всех вариантов чеченской политики Россия выбрала наихудший: по всем практическим вопросам воспринимать Чечню как независимое государство и при этом не контактировать с ее руководством.

С.А. Филатов утверждает, что Р.И. Хасбулатов, вопреки распространенному мнению, не

покровительствовал режиму в Грозном. Он желал иметь Чечню в качестве собственного тыла и был недоволен тем, что там заправляют совсем другие люди. Именно Р.И. Хасбулатов, чье мнение, как чеченца, в данном вопросе имело вес, во многом сформировал непримиримую позицию Москвы¹⁵.

А.В. Руцкой по возвращении из Грозного заявил на сессии Верховного Совета, что в Чечне «расцвел бандитизм». Понятно, что такие публичные ремарки поиску компромисса не способствовали¹⁶.

В то же время чеченцы не захотели или не смогли установить у себя хоть мало-мальски цивилизованный порядок и быть добрыми соседями. Республику покинули от 150 до 200 тысяч русскоязычных граждан. Официально их никто не высылал, но жизнь их сделалась невыносимой. В сопредельных регионах регулярно похищали заложников, угоняли транспорт и скот¹⁷.

Ш.С. Басаев публично заявлял, что Россия, мол, платила дань мусульманам во времена Золотой Орды, вот пускай платит и теперь¹⁸.

Либералы указывали, что, например в Квебеке, тоже существует сепаратизм, однако власти Канады не отвечают на это пулями и бомбами. Им возражали, что жители Квебека не похищают людей и не грабят поезда, проходящие по их территории.

Провозгласив независимость, Чечня продолжала вести себя как часть России там, где это ей было выгодно. Бывшие союзные республики начали с введения собственных валют и удостоверений личности. Грозный не собирался делать ничего подобного. Попытки Москвы установить пограничный контроль встречали возражения юристов и правозащитников: у чеченцев есть паспорта российских граждан! Республика продолжала использовать рубль. Знаменитые «аферы с чеченскими авизо» подхлестывали инфляцию. Чеченцы не соблюдали российских законов, не платили налогов и не служили в армии, но требовали трансфертов на социальные нужды¹⁹.

В Москве все больше крепло убеждение, что «само не рассосется» и с Чечней необходимо что-то делать, но что – никто не знал.

31 марта 1992 г. парламент Чечни объявил о национализации находившихся на территории Чечни вооружений Советской армии. На следующий день Д.М. Дудаев потребовал вывода российских войск. Вскоре чеченский президент и представитель минобороны России генерал-лейтенант П.И. Строгов подписали соглашение о разделе военного имущества. 28 мая министр обороны РФ П.С. Грачев утвердил его приказом.

Оппоненты впоследствии обвиняли Б.Н. Ельцина и П.С. Грачева в измене. Но что российским военным оставалось делать, когда местные жители захватывали оружейные склады, избивая солдат, причем впереди толпы шли женщины и подростки? Приказать «стрелять в народ» руководители России на том этапе были совершенно не

готовы, а армейские командиры не хотели брать на себя ответственность в таком щекотливом деле.

В результате Д.М. Дудаеву достались 42 танка, 34 БМП, 139 орудий, 20 передвижных зенитных установок «Шилка», 2,5 тысячи автоматов, 27 вагонов боеприпасов, пять истребителей «Миг», 260 учебных самолетов, которые технически можно было переоснастить в боевые²⁰.

Укреплению вооруженных сил «независимой Ичкерии» поспособствовал грузино-абхазский конфликт, вернее, позиция, занятая в нем Россией. Конфедерация народов Кавказа, объединявшая в основном мусульманские народы, заявила о солидарности с Абхазией. Летом 1992 г. российские пограничники задержали в Карачаево-Черкесии колонну направлявшихся в Абхазию чеченцев. Из Москвы пришел приказ: пропустить. Бывший директор Федеральной службы контрразведки С.В. Степашин впоследствии признал, что в ходе абхазского конфликта Ш.С. Басаев сотрудничал с «одной из российских спецслужб». Президент Ингушетии Р.С. Аушев прямо назвал Главное разведывательное управление генштаба²¹.

Чеченцы под началом Басаева и другого известного полевого командира будущей войны, Р.Г. Гелаева, воевали в Абхазии вахтовым методом. Несколько тысяч человек приобрели опыт и выучку. «Абхазский батальон» Басаев стал самым боеспособным подразделением вооруженных сил Ичкерии, а сам Ш.С. Басаев – фигурой, с которой затруднительно было спорить и Д.М. Дудаеву²².

В 1991–1993 гг. Москве было не до Чечни. Лишь в сентябре–октябре 1993 г. момент для «решения чеченского вопроса» с точки зрения российского руководства наступил. Условия для свержения Д.М. Дудаева были вроде бы неплохие. Из-за экономических неурядиц в республике усилилась пророссийская оппозиция. 17 апреля 1993 г. Д.М. Дудаев разогнал парламент Чечни и ввел прямое президентское правление. 5 июня он подавил выступление оппозиции во главе с мэром Грозного Б.С. Гантамировым, введя в город танки. По словам Б.С. Гантамирова, погибли свыше 60 его сторонников²³.

В декабре 1993 г. в селе Знаменское на севере Чечни был создан Временный совет во главе с мэром Надтеречного района У.Д. Автурхановым, под управление которого фактически перешли три района: Шелковской, Надтеречный и Знаменский. Эти территории были переданы в состав Чечни из Ставропольского края после реабилитации 1957 г. Там сохранялось значительное русское население, а «равнинные» чеченцы всегда были настроены менее радикально, чем горцы²⁴.

Российское правительство признало Временный совет и выделило ему 150 млрд «старых» рублей. Первоначальный план, разработанный под руководством министра по делам национальностей С.М. Шахрая, предусматривал превращение трех районов в своего рода чеченский «Западный Берлин», витрину относительно благополучной и

спокойной жизни и постепенное сведение авторитета Д.М. Дудаева к нулю²⁵.

Однако ближе к середине 1994 г. верх в российском руководстве начали брать сторонники решительных действий. С.М. Шахрая сменил Н.Д. Егоров. Либерального главу президентской администрации С.А. Филатова перестали приглашать на совещания по Чечне. Многие историки уверены, что россияне, поддержавшие на думских выборах в декабре 1993 г. партию В.В. Жириновского, фактически проголосовали за войну. Б.Н. Ельцин решил, что народ хочет «сильной руки»²⁶.

30 июля, возможно, не без подсказки из Москвы, Временный совет объявил Д.М. Дудаева низложенным²⁷.

23–24 ноября была сделана попытка взять Грозный силами оппозиции, которым выделили 40 российских танков. Экипажи были тайно завербованы Федеральной службой контрразведки в подмосковной Кантемировской дивизии. Офицеры и контрактники оформляли отпуск и подписывали контракт с ФСК на «обслуживание боевой техники в экстремальных условиях»²⁸.

Гвардейцы Д.М. Дудаева позволили противнику войти в Грозный, а затем сожгли большую часть машин из гранатометов. Танкисты попали в плен. Телеканалы показали на весь мир оборванных и насмерть перепуганных российских военнослужащих. П.С. Грачёв заявил, что ничего не знает, и таких людей в кадрах вооруженных сил не значится. Командир Кантемировской дивизии генерал Б.Н. Поляков в знак протеста против незаконных действий спецслужб за его спиной подал в отставку.

Бывший тогда директором Федеральной службы контрразведки (ФСК) С.В. Степашин не отрекся от людей, которых послал в Грозный, а сделал все возможное, чтобы выгнать их из плена и задним числом оформил в кадры ФСК, чтобы семьи погибших, по крайней мере, получили компенсацию. Заместитель С.В. Степашина Е.В. Савостьянов впоследствии говорил, что набирать наемников надо было не в России, а в бывших советских республиках, где хватало безработных офицеров, тогда и такого скандала не было бы²⁹.

«Операция была подготовлена из рук вон плохо и закончилась плачевно, – резюмирует публицист и историк Л.М. Млечин. – Многие политики попадали в глупое положение, поверив обещаниям спецслужб обделать заковыристые дельце без шума и пыли...»³⁰.

30 ноября Совет безопасности России принял решение ввести в Чечню войска. Участники заседания известны поименно: президент Б.Н. Ельцин; премьер-министр В.С. Черномырдин; спикер Совета Федерации В.Ф. Шумейко; спикер Госдумы И.П. Рыбкин; министр обороны П.С. Грачёв; министр иностранных дел А.В. Козырев; министр по чрезвычайным ситуациям С.К. Шойгу; министр юстиции Ю.Х. Калмыков; директор

ФСК С.В. Степашин; директор Службы внешней разведки Е.М. Примаков. «Против» высказался один Ю.Х. Калмыков. Директор Федеральной погранслужбы А.И. Николаев, не скрывавший скептического отношения к задуманному, не присутствовал³¹.

Согласно воспоминаниям участников, на заседании доминировали эмоции, вызванные недавним грозненским скандалом.

П.С. Грачёв предлагал перенести операцию на весну, но, услышав упреки в нерешительности, вышел из себя, произнес знаменитую фразу о том, что порядок в Чечне можно навести за два дня одним парашютно-десантным полком, а на вопрос, сколько времени ему требуется для подготовки, ответил: три дня.

Тут уж не выдержал В.С. Черномырдин: «Павел Сергеевич, ты хоть десять дней-то возьми!».

По имеющимся данным, от поспешных действий предостерегали начальник генштаба М.П. Колесников и главнокомандующий сухопутных войск В.М. Семёнов. Заместитель Семёнова Э.А. Воробьёв, которому поручили возглавить операцию, отказался – и вскоре был отправлен в отставку.

Руководить согласился командующий Северо-Кавказским военным округом А.Н. Митюхин и начальник оперативного управления генштаба А.В. Квашнин³².

1 декабря Президент России своим Указом потребовал от граждан Чечни, незаконно владеющих оружием, сдать его властям к 15 декабря. На переговорах с П.С. Грачёвым и министром внутренних дел В.Ф. Ериным в ингушской станице Слепцовская 6 декабря Д.М. Дудаев ультиматум отклонил³³.

9 декабря 1994 г. был подписан Указ «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», ставший правовым основанием для боевых действий³⁴.

Рано утром 11 декабря армия и внутренние войска МВД пришли в движение. Б.Н. Ельцин выступил по телевидению только через три дня. По данным близких к Кремлю источников, пауза была задумана, чтобы доложить народу о полном успехе.

Все это время пресса практически единодушно советовала Б.Н. Ельцину немедленно остановить войска и отмежеваться от случившегося, свалив ответственность на подчиненных, проявивших усердие не по разуму. Однако первого Президента России можно было упрекать во многом, только не в стремлении прятаться за чужие спины. Поздравляя граждан России с наступающим 1995 г., ворочая слова, будто булжники, он проговорил: «я приказал ...», «те, кто воюет сегодня на Северном Кавказе, выполняют волю президента ...».

Дальнейшие события вместили многое: «новогодний» штурм Грозного Майкопской бри-

гадой и неравный бой псковских десантников, Буденновск и Кизляр, Хасавюртовский мир и вторую чеченскую войну, «Норд-Ост» и Беслан, гибель тысяч российских военнослужащих и практически всех знаковых фигур чеченского сопротивления, включая трех президентов «независимой Ичкерии».

Только стабильности и мира на Кавказе до сих пор нет!?

Примечания

- 1 См.: *Стрельников В.А.* Контртеррористическая и миротворческие операции российских войск // Ориентир. 2004. № 6. С. 43. Ссылка на указ также была приведена в интервью газете «Красная Звезда» от 15 июня 1995 г. генерал-лейтенантом А.В. Квашниным по поводу ввода войск в Чеченскую Республику. Сам указ являлся секретным и впервые его рассекретили при обращении в Конституционный суд. Постановлением Конституционного Суда РФ от 31.07.2000 г. № 10-П указ признан легитимным.
- 2 Цит. по: *Макаренко А.С.* Педагогическая поэма. М.: Педагогика, 1983. С. 58.
- 3 URL: www.bbc.co.uk/russian/russia/2009/12/091210chechnya_war_history.shtml (дата обращения: 20.01.2011).
- 4 *Литовкин В.С.* Уроки, оплаченные кровью // Независимое военное обозрение. 2009. № 12. С. 22.
- 5 *Дементьева И.А.* Одинокий волк под луной. М.: Известия, 1997. С. 18.
- 6 См.: *Головков А.В.* Кавказский меловой круг. М.: Последние известия, 1998. С. 15.
- 7 Там же. С. 18.
- 8 Там же. С. 19.
- 9 URL: www.voinenet.ru/voina/istoriya-voiny/4.html (дата обращения: 23.12.2010).
- 10 Решение 5 съезда народных депутатов РСФСР // Известия. 1991. 5 ноября.
- 11 См.: *Загрядский И.Е.* Исторические заметки. 1991 год. Кн. 2. М.: Рус. дом, 1992. С. 22.
- 12 См.: *Морозов Г.И.* Чеченский терроризм – преступное орудие сепаратизма // Право и политика. 2000. № 9. С. 15; *Краснопеев Д.В.* Гражданская война в России 1993. М.: Статистика, 1996. С. 43; *Хохлов А.В.* Кто послал их на смерть? // Комсомольская правда. 1994. 16 декабря. С. 1 и др.
- 13 См.: *Загрядский И.Е.* Указ. соч. С. 24.
- 14 Там же. С. 25.
- 15 Там же. С. 26.
- 16 Там же. С. 27.
- 17 См.: *Трошев Г.Н.* Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вагриус, 2001. С. 63.
- 18 Там же. С. 63.
- 19 См.: Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / под ред. М.Е. Болтунова. М.: Красная звезда, 2000. С. 167.
- 20 См.: *Заец А.Е.* Военный комментатор // Альманах «Военком». 2005. № 1(6). С. 27.
- 21 См.: *Трошев Г.Н.* Указ. соч. С. 37.
- 22 Там же. С. 38.
- 23 См.: Указы Президента Чеченской Республики за 1993. М.: Хронос, 1994. С. 12.
- 24 См.: Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. С. 167.
- 25 Там же. С. 168.
- 26 Там же. С. 169.
- 27 См.: Большая энциклопедия. М.: ТЕРРА, 2006. Т. 58. С. 261.
- 28 URL: www.bbc.co.uk/russian/russia/2009/12/091210chechnya_war_history.shtml (дата обращения: 15.01.2011).
- 29 См.: *Борисов Т.М.* Тайны чеченского двора // Рос. газ. 2001. 2 ноября.
- 30 *Млечин Л.М.* Служба внешней разведки. М.: Красная звезда, 1998. С. 58.
- 31 См.: Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. С. 169.
- 32 См.: *Гродненский Н.Г.* Неоконченная война: История вооруженного конфликта в Чечне. М.: Крокус, 2005. С. 25.
- 33 См.: Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. С. 169.
- 34 См.: *Литовкин В.С.* Уроки, оплаченные кровью // Независимое военное обозрение 2009. № 12. С. 22.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(48).01/021

КЛИМАТИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА 535–536 ГОДОВ, «ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРУЛОВ» И МИФ О РАГНАРЁКЕ

И.Ю. Философов

Саратовский государственный университет
E-mail: ifilosofov@gmail.com

В настоящей статье автор ставит задачу рассмотреть несколько сюжетов из истории Скандинавии периода «темных веков» с использованием «новых инструментов историка» – изучения погодных условий, климатических изменений и природных катаклизмов прошлого. Главным является вопрос о взаимосвязи между «вулканической зимой» 535–536 гг., вероятным установлением власти герулов в средней Швеции (а впоследствии и на более обширных территориях) и появлением или актуализацией мифа о Рагнарёке и сменой мировоззренческих установок.

Ключевые слова: вендельский период, воинские союзы, вулканизм, «вулканическая зима», герулы, клады, климатическая катастрофа, Рагнарёк.

Climatic Catastrophe of 535–536 A.D., «Returning» of Heruls and Ragnarok Myth

I.Y. Filosofov

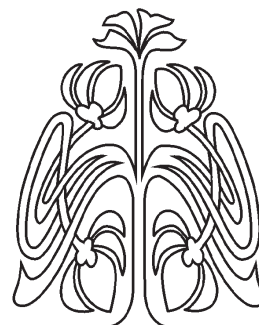
In the current article the author allots a task to observe several plots from Dark Age Scandinavian history using the «new tools» of historian – researching the weather conditions, climate changes and natural cataclysms happened in the past. The main aim is the uncovering of possible connection between wide-known «volcanic winter» of 535–536 A.D., the development of herulic power in Middle Sweden (in the vaster territories later) and the emergence of Ragnarok myth concerned with the mindset changes.

Key words: vendel period, warrior bands, volcanism, «volcanic winter», heruls, hoards, climatic catastrophe, Ragnarok.

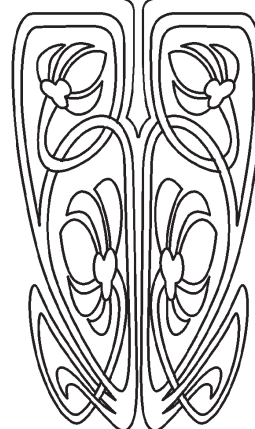
По меткому выражению Л. Фархат-Хольцман, современный историк в своем поиске «широкой картины» не может ограничиться исключительно историей деяний «великих людей»: историческая наука в ее нынешнем виде требует иных полей применения и новых инструментов¹. Все отчетливее становится требование междисциплинарности: угла зрения, предоставляемого нам одной научной дисциплиной, часто недостаточно, чтобы рассмотреть историческое явление. Данные различных наук, полученные в разных областях знания, равно как и их методы, способствуют формированию взвешенной исследовательской позиции, оперирующей разнородным, но подчиненным единой цели материалом. В рамках такого подхода нет места исследовательскому шовинизму, делящему научные дисциплины на «перво-» и «второстепенные», «свои» и «чужие» – напротив, актуальным становится феерабендовское *anything goes*, «все стодится»².

Изучение климатических изменений, имевших место в прошлом, как заметного фактора, повлиявшего на государственную власть, общество, культуру, религиозные представления, является как раз одним из «новых инструментов» историка. В данной статье предпринята попытка воспользоваться этим инструментом при исследовании ряда сюжетов из ранней истории Скандинавии.

Первые века нашей эры были исключительно благоприятны для земледелия благодаря относительно теплomu и мягкому климату в Европе. Данные археологии свидетельствуют об увеличении числа поселений, об очевидном росте народонаселения, улучшении урожай-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ности. Но уже конец IV в. отмечился резким похолоданием, пик которого пришелся на следующее, V, столетие (в целом же влияние похолодания ощущалось вплоть до VIII в.)³. В этот период времени температура в Северном полушарии достигла своего минимума за последние 2000 лет. Увеличившееся количество осадков (особенно в регионах Северной Европы), трансгрессия морей привели к росту увлажненности почв, что влекло за собой заболачивание. Урожайность упала, многие места были подтоплены и стали непригодны для земледелия. Однако особенное внимание исследователей привлекает уникальный в своем роде катаклизм, произошедший в первой трети VI столетия.

В различных научных трудах об этом событии говорят как о «катастрофе 535–536» (Киз⁴), «дымном покрове» (*dust-veil*, Бэйли⁵), «времени помраченного солнца» (Аксбё⁶) и «годах без лета» (Ганн⁷). Основная версия объяснения этого события – вулканическая: как доказала индонезийская экспедиция Харальдюра Сигурдссона, речь вполне может идти об извержении Тамборы в 1815 г., но в «превосходной степени»⁸. Предполагается, что в результате извержения вулкана или ряда вулканов⁹ (таких, как Тавурвур (Рабаул), Кракатау¹⁰ или Эль Чичон¹¹) в атмосферу и тропосферу Земли были подняты тонны вулканического пепла в смеси с серной кислотой и массами водяного пара. Компьютерные расчеты, произведенные в лабораториях Лос-Аламоса, показали: извержение подобной силы в конечном итоге привело бы к выбросу высотой от 25 до 50 км, состоящему из 50–100 км³ водяного пара и тонн пепла с вкраплениями серной кислоты. Несмотря на то, что большая часть содержимого должна была сконденсироваться и выпасть в непосредственной близости от эпицентра извержения, значительная масса поднялась в стратосферу и образовала там плотные облака из кристаллического льда и гидровулканического пепла. «Сухой туман» (*dry fog*), аэрозоль серных газов, способный сохраняться в атмосфере длительное время, легко задерживает солнечные лучи, что неизбежно вызывает заметное похолодание. По сути, как отмечают исследователи, этот эффект схож со знаменитым эффектом ядерной зимы¹².

Катастрофа 535–536 гг. хорошо прослеживается не только по данным дендрохронологии и гляциологии¹³, но и по сообщениям письменных источников. Так, Прокопий Кесарийский в «Воине с вандалами» сообщает: «И в этом году произошло величайшее чудо: весь год солнце испускало свет как луна, без лучей, как будто оно теряло свою силу, перестав, как прежде, чисто и ярко сиять. С того времени, как это началось, не прекращались среди людей ни война, ни моровая язва¹⁴, ни какое-либо иное бедствие, несущее смерть. Тогда шел десятый год правления Юстиниана»¹⁵.

Сведения Прокопия подтверждает другой житель Средиземноморья, Иоанн Эфесский, за-

писавший: «И явился знак на солнце, подобного коему никто не видел и не описывал прежде. Солнце потемнело, и оставалось темным в течение 18 месяцев. Каждый день оно светило лишь четыре часа, и свет этот был не более, чем слабой тенью. Все говорили, что солнце никогда не вернет себе прежнего сияния»¹⁶. Псевдо-Захарий из Митилена пишет о 24 марта 535 г. как о дне, когда солнце в первый раз «потускнело днем, а луна ночью... в то время как океан бурлил и волновался»¹⁷. Кассиодор в «*Variarum*» упоминает низкую температуру в течение года, невзошедший урожай и крайне сниженную видимость: «Воздух сгустился... от снега и холода, и слабые солнечные лучи не могли разредить его. Он лишь становился плотнее, преграждая путь солнечному теплу и обманывая бранный человеческий взор»¹⁸.

К концу года катастрофические последствия стали, очевидно, ощущаться и в более северных районах. Ирландские «Анналы Ульстера» и «Анналы Инисфаллена» сообщают о неурожае хлеба в 536, 537 и 539 годах¹⁹. «Анналы Тигернаха» говорят и о голоде 538 г., а также о «великой смерти» (эпидемии?) под названием *blefed*, постигшей страну в 540²⁰. Возможно, речь идет о некоем рецидиве явления в начале 540-х гг. (что отчасти подтверждается извлеченными из ледяного ядра Гренландии и Антарктики пластами).

К сожалению, обитатели Скандинавии соответствующего периода не оставили письменных свидетельств, позволивших бы нам судить об их восприятии катастрофы 535–536 гг. Однако мы можем сделать некоторые выводы, исходя из данных, предоставляемых нам археологией.

Значительное место в скандинавской археологии занимают так называемые брактеаты – украшения в виде плоской монеты, как правило, из золота или серебра с чеканкой по одной стороне. Предполагается, что эти украшения, часто имевшие петлю для ношения на шее, использовались как амулеты. Н. Уикер также убедительно доказала, что северные брактеаты являлись в первую очередь показателем статуса владельца, маркером его идентичности, а также служили в качестве сакрального наследства (*heirloom*), олицетворявшего связь между различными поколениями²¹.

В первой трети VI столетия археологи фиксируют обилие кладов с брактеатами. К этой группе относятся клады из Дарума и Сконагера в южной Ютландии, Гудме II и Киллерупа на Фюне, Мадлы, Слетнера и Ставийурдета в Норвегии и Сёдербу в восточной Швеции, к ней же, видимо, принадлежал и богатейший шведский клад «Туна-Вестерлонг» из Турехольма, включавший около 12 кг золота²². Помимо разнотипных брактеатов, в них входят позолоченные ножны, массивные браслеты, шейные кольца и посеребренные броши – инвентарь, типичный для определенных обрядов жертвоприношения, устоявшейся в Скандинавии формы «адресации» к богам²³. Весьма вероятно, что эти клады, содержащие значительное количе-

ство драгоценных металлов, выступали именно в роли ритуальных подношений²⁴.

Согласимся с М. Аксбё: чтобы принести в жертву такое количество статусных предметов, необходима очень веская причина. Увы, точность археологической датировки не столь велика, данные письменных источников отсутствуют, и, скорее всего, убедительного доказательства наших предположений мы никогда не обнаружим, однако катастрофа вполне подходит на роль этой «веской причины». Она укладывается в хронологические рамки, заданные археологическими исследованиями, и реакция на нее в других регионах нам хорошо известна. «Помрачение» небесных светил в северной Европе должно было оказаться еще более заметным, чем в Средиземноморье и продлиться дольше, а температура – упасть ниже, что неизбежно вызвало бы гибель посевов и падеж скота. Угроза голода, вероятно, стала довольно реальной. Приношения золота были для скандинавов-язычников тем же, чем для средиземноморских и месопотамских христиан распевание литаний – попыткой тем или иным образом умиловить богов, смягчить их гнев, вернуть к жизни умирающее солнце. Но эти мольбы, обращенные к богам, вряд ли дали ожидаемый эффект – мрак, холод, а возможно, также голод и эпидемии продолжались минимум 18 месяцев.

Автор далек от мысли в крайней степени драматизировать события 535–539 гг. и выводить начало глобальных Темных веков из этой климатической катастрофы, видеть в нем «водораздел» (*watershed point*) между античным и современным миром, как это делают, например Д. Киз и К. Волетц. Я также склонен соглашаться с замечаниями А. Арьявы о некоторой преувеличенности этих заключений²⁵: «Неизбежный вывод, – пишет Арьява, – который следует из древних письменных источников, это то, что исторические последствия воздействия [вулканического] облака были крайне ограниченными»²⁶. Несомненно, без других предшествующих и сопутствующих событий катаклизм 30-х гг. VI в. вряд ли бы оказал существенное воздействие на общество. Однако в определенных условиях он мог послужить своего рода катализатором некоторых процессов.

После миграций англов, саксов, ютов на Британские острова, фризов из северной Фризии и Дитмаршена в нынешнюю нидерландскую Фрисландию, перемещения данов на юг, в освободившиеся земли Ютландии, произошедших в течение V в., многие территории обезлюдели, изменилась сама структура расселения²⁷. В Скандинавии начал, по всей видимости, ощущаться вакуум власти: представители местных военных элит мигрировали, возможно, не хватало молодежи. В сложившейся ситуации необыкновенно важным видится произошедшее в первой трети VI в. событие, известное как «возвращение» герулов.

Герулы, «таинственные спутники» готов, изначально происходящие из северной Фризии или Шлезвига, к VI в. представляли собой разноплеменной воинский псевдоэтнос, сочетавший как германские, так и иноэтнические (сармато-аланские) элементы. Грабители, морские пираты²⁸ (начиная с греческого похода варваров в III в.) и наемники, герулы так и не создали полноценного государства, продолжая кочевать по Восточной Европе. Будучи, однако, естественной частью «готского мира», они поддерживали связи со Скандинавией и должны были представлять себе, что происходит там. Т. Брандт, вслед за Л. Шмидтом, задает разумный вопрос: не могли ли герулы воспользоваться этим знанием²⁹? Действительно: оказавшись разгромленными в конечном итоге лангобардами в 506 г., они предприняли свой поход на север, пройдя сквозь славянские земли и, наконец, «сели на корабли, пристали к острову Фуле и там остались»³⁰.

Очевидно, герулы постепенно заняли в скандинавской общественной системе, сначала в средней Швеции, а затем и на более обширных территориях, фактически пустовавшее место воинской элиты. Произошло это в результате силового захвата (согласно демографическим оценкам О. Хюнстранда, такое было вполне возможно – даже исходя только из предполагаемого численного соотношения, без учета боевых навыков, экипировки герулов и пр.³¹) или относительно мирным путем – установить сложно. Тем не менее, еще Б. Аррениус в своих работах убедительно продемонстрировала явно восточногерманские черты, которые носят ранние образцы вендельской культуры³² (погребение «сарматской» женщины в Восточном холме, умбон щита из Венделя XIV и т.д.), сыгравшей значительную роль в развитии всего скандинавского субконтинента. На смену «династии» указывает и изменение обряда погребения в районе Упсалы – появление пышных курганов (схожих с предположительно герульскими курганами Моравии) и погребальных ладей. Таким образом, у нас есть некоторые основания полагать, что именно с приходом герулов и утверждением их правления следует связывать начало «вендельского периода» VI–VIII веков.

Можно предположить, что события 535–536 гг. и последующих лет только сыграли на руку герульским «королям-пиратам»³³ в установлении их власти. «Дымный покров» мог стать своего рода символическим актом, когда оказавшиеся бесполезными в экстремальных условиях жертвоприношения жрецов и «отречение» патриархальной знати от символов своего статуса не смогли вернуть плодородие и, таким образом, власть этих слоев была поколеблена. Примечательно, что в эпоху викингов у скандинавов не обнаруживается организованное жрецство. Возможно, отчасти именно климатические изменения и неэффективность действий жрецов по «нормализации» погоды привели к их оттесне-

нию на второй план. Герульские же вожди предлагали иной тип власти, власть золота и меча, никак не связанную с обеспечением плодородия, и в исторической перспективе превратились в *jarlar*, правителей-ярлов³⁴. Постепенно смешиваясь с местным населением, герулы втянули его в свое культурное поле, и определенно имевший место социально-религиозный синтез проходил при доминировании воинской, «герульской» составляющей.

Говоря о воинской культуре Скандинавии, следует вспомнить то место, которое в ней занимает эсхатологический мотив апокалиптической битвы. Описание «великанской зимы» Фимбульветр, предвестницы Рагнарёка, содержащееся, например, в «Речах Вафтруднира»³⁵ и «Видении Гюльви», напоминает сообщение Кассиодора: «Тогда Ганглеры сказали: «Что можно поведать о Гибели Богов? Мне не довелось прежде слышать об этом». Высокий отвечает: «Много важного можно о том поведать. И вот первое: наступает лютая зима, что зовется Фимбульветр. Снег валит со всех сторон, жестоки морозы, и свирепы ветры, и совсем нет солнца. Три таких зимы идут сряду, без лета. А еще раньше приходят три зимы другие, с великими войнами по всему свету. Братья из корысти убивают друг друга, и нет пощады ни отцу, ни сыну в побоищах и кровосмешении»³⁶.

Если древнесеверный эсхатологический миф уже сложился к описываемому времени, «дымный покров» 30-х гг. VI в. должен был вызвать «тревогу во многих людях... из-за происходящего зла»³⁷. Если нет – он, очевидно, оказал влияние на представления скандинавов о конце света³⁸. Так или иначе, эффект, оказанный этим событием, должен был быть достаточно силен. Однако главный аспект, на который мы должны обратить внимание при рассмотрении данного сюжета, – это изменившаяся семантика времени. Появление (или актуализация) мифа о Рагнарёке в известной мере маркирует замещение циклического «сельскохозяйственного», «жреческого» времени воинским, героическим «распрямым временем», что также может свидетельствовать об определенной смене мировоззренческой парадигмы в Скандинавии VI века.

Попробуем подвести некоторый итог. Могут ли сами по себе события 535–536 гг. считаться неким рубежом, разделяющим определенные исторические периоды и определяющим тенденции развития? Скорее всего, нет. Однако в историческом контексте VI столетия в данном регионе эти события вполне могли произвести значительный эффект, оказав влияние как на изменения во власти, так и на мировоззренческие установки. И, возможно, именно в событиях этого времени следует искать корни воинского «перекоса», отличающего практически всю скандинавскую культуру и отразившегося впоследствии в эпохе викингов.

Примечания

- 1 *Farhat-Holzman L.* Climate Changes, Volcanoes and Plagues – the New Tools of History. URL: <http://web.archive.org/web/20070927235420/http://globalthink.net/global/dsppaper.cfm?ArticleID=96> (дата обращения: 31.11.2010).
- 2 *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/feyer01/txt01.htm> (дата обращения: 02.12.2010).
- 3 См.: *Седов В.В.* Этногенез ранних славян // *Вестн. РАН.* 2003. Т. 73, № 7. С. 594–605.
- 4 См.: *Keys D.* Catastrophe: An Investigation into the Origins of the Modern World. N.Y., 2000.
- 5 См.: *Baillie M.G.L.* Dendrochronology raises questions about the nature of the AD 536 dust-veil event // *The Holocene.* 1994. № 4. P. 212–217.
- 6 См.: *Axboe M.* Amulet Pendants and a Darkened Sun // *Roman Gold and the Development of the Early Germanic Kingdoms: Aspects of Technical, Socio-Political, Socio-Economic, Artistic and Intellectual Development...* / ed. by B. Magnus. Stockholm, 2001; *Idem.* The year 536 and the Scandinavian gold hoards // *Medieval archaeology.* 1999. № 43. P. 186–188; *Idem.* Året 536 // *Skalk.* 2001. № 4. P. 28–32.
- 7 См.: *Gunn J.* The Years Without Summer: Tracing A.D. 536 and its Aftermath. Oxford, 2000.
- 8 *Wohletz K.* Were the Dark Ages Triggered by Volcano-Related Climate Changes in the 6th Century? URL: <http://www.ees.lanl.gov/Wohletz/Krakatau.htm> (дата обращения: 29.10.2010).
- 9 Среди других возможных версий – падение комет, астероидов или иных космических объектов. См.: *Abbott D.H., Biscaye P., Cole-Dai J., Breger D.* Magnetite and Silicate Spherules from the GISP2 Core at the 536 A.D. horizon. 2008. URL: <http://adsabs.harvard.edu/abs/2008AGUFMPP41B1454A> (дата обращения: 29.10.2010); *Than K.* Slam dunks from space led to hazy shade of winter. // *New Scientist.* 2009. № 43. P. 9.
- 10 *Wohletz K.* Op. cit.
- 11 Заслуживает внимания также точка зрения Антти Арьявы о северном вулкане. См.: *Arjava A.* Reassessing the Mystery Cloud of AD 536. // *Science & Technology.* URL: <http://www.sott.net/articles/show/151739-Reassessing-the-Mystery-Cloud-of-AD-536> (дата обращения: 18.10.2010). Автор, однако, склоняется к традиционному мнению, т.к. только экваториальный вулкан способен повлиять на климат в обоих полушариях.
- 12 *Farhat-Holzman L.* Op. cit.
- 13 Особую роль в изучении проблемы играют исследования льдов Гренландии и Антарктики. См.: *Larsen L.B., Vintner B.M., Briffa K.R.* (et al.) New ice core evidence for a volcanic cause of the A.D. 536 dust veil // *Geophysical Research Letters.* 2008. № 35.
- 14 Вероятно, одним из наиболее известных последствий катастрофы 535 г. стала знаменитая «юстинианова чума».
- 15 *Проконий Кесарийский.* Война с вандалами. Кн. II, XIV. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Prokop2/02.php (дата обращения: 18.10.2010).

- ¹⁶ Mitchell S. A history of the later Roman Empire, AD 284–641: the transformation of the ancient world. Oxford, 2007. P. 375.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Cassiodorus. *Variae*. XII. XXV. URL: <http://freespace.virgin.net/angus.graham/Cassiodorus.htm> (дата обращения: 14.11.2010).
- ¹⁹ Annals of Ulster, 536.3., 539.1. URL: <http://www.ucc.ie/celt/online/T100001A/> (дата обращения: 04.12.2010); Annals of Inisfallen, 537.1. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/T100004/index.html> (дата обращения: 04.12.2010).
- ²⁰ Annals of Tigernach, 538.1., 540.1. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/T100002A/index.html> (дата обращения: 04.12.2010).
- ²¹ Wicker N. Display of Scandinavian Migration Period Bracteates and Other Pendant Jewelry as a Reflection of Prestige and Identity // *De re metallica: the uses of metal in the Middle Ages* / ed. by Robert Bork. Aldershot, 2005. P. 49–59.
- ²² Axboe M. The year 536 and the Scandinavian gold hoards. P. 186.
- ²³ Ibid. P. 187.
- ²⁴ См.: Hines J. Ritual Hoarding in Migration period Scandinavia: A review of recent interpretations // *Prehistoric Society*. 1989. № 55.
- ²⁵ Arjava A. Reassessing the Mystery Cloud of AD 536...
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ На смену многодворному поселению пришел большой хуторской двор.
- ²⁸ X. Станг относит именно на счет герулов первое употребление слова *wicingas* в англосаксонской поэме «Видсид», апеллирующей к «готской эпохе». См.: Stang H. *The Naming of Russia*. Oslo, 1996. P. 51.
- ²⁹ Brandt T. *The Heruls*. URL: <http://gedevasen.dk/heruls.pdf> (дата обращения: 22.11.2010).
- ³⁰ Прокопий Кесарийский. *Война с готами*. Кн. 2, 15. URL: www.vostlit.info/Texts/Rus/Prokop/got21.phtml?id=1157 (дата обращения: 17.11.2010).
- ³¹ Hyenstrand Å. *Lejonet, draken och korset. Sverige 500–1000*. Lund, 1996.
- ³² См. напр.: Arrhenius B. *East Scandinavian Style I – a review* // *Medieval Archaeology*. 1973. Vol. XVII. P. 26–42.
- ³³ Термин Т. Брандта.
- ³⁴ Лебедев Г.С. *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси*. СПб., 2005. С. 131–132.
- ³⁵ Речи Вафтруднира, 44–45. URL: <http://norse.ulver.com/edda/vafrudnis.html> (дата обращения: 22.11.2010).
- ³⁶ Младшая Эдда. Видение Гюльви. URL: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/medda/002.htm> (дата обращения: 18.09.2010).
- ³⁷ Stothers R.B., Rampino M.R. Volcanic eruptions in the Mediterranean before A.D. 630 from written and archaeological sources. P. 62 // *J. of Geophysical Research*. 1983. 88, № B8. P. 57–71.
- ³⁸ Автор склоняется ко второй версии.

УДК94 (4) |10|

«ПОХОД БЕДНОТЫ» В ОПИСАНИИ АВТОРА АНОНИМНОЙ ХРОНИКИ «ДЕЯНИЯ ФРАНКОВ И ПРОЧИХ ИЕРУСАЛИМЦЕВ»

С.А. Алдаркин

Саратовский государственный университет
E-mail: ravus@inbox.ru

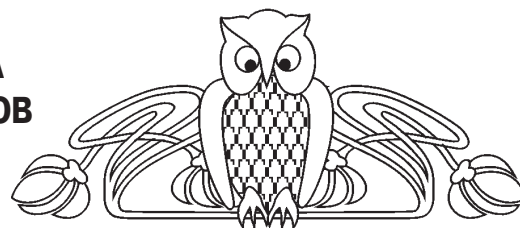
В статье анализируется оставленное анонимным автором – участником первого крестового похода, описание так называемого «похода бедноты». Делается вывод о том, что Аноним считал тех, кто шел в отряде Петра Пустынника и Вальтера Неимущего, частью войска крестоносцев.

Ключевые слова: Крестовые походы, первый крестовый поход, поход бедноты, хроники, «Деяния франков».

«The Common Crusade» in the Description of the Author of Anonymous Chronicle «The Deeds of the Franks and the Other Pilgrims to Jerusalem»

S.A. Aldarkin

The article is the attempt to analyze the description of the «common crusade», which was written by a member of the First Crusade in his chronicle «The Deeds of the Franks and the other pilgrims to Jerusalem». Comparing a description of the «common crusade» with the descriptions of the other events in the text, it could be possible to make a conclusion, that anonymous author considers members of the «common crusade» as a part of the Crusaders' army.

Key words: Crusades, First Crusade, common crusade, chronicles, «Deeds of the franks».

Первый крестовый поход (1096–1099 гг.) начался весной 1096 г. со стихийного выступления из Европы больших масс крестьян и горожан, собравшихся вокруг Петра Пустынника и Вальтера Неимущего (Голяка). Движение, начавшееся раньше выступления европейских феодальных ополчений, получило в исторической науке название «похода бедноты».

Аноним посвятил данному описанию только одну из 39 глав хроники¹. В центре нашего внимания будет то, какими предстают события и их участники в изложении анонимного автора.

Повествование начинается с упоминания папской проповеди («Римский апостольский престол ... начал ... проповедовать и предписывать, говоря, что если кто пожелает сохранить свою душу непорочной, то пусть не усомнится смиренно последовать путем Господа». (I, 1). После этого «галлы» выступили в поход². Хронист описал войско крестоносцев следующим образом:

«Часть франков вступила на землю Венгрии, а именно Петр Пустынник, герцог Готфрид и его брат Балдуин, а также Балдуин, граф Монса. Эти сильнейшие воины и многие другие, кого я не знаю, пошли тем путем...» (I, 2). Обращает на себя внимание упоминание Петра Пустынника в одном ряду с Готфридом Бульонским – одним из предводителей французских крестоносцев. Названные хронистом лидеры обозначены как «*potentissimi milites*», что указывает на их воинский статус. К ним анонимный автор относит и Петра Пустынника. Еще более важен для нас именно факт упоминания Анонимом Петра вместе с предводителями «похода феодалов». Автор считал отряды Петра частью ополчения северофранцузских крестоносцев.

В хронике можно найти ряд деталей, свидетельствующих, что ее автор описывал Петра, его действия и действия его войск в той же манере, что и феодалов с их ополчениями. Так, например, почти каждый предводитель в хронике обозначается автором при помощи словосочетания: для феодалов – это титул и имя («*dux Godefridus*», «*comes de Monte*»), Петра Пустынника и Вальтера Неимуцего – прозвища («*Petrus Heremita*», «*Gualterius Sinehabere*»). В «Деяниях франков» нет описания внешности, возраста, биографических данных предводителей крестоносцев. О Петре Пустыннике из труда Анонима мы также практически ничего не узнаем. Хронист почти ничего не пишет о численности и вооружении крестоносцев, как в войске Петра, так и в других отрядах. Аноним лишь указывает, что войск у Петра Пустынника было недостаточно, чтобы в одиночку вступать в «землю сарацин». Об этом, по словам хрониста, Петру сказал император Византии, советовавший подождать прибытия войск остальных предводителей (I, 2). Петр, как пишет Аноним, был первым, кто достиг Константинополя. Но автор «Деяний» ни слова не говорит о том, как складывался путь крестоносцев из Северной Франции через венгерские земли.

Прибыв в Константинополь, отряды Петра Пустынника получили по распоряжению императора Алексея Комнина продовольствие, однако принялись чинить насилия и мародерствовать в городе, вследствие чего император приказал им переправиться через Босфор. Аноним пишет: «А сами христиане вели себя негодным образом...» (I, 2). Хронист относится к описываемым «деяниям» явно негативно. При этом стоит отметить, что в дальнейшем анонимный автор будет рассказывать о том, что творили другие крестоносцы в городах, захваченных у мусульман. Там также будут описания грабежей и насилия, но это уже не будет считаться «негодным» поведением; как, впрочем, не вызовет и явно выраженной положительной оценки. Такую разницу можно объяснить тем, что действия «своих против своих» однозначно расцениваются как зло, а аналогичные действия «своих против чужих», по крайней мере, злом не считаются.

Информации о воинских качествах отрядов Петра и Вальтера в тексте нет. При этом факты мародерства дополняются сведениями о том, что дисциплина в войске Петра Пустынника была отнюдь не на высоте. Трудно было ожидать ее соблюдения от той разношерстной толпы, которую это войско собой представляло. Аноним пишет о Петре, что тот «был не в состоянии сдерживать этот пестрый народ, не желающий слушать ни его, ни его слова» (I, 2), то есть Петр обладал авторитетом проповедника, который и позволил ему увлечь массы людей на Восток, но этого авторитета оказалось явно недостаточно для руководства ими в условиях похода. Аноним упоминает даже раскол этих масс вскоре после переправы через Босфор: «Наконец, прибыли они в Никомедию, где ломбардцы (*Lombardi*), лангобарды (*Longobardi*) и германцы (*Alamanni*) отделились от франков, поскольку те были высокомерны». Мы видим здесь раскол по этническим признакам, причиной которого, по словам хрониста, явилось высокомерие «франков», то есть французов. Нельзя не отметить, что слово «франки» в данном случае употребляется Анонимом не в отношении всех вообще участников похода, а, очевидно, лишь в отношении некоторой их части. Речь идет именно о жителях Франции, которые отделяются автором от жителей германских и итальянских земель. Как бы то ни было, единства среди этих людей не существовало. Правда, Аноним упоминает, что отколовшиеся отряды выбрали себе предводителя по имени Райнольд, то есть пытались внести в свою среду элементы организованности. Но это не идет ни в какое сравнение с теми возможностями и авторитетом, какими обладали предводители рыцарских отрядов. Они именно управляли своими войсками, формулируя и отдавая им приказы, в том числе коллективные. Тем не менее, Аноним считает необходимым поведать о дальнейшей судьбе отряда Райнольда и о «франках», которых, возможно, повели далее Петр Пустынник и Вальтер Неимуцкий.

Здесь необходимо отметить особенность изложения материала в хронике. Основные события в повествовании сосредоточены вокруг различных населенных пунктов – городов и поселений, которые Аноним называет «замками». Отряд Райнольда, по словам автора, двинулся к Никее и в четырех днях пути от нее обнаружил некую «крепость, имя которой Ксеригорг (*Echegorgo*) и которая была безлюдна». Далее хронист пишет: «Они захватили эту крепость, где обнаружили достаточно хлеба, вина, мяса и обилие всех благ» (I, 2). В приведенной цитате нет прямого указания на недостаток продовольствия в отряде Райнольда, но она сама показательна. Позже, когда речь пойдет об отрядах феодалов, Аноним будет достаточно часто упоминать в качестве трофеев, захваченных крестоносцами, различные съестные припасы: пшеницу, ячмень, вино, мясо и т. д. При этом автор нередко будет до-

бавлять после перечисления «... в коих мы очень нуждались». Описывая поход отряда Райнольда и «поход феодалов», хронист отмечает потребность крестоносцев в продовольствии.

Продолжая описывать события, связанные с походом во главе с Райнольдом, Аноним говорит, что «турки» узнали о присутствии христиан в Ксеригорге и пришли, чтобы осадить это укрепление. Такое построение повествования будет встречаться в хронике и далее: христиане совершают какое-либо действие (чаще всего занимают какой-то населенный пункт), а мусульмане, узнав об этом, предпринимают некие контрмеры. Об этих контрмерах, в свою очередь, становится (или не становится) известно крестоносцам, и рано или поздно происходит столкновение.

В данном случае Райнольд, по мнению Анонима, вероятно, мог предвидеть, что «турки» придут брать крепость. Хронист пишет, что Райнольд устроил неподалеку от укрепления засаду, которая была обнаружена: «Турки, появившись в праздник Святого Михаила, нашли Райнольда и тех, кто был с ним, и убили многих из них. Другие убежали в крепость. Ее немедленно осадил турки и лишили воды тех, кто там был» (I, 2). Далее хронист описывает то, как люди пытались бороться с разразившейся жаждой: пили кровь животных, человеческую мочу, пытались впитать влагу из земли, насыпая ее на себя. Описание жестоких страданий участников похода от жажды будут встречаться в тексте и далее, например, при переходе через Малую Азию или при осаде Иерусалима.

В хронике значительная роль в успехах крестоносцев приписывается Богу и его вмешательству. Автор упоминает духовенство, которое участвовало в крестовом походе. Среди тех, кто отправился на Восток с крестоносцами, были представители клира, в том числе прелаты. Последние являлись еще и феодальными сеньорами, поэтому они вели с собой военные отряды, принимавшие участие в боевых действиях. В хронике упоминается, по крайней мере, один такой отряд. Им предводительствовал епископ Пюи, Адемар Монтейльский (он же – легат папы римского в походе). Самим клирикам было запрещено носить оружие и проливать кровь, но они вносили свой вклад в успех предприятия, поддерживая моральный дух крестоносцев в сражениях. Так было и в отряде Райнольда. Аноним отмечает, что во время осады Ксеригорга «епископы и пресвитеры ободряли наших и увещевали их не отчаиваться» (I, 2).

Но одно воодушевление вряд ли могло помочь людям Райнольда выбраться из осажденного укрепления. Более того: судя по всему, в крепости не было единства. «Предводитель алеманнов», который, вероятно, руководил отрядом либо вместе, либо вместо Райнольда, после смерти последнего, через восемь дней осады пошел на предательство. Он, по выражению хрониста «договорился с турками, что предаст своих товарищей и, делая

вид, что идет на бой, сбежал к туркам и многие вместе с ним» (I, 2). Очевидно, перебежчики открыли врагу ворота крепости, поскольку после фразы о побеге Аноним пишет: «Не пожелавшие отречься от Бога были приговорены к смерти», то есть осада больше не продолжалась ни дня. Часть христиан была убита, а «тех, кого схватили живыми, они разделили на части, словно овец» (I, 2). Участь этих людей также была плачевной: кого-то расстреляли из луков, поставив вместо мишеней, кого-то «распродавали и раздаривали, как скот». Хронист пишет: «Одни [турки. – С.А.] уводили их к себе домой в Хорасан, другие в Антиохию, третьи – в Алеппо или еще куда-нибудь, где они жили. Эти [пленники. – С.А.] первыми восприняли тогда счастливое мученичество во имя Господа Иисуса» (I, 2).

Нечто похожее произошло и с отрядами «франков», которые вели Петр Пустынный и Вальтер Неимуший. Эти люди, к которым Аноним возвращается после описания судьбы отряда Райнольда, были застигнуты врасплох турками в крепости Кивот. Она была расположена, по словам Анонима, «выше Никеи». Отряд Вальтера был уничтожен сразу, причем наверняка ночью, поскольку часть людей была убита «голыми» или «спящими». Отряд Петра был частично рассеян, частично перебит, в то время как он сам отбыл в Константинополь. Подчеркивая жестокость турок и помощь христианам от высших сил, Аноним пишет: «Турки, загнав их в крепость, собрали поленья, с тем чтобы сжечь их вместе с крепостью. Тогда христиане, бывшие в крепости, пустили огонь на собранные поленья так, что огонь, обратясь на турок, сжег некоторых из них, но от этого пламени Бог наших тогда освободил» (I, 2). Далее Аноним говорит, что христиане были все же захвачены, «как прежде, разделены на части» и уведены в различные мусульманские земли. Он уточняет также, что «все это случилось в октябре месяце»³.

Обратим внимание на особенности описания судьбы обоих отрядов, образовавшихся после раскола под Никомедией. Аноним упоминает массу мелких деталей, которые могли быть первоначально известны лишь очевидцу или участнику событий. Поскольку традиционно принято считать Анонима норманном из Южной Италии, отправившимся в поход в отряде Боэмунда Тарентского, хронист не мог быть очевидцем разгрома отрядов Петра Пустынного и Вальтера Неимушего⁴. Вероятно, Аноним получил сведения от уцелевших. Можно предположить, что крестоносцам позже удалось освободить кого-то из «уведенных в Антиохию» участников тех экспедиций. Описание поражений обоих отрядов сходно. Оба они были застигнуты в крепостях, в обоих случаях отряды были уничтожены не полностью. Часть выживших и там и там попала в плен и была либо убита, либо уведена в рабство. Хронист, не приукрашивая, называет поступок «предводителя

алеманнов» предательством, а его последователей фактически вероотступниками, поскольку те, кто не пошел за ним, «не пожелали отречься от Бога». Что случилось с теми, кто «пожелал», Анонима не интересует, перебежчики сразу исчезают из текста. Надолго, почти до конца хроники, из повествования исчез Петр Пустынник. Он появляется в ней лишь в лагере крестоносцев под Антиохией. Хотя прямого порицания за фактическое бегство Аноним Петру Пустыннику не выносит, данное автором объяснение причины отъезда также не является свидетельством одобрения. С другой стороны, те, кто погиб или был взят в плен и уведен в рабство, названы мучениками во имя Иисуса Христа. Это опять же роднит описания похода Петра и Вальтера с описанием похода феодалов, поскольку погибшие в феодальных ополчениях также будут именоваться мучениками. Например, о тех, кто погиб при осаде Никеи, Аноним пишет так: «Многие из наших приняли мученичество и, ликуя, с радостью предали свои счастливые души Богу. Также и из самого бедного народа многие умерли от голода во имя Христа. Торжествуя на небе, они приняли столу своего мученичества...» (II, 8).

Аноним не объясняет, почему были разбиты отряды Петра и Вальтера. Возможно, хронист считает постигшую их участь следствием чисто военных поражений, в которых Бог – на стороне христиан, а достойное поведение – подвиг⁵, осо-

УДК 94(44).02

«ПОЕЗДКА» СВЯТЫХ РЕЛИКВИЙ В ВОСПРИЯТИИ АББАТА ГВИБЕРТА НОЖАНСКОГО

П.Б. Донецкий

Саратовский государственный университет
E-mail: pbd86@mail.ru

В статье на конкретном материале исследуются взгляды монаха-интеллектуала на чудеса и его отношение к чудотворным свойствам реликвий. Прослеживаются функции реликвий в рубежную для понимания чудес эпоху. Исследование строится на новом, не введенном в оборот отечественной медиевистики, материале автобиографии Гвиберта Ножанского.

Ключевые слова: «Поездка» реликвий, чудо, Гвиберт Ножанский, исцеление.

«Journey» of Holy Relics in the Perception of Abbot Guibert of Nogent

P.B. Donezki

In the article the intelligent monk's opinions at the wanders and his relation to the miraculous paperties of the relics are researched. The functions of relics are tracked in the landmark for understanding the wonders of the era. The research is based on a new, not put into domestic circulation medievalism material autobiography Guibert of Nogent.

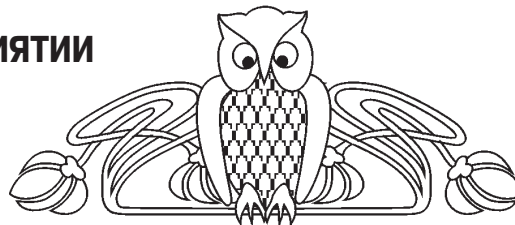
Key words: «Journey» relics, miracles, Guibert of Nogent, healing.

бенно на фоне прямого предательства некоторых участников.

Можно заключить, что хронист считал тех, кто пошел за Петром Пустынником и Вальтером Неимушим, передовым отрядом крестоносцев, который первым вступил в бой с «неверными». Этому передовому отряду уделено не так много места, как другим. Краткость описания можно объяснить недоступностью информации и общей неудачей этого предприятия. Однако автор, безусловно, считал, что описанные события достойны оказаться на страницах «Деяний франков».

Примечания

- ¹ Цит. по: Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum / ed. by Rosalind Hill (Nelson's Medieval Texts). L. ; N.Y., 1962.
- ² Описание Анонима отличается от описаний других авторов. По Гвиберту, бедняки отправились в поход раньше рыцарства (*Гвиберт Ножанский. Деяния Бога через франков. Кн. II*).
- ³ То есть в октябре 1096 года.
- ⁴ Бозмунд и его войска прибыли на территорию Византии лишь в апреле–начале мая 1097 года.
- ⁵ Несколько иной точки зрения придерживается, например, Гвиберт Ножанский. Он полагает, что уничтожение отрядов бедноты турками – это Божья кара за то зло, которое бедняки учинили в Константинополе («Деяния Бога через франков» Кн. II).

Чудеса, как знак присутствия сверхъестественного, составляли важный аспект средневекового восприятия мира. Они были тесно связаны с культом реликвий и святых, формирование которых активно шло уже в эпоху отцов церкви, в позднеантичное время. Едва ли не каждый средневековый писатель поднимал в своих сочинениях или письмах тему святых реликвий. Не прошел мимо нее и Гвиберт Ножанский (1055–1124 гг.), аббат, церковный автор, интеллектуал рубежа XI–XII вв.: его понимание чуда и отношение к реликвиям, взгляды на почитание святых нашли яркое выражение в знаменитой автобиографии «О моей жизни» (1114–1115 гг.), ставшей основным источником для данной статьи.

Оценки, которые даются взглядам Гвиберта на чудеса и реликвии, в исследовательской литературе противоречивы. А. Лефран (1896 г.) в свое время увидел в нем «нового человека», который «первым пытался дать целостный обзор, систематичный и

рациональный, вопросам культа святых и их мощей»¹. В том же духе его затем оценивали Б. Ландри, Ч. Хаскинс, Бентон, а М. Блок отзывался об уме Гвиберта как «довольно остром и редкостном для XII в.». Напротив, медиевист советского времени О.Л. Вайнштейн называл Гвиберта «типичным» средневековым человеком, для которого разные чудеса играют большую роль². Свидетельства автобиографии позволяют внести уточнения в эти оценки, прорисовать позицию Гвиберта в контексте эпохи и конкретного события.

Одним из ключевых сюжетов для статьи стал рассказ Гвиберта Ножанского о «путешествии» реликвий в первые годы XII в. в Англию³. Этот сюжет отчасти рассмотрен в недавнем труде Ярроу⁴ (2006). Он выявил, что путешествия с реликвиями на севере Франции известны с конца XI в.; обычно они совершались в пределах местного церковного округа (диоцеза). В центре внимания автора оказалась проблема частотности подобных передвижений и цели этого; мировосприятия Гвиберта он почти не касается.

Обратимся к источнику. Гвиберт сообщает о нескольких поездках монахов с ланскими реликвиями по Франции и об одной – по южной Англии, т.е. о более масштабных путешествиях. Судя по его рассказу, для ланского духовенства подобные «предприятия» стали в начале XII в. обычным делом. Ряд поездок духовенство Лана совершает в 1112 г. ввиду того, что церковь в городе была разрушена во время знаменитого восстания горожан, добивавшихся коммуны, и требовались значительные средства для восстановления собора. Поездки совершались в Турень, Анже (Andegavensi), замок Нейе (Nelle). Гвиберт пишет: «Между тем, в соответствии с обычаем просить денег, святые реликвии (sanctorum reliquiae) отправились. И так произошло, что Милостивый Судья явил множество чудес (miracula) в пути»⁵. Итак, целью поездки был сбор подношений и пожертвований, дарений реликвиям от верующих. Такое использование святынь в глазах Гвиберта – вполне богоугодное дело. Жак Ле Гофф анализирует три латинских слова-определения чудесного, использовавшихся средневековыми авторами⁶: mirabilis, magicus, miraculous, указывая, что каждое из них имело особый смысл. Нас в большей степени интересует «miraculous» (или «miracula», как у Гвиберта), т.е. чудо христианское, чудесное.

Гвиберт с большим почтением пишет о реликвиях: «Их возили в шкатулке, в которой содержались кусочек одежды Девы Марии и губка, поднесенная к губам Спасителя, и часть Его креста, и, я полагаю, немного волос святой Девы. Шкатулка была сделана из золота и драгоценных камней, и на ней по золоту написаны стихи, рассказывающие о том, что в ней»⁷. Трудно найти реликвии, которые были бы почитаемы в христианском мире более, чем связанные с Христом и Девой Марией. В описании всех чудес главная роль Гвибертом отводится именно Деве Марии, чей культ, как выявлено, получает широкое распространение в то

время и находит отражение, как в литературе, так и в искусстве. Для Гвиберта Ножанского это была особая тема: он стал аббатом монастыря, посвященного Деве Марии; добавим, еще при рождении родители *посвятили* его служению Богоматери. Гвиберт заканчивает свой рассказ заключением, что имели место многочисленные чудеса: «Здесь тоже наша Госпожа прославила себя и своего Божественного сына, совершая эти дары природы, в которых до сих пор было отказано»⁸. Речь идет больше всего о чудесах исцеления.

Вскоре после этих поездок монахи отправились в Англию. Татлок на основе сведений Германа Ланского пишет, что они отбыли в понедельник перед Вербным Воскресением, т.е. в первый день апреля, а вернулись 6 сентября 1113 г., пробыв за Ла-Маншем почти полгода. У Гвиберта мы не находим указаний на время, описания всех чудес. Он пишет: «Позвольте мне пропустить обычные исцеления болезней и коснуться лишь необыкновенных случаев»⁹. В путь отправились 9 человек, которых выбрали за ученость, умение петь и познания. Сам Гвиберт в этой поездке участия не принимал. Но он часто бывал в Лане, общался с духовными лицами и знал о поездке из их уст. Он начинает свой рассказ так: «Они решились на путешествие за границу: проехали до океанского пролива и нашли богатых купцов с флотом для поездки. Они отплыли удачно, как только погода позволила. Но затем они увидели корабли жестоких пиратов (piratarum), идущие им навстречу... Перевозчики (portitores) реликвий были ужасно встревожены их появлением. Один из священников поднял шкатулку, в которой находились реликвии Небесной Царицы, и заклинал врагов не подходить во имя Св. Сына и Его Матери. Тут же команда на судне пиратов развернула назад столь же стремительно, как мчала вперед. Все на судне прославляли реликвии, купцы поднесли много даров Марии»¹⁰. Гвиберт рассказывает о новом проявлении чуда: реликвии стали защитой монахов и остальных участников поездки. Но, как и в случаях исцелений, в чуде участвует священник.

Гвиберт упоминает о том, что путешественники посетили Винчестер, Экстер, везде происходили чудеса, но он обращает внимание только на один случай. Встретилось поселение, в котором они не были пущены ни к священнику в церковь, ни в дома к людям. «Два дома они обнаружили без обитателей и один из них обустроили для святых реликвий... На следующий день священники, едва покинув место, увидели молнию, сопровождающуюся ужасным громом; она ударила в поселение, которое сгорело дотла. И, о чудо сделано Господом: те два дома остались стоять посреди пепелища невредимыми; они являлись явным доказательством, что эти несчастные пострадали от огня за непочтительность к Божьей Матери. Все их имущество было уничтожено молнией. Жители этой страны пониманию тайны Божьей учились на своем наказании»¹¹.

Ни в первом, ни во втором случае Гвиберт не высказывает ни малейшего сомнения в реальности случившегося. Более того, второй пример включен с явно назидательной целью, чтобы указать на неизбежность наказания за пренебрежение к реликвиям и, следовательно, «неуважение» к Деве Марии. Чудесное в данном случае суть кара, наказание.

Очень колоритен последний пример, который приводит Гвиберт, передавая диалог двух англичан. Реликвии прибыли в другой город, их внесли в некую церковь. «Один из англичан, стоя против церкви, сказал своему приятелю: “Пойдем, выпьем”. Тот ответил: “У меня нет денег”, но первый успокоил: “Я достану немного”. “Как ты это сделаешь?”. “Я думаю, – сказал первый, – что возьму их у этих священников (clerigos), которые своей ложью и трюками забирают так много денег у глупых людей. Я ухитрюсь каким-либо способом достать у них на выпивку”. Сказав это, он вошел в церковь и пошел к месту, где находились реликвии; там сделал вид, что хочет поцеловать их, наклонился и всосал в рот несколько монет. Потом вернулся к другу и сказал: “Пойдем, выпьем, у нас достаточно денег”. “Ты поступил плохо, – сказал другой, – взяв их из пожертвований”. “Замолчи”, – сказал тот и направился в ближайшую таверну». Затем наступает развязка: «Не буду много говорить. Они пили, пока солнце не опустилось за океан. Когда наступил вечер, тот, который украл деньги у святого алтаря, сел на лошадь, сказав, что отбывает домой. Но достигнув ближайшего дерева, он свил петлю и повесился. Так и умер ужасной смертью, заплатив штраф за кощунственные губы»¹².

Несложно увидеть, что Гвиберт как умелый рассказчик наращивает драматизм от примера к примеру. Дерево не могло не напомнить всякому верующему о судьбе Иуды, предавшего Христа за сребренники, и затем повесившегося на осине. Наш аббат ставит в один ряд преступление против Христа и против реликвий, связанных с ним и с его Святой матерью. Собственно, даже не против реликвий, а против тех, кто занимался сбором пожертвований, против воровства в церкви. Заметим, что наказание, в отличие от чудес исцеления или избавления от опасностей, проходит без участия духовенства.

Мы видим, что чудотворная сила святынь не прикрепляется к определенному месту, ей наделены предметы, которые при перемещении не теряют ее. Тем самым верующему указывается: для того чтобы исцелиться, не обязательно совершать паломничество к дальним святым местам, реликвии могут сами прибыть в твой город, надо только верить, покаяться в грехах, отблагодарить. Гвиберт рисует чудеса нескольких видов: исцеление, облегчение страданий, спасение от опасностей, наказание за проступки против веры или реликвий. Творцами чуда выступают Бог или Дева Мария (которую такой силой наделил Бог): «Посмотрите, какую власть Он даровал Марии», – не один раз восклицает хронист. Сами чудеса в повествовании

Гвиберта достаточно быстро становятся «предсказуемыми»: они случаются там, где возникает ситуация (болезнь, опасность, осквернение святынь); читатель уже представляет, что произойдет, чудо ожидается, и это ожидание оправдывается. Очевидно, для средневекового восприятия чуда таковое остается одним из самых существенных моментов, что не упускает из виду Гвиберт-рассказчик.

Б. Уорд и С. Ярроу выделяют два периода в истории культа реликвий: традиционный (до XII в.) и «новый» (с XII в.)¹³. Они отмечают, что до XII в. святой выступает как покровитель «своих» людей: помогает тем, кто его почитает, и отмщает тем, кто каким-то образом «обижает» хранителей святынь. Реликвии и их функции остаются связанными с местным сообществом. В «новый» период святые все реже выступают как защитники или мстители и все чаще как целители. На наш взгляд, Гвиберт – автор переходного этапа не только хронологически, но и по взглядам. С одной стороны, «защитная» роль и функция «мести» остаются главными в его рассказе, с другой – теряется особая, тесная связь с местным сообществом, чудеса раздвигают границы, при этом все больше проявляются в исцелениях.

Кроме того, автобиография не позволяет сделать вывод о рационалистических основаниях его подхода к чудесам, хотя их симптомы проступают в теологических сочинениях аббата.

Примечания

- ¹ *Lefrane A.* La traite des reliques de Guibert de Nogent et les commencements de la critique historique au moyen age // *Etudes de histoire du moyen age dediees a Gabriel Monod.* Paris, 1896. P. 285–306.
- ² *Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 150.
- ³ См.: *Guibertus abbas de Novigento. De vita sua sive Monodiarum, libri III // Patrologia Latina.* Т. 156. Col. 937–942.
- ⁴ См.: *Yarrow S.* Saints and their communities: miracle stories in twelfth century England. Oxford, 2006. В свое время Татлок в статье «Английское путешествие Ланских каноников» обратил внимание на данные более поздней хроники, написанной Германом Ланским. Она позволила автору восстановить путь следования монахов с реликвиями и определить время этого события. См.: *Tatlock J.S.P.* The English Journey of the Laon Canons // *Speculum.* Vol. 8, № 4. P. 454–465.
- ⁵ *Guibertus abbas de Novigento. De vita sua.* Col. 938.
- ⁶ См.: *Ле Гофф Ж.* Чудесное на средневековом западе // *Средневековый мир воображаемого.* М., 2001. С. 46.
- ⁷ *Guibertus abbas de Novigento. De vita sua.* Col. 938.
- ⁸ *Ibid.*
- ⁹ *Ibid.* Col. 940.
- ¹⁰ *Ibid.*
- ¹¹ *Ibid.*
- ¹² См.: *Guibertus abbas de Novigento.* Col. 941.
- ¹³ См.: *Ward B.* Miracles and the medieval mind. L., 1982; *Yarrow S.* *Op. cit.*

УДК 930.1

АНГЛИЙСКИЙ ИСТОРИК Д. НИКОЛЬ О ВООРУЖЕНИИ ВОИНОВ ВИЗАНТИИ (историография вопроса)

В.О. Шпаковский

Пензенский государственный университет
E-mail: slavashpak1@mail.ru

В статье рассматриваются оружие и доспехи воинов Византии так, как они представлены известным английским историком Дэвидом Николем.

Ключевые слова: Византия, Средние века, доспехи, оружие, историография.

English Historian D. Nicolle about the Warriors of Byzantine, theirs Arms and Armour (Historiography of the Problem)

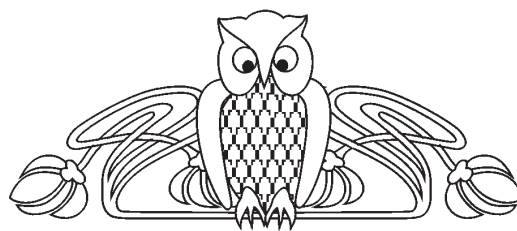
V.O. Shpakovsky

The arms and armour of the Byzantine warriors are studied in the article as it was shown by David Nicolle, a well known English historian of medieval history.

Key words: Byzantine, Middle ages, armour, arms, historiography.

Дэвид Николь, профессор Ноттингемского университета медиевистики и автор впечатляющего списка работ по истории средневекового вооружения, целый ряд которых он посвятил также и Византии, вернее, оружию и доспехам византийских воинов различных эпох, вплоть до ее окончательного краха в 1453 году. Вслед за другим английским историком Боссом Роу он замечает, что главная причина военных успехов Византии – это ее выгодное географическое положение, позволившее ей выиграть целый ряд войн против варваров¹. Именно оно и позволило «империи ромеев» на протяжении многих веков аккумулировать военные достижения многих народов и выдерживать непрерывные удары завоевателей. Так, в конце IV в. н.э. оружие в Византии выпускалось на 44 государственных предприятиях², причем все самое лучшее вооружение ее противников быстро перенималось. Например, здесь стали использовать гуннские сложносоставные луки, а также колчаны степного, либо сасанидского образца, крепившиеся или у седла (в соответствии с иранской традицией), либо на поясе как у тюркских кочевников. От аваров византийцы переняли петли в центре древа копья, позволявшие удерживать его на запястье всадника, и жесткие седла с деревянной основой, при этом именно в Византии их адаптация завершилась уже в начале VII века³.

Соответственно, как указывает Д. Николь в другой своей работе, «египетские и сирийские армии были очень близки по своему вооружению

к византийцам, с которыми постоянно воевали»⁴, причем арбалет-маджра, по его мнению, был известен арабам уже в IX веке⁵.

Чтобы предохранить себя от стрел, всадники Византии, которых по традиции продолжали называть катафрактами, носили длинные панцири из металлических пластин, нашивавшихся на кожаную, либо матерчатую основу с рукавами до локтей. Нередко такой панцирь надевался поверх традиционной кольчуги. Забрало на сфероконических шлемах, нередко с пластинчатými наушниками, у византийцев отсутствовало, однако его заменял кольчужный подшлемник из двух-трех слоев кольчужного плетения, оставлявший незащищенными только глаза. Щиты использовались и традиционно византийские (каплевидные – в виде «перевернутой капли»), и небольшие круглые, восточного образца, отчасти похожие на рыцарские рондаши и тарчи более позднего времени.

Кольчужный хауберк у византийцев назывался заба или лорикион, а кольчужный подшлемник – скаппион – служил к нему дополнением. Шлем должен иметь бармицу или, как его называют византийские источники, перитрачелион, на основе из ткани и украшенный бахромой, а также плюмаж.

Что касается веса подобных доспехов, то, например, Д. Николь, ссылаясь на малоизвестный источник 615 г., описывает один из лорикионов как «трехслойный панцирь» весом 25 кг. Более легкие доспехи, в частности ламеллярные панцири, выделялись из кожи. Кентуклон представлял разновидность «стеганой брони» для всадников, а также лошадей, в то время как такой же стеганый кабадион чаще всего использовался на церемониях. Камелакион – стеганый капюшон (скорее всего, это была просто стеганая шапка, одевавшаяся на шлем), носили вместе с эпилюрикионом – простеганным кафтаном, который всадники одевали поверх своих металлических доспехов⁶.

Характерной особенностью конницы катафрактариев являлись конские доспехи, которые были не только стегаными или склеенными из 2–3 слоев войлока, но и представляли собой настоящие панцири из костных или же металлических пластинок, нашивавшихся на тканевую либо кожаную основу, да еще и соединявшихся между собой. Благодаря этому кони тяжеловооруженных всадников Византии обладали круговой защитой от стрел или, по крайней мере, имели ее спере-

ди. К наиболее тяжеловооруженным всадникам относились так называемые клибанофоросы, надевавшие пластинчатые панцири-клибанионы поверх кольчужного хауберка, но под простеганный эпилорикион⁷.

Некоторые из них имели горловое прикрытие в виде набитого шерстью стеганого горжета, называвшегося страггулион, заимствованного, как полагают, у аваров, в то время как наиболее привилегированная часть из них – букелларии – имела еще и защитные наручники. Пехота византийцев в основном носила кольчуги римского образца и очень часто довольствовалась все лишь легким шлемом и щитом – скутой, по названию которого пехотинцев называли скутатосы («щитоносцы»).

Вооружением всадника служило длинное, до 4 м, копье – контарион (причем длина копий пехоты могла достигать и 5 м); прямой меч спатион – явный наследник римской спаты, такая же прямая однолезвийная протосабля – парамерион, известная также в Центральной Азии и Сибири. Носили их на плечевой перевязи в традициях Востока значительно чаще, нежели на перевязи у пояса, как это было больше распространено в Европе⁸.

На поле боя клибанофоросы, так же, как и рыцари Европы, выстраивались «свиньей», т.е. клином, таким образом, чтобы в первом ряду было двадцать воинов, во втором – двадцать четыре, и в каждом последующем – на четыре всадника больше, чем в предыдущем. На 300 копейщиков приходилось 80 конных лучников, несколько более легковооруженных, а в подразделении из 500 воинов их могло быть 150⁹.

Распространению византийского оружия помогало и то, что оно производилось в очень больших количествах. Например, в 949 г. только два государственных «предприятия» произвели 500 тысяч наконечников для стрел, 4 тысячи шипов для ловушек, 200 пар латных перчаток, 3 тысячи мечей, щитов и копий, а также 240 тысяч легких и 4 тысячи тяжелых стрел для разного рода метательных машин¹⁰.

При этом византийское влияние проявилось и в особенностях военного снаряжения на норманском юге, прежде всего, в использовании тамошним воинством пластинчатых доспехов в XI–XII вв.¹¹ По мнению Николая, можно говорить об общеевропейском влиянии Византии в качестве законодателя «военных мод». Поскольку в ее армии в качестве наемников служили представители самых разных народов, включая выходцев из Скандинавии¹², Руси¹³ и многих других стран Запада, которые по возвращении на родину приносили с собой образцы византийских доспехов и оружия. При этом в самой Византии, судя по иконографическим памятникам, одновременно в ходу были самые разные виды вооружения: круглые и каплевидные щиты (конец XII – начало XIII в.)¹⁴, мечи и сабли, а также типичные шлемы «шпель-де-фер», относящиеся в 1295 году¹⁵.

Д. Николь отмечает, что византийцы начали использовать каплеобразные щиты со срезанной верхней полукруглой частью, что нашло отражение в византийской иконописи, а также в изображениях на многочисленных фресках¹⁶. Однако в целом, если судить по изображениям воинов с манускриптов, доспехами византийских воинов уже в начале XIII в. являлись вполне европейского вида хауберк, кольчужные рукавицы и капюшон (авентайл), а также шоссы¹⁷.

А вот полностью закрывавшие лицо шлемы, подобные западноевропейским, судя по иконографическим источникам, которые в своей энциклопедической по объему работе «Оружие и доспехи эпохи Крестовых походов», 1050–1350 («Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350»), у византийцев отсутствовали, скорее всего, потому, что их всадники, в отличие от рыцарей-европейцев, не брезговали стрелять из лука с коня, причем делали это не только наемники-гуркопулы, но и представители византийской знати¹⁸.

В дальнейшем, а именно в XV в., Византия стала страной, комплектовавшей свою армию наемниками практически отовсюду. И хотя Д. Николь, например, считает, что в целом характер вооружения византийцев этого периода все еще остается неясным, наиболее хорошо вооруженные части в коннице так называемых страдиотов носили полное рыцарское вооружение¹⁹.

Оттоманские источники, которые он широко привлекает, отмечает, что конница христианских армий, причем не только крестоносцев с Запада, но и своя местная – византийская и сербская – была «облачена в голубоватую сталь», что явно подразумевает использование пластинчатых полированных доспехов. Турецкие наблюдатели сообщали, что всадники выступали на бронированных конях, имели массивные копья, латные перчатки, пластинчатые латы на ногах и руках, а на голове – шлемы. Другие источники, по мнению Д. Николая, как письменные, так и изобразительные, дают все основания утверждать, что эти доспехи соответствовали, скорее, итальянскому или даже испано-каталонскому стилю, нежели тем образцам, которыми пользовались турки.

В то же время существовали и определенные местные отличия. Так, европейские латники имели в основном шлемы с забралом, а византийские или балканские предпочитали открытые шлемы типа барбют и салат. Кстати, страдиоты, набравшиеся на службу Венецианской республикой на Балканском полуострове, имели небольшие щиты-тарчи даже тогда, когда от боевых рыцарских щитов в Европе уже практически отказались, а если где-то и использовали, то только на турнирах или же в качестве парадной принадлежности. Другим элементом местного воинского доспеха, как отмечает Д. Николь, стала постоянно изображавшаяся на итальянских картинах XV–XVI вв. «капеллетто албанезе», или «албанская военная шляпа» (аналог французской «шпель де фер»),

видимо, настолько популярная среди балканских страдиотов, что она удостоилась даже специфического собственного названия²⁰.

Те из византийских и балканских конников, кто не имел металлической брони, носили стеганую одежду, нередко покрытую шелком, которая при этом могла скрывать металлические защитные элементы военного костюма. Точно так же, как в Италии, где всадническое «копье» состояло из трех человек: двух латников и одного паж. Похожую организацию имела и конница страдиотов. В Италии первый латник носил более тяжелое вооружение и считался главной ударной силой, второй был оруженосцем, но, несмотря на более легкий доспех, тоже относился к тяжеловооруженным всадникам, тогда как паж на поле боя играл лишь вспомогательную роль. В Византии первый кавалерист имел кирасу и латы, его «сквайр» (помощник-слуга) мог иметь кольчужные доспехи, и даже простой «войник» (воин) мог надеяться получить защитную броню²¹.

Естественно, что после завоевания Константинополя турками их влияние, в том числе и в отношении вооружения всадников и пехотинцев, проявилось на Балканах особенно сильно. Тех же страдиотов, нанятых на службу в армии европейских государств, описывают уже «одетыми как турки», и вооружение у них было соответствующее, хотя восточных тюрбанов они и не носили²².

Примечания

¹ См.: *Boss R.* Justinian's wars. L.: Montvert, 1993. P. 72.

УДК 94(47).043+303.44]6.4(44)+929[Левек+Иван Грозный]

П.-Ш. ЛЕВЕК ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Э.В. Ильиченко

Саратовский государственный университет
E-mail: coursistca@rambler.ru

В центре внимания автора – освещение правления Ивана IV Грозного П.-Ш. Левеком на страницах его «Российской истории». Левек стал первым из французских историков, кто попытался не только дать критическую оценку эпохи, но и объективно взглянуть на личность русского самодержца XVI века.

Ключевые слова: Иван IV, П.-Ш. Левек, М.М. Щербатов, самодержавие, Россия, Просвещение.

P.-Sh. Leveque about Ivan the Terrible

E.V. Ilichenko

The author focuses on the lighting the reign of Ivan IV the Terrible by P.-Sh. Leveque on the pages of his «Russian History». Leveque was the first of the French historians who have tried to not only to give a critical assessment of the era, but also have tried to make an objective look at on the personality of the Russian autocrat of the XVI century.

² См.: *Nicolle D.* Warfare and technology // *Medieval world*. 1992. May/June. P. 49.

³ *Ibid.* P. 49.

⁴ См.: *Nicolle D.* Romano-Byzantine armies 4th–9th centuries. L.: Osprey (Men-at-arms series № 247), 1992. P. 45.

⁵ *Ibid.* P. 46.

⁶ См.: *Nicolle D.* Yarmuk 636 AD. L.: Osprey (Campaign series № 31). 1994. P. 30–31.

⁷ См.: *Nicolle D.* Romano-Byzantine armies... P. 24–25.

⁸ См.: *Nicolle D.* Warfare and technology... P. 53.

⁹ См.: *Nicolle D.* Romano-Byzantine armies... P. 26.

¹⁰ См.: *Nicolle D.* Warfare and technology... P. 54.

¹¹ См.: *Гравемт К., Николь Д.* Норманны. Рыцари и завоеватели / пер. с англ. А. Колина. М., 2007. С. 59.

¹² См., например: *Nicolle D.* Romano-Byzantine armies... P. 48.

¹³ См.: *Nicolle D.* Armies of Medieval Russia 750–1250. Oxford: Osprey (Men-at-arms series № 333), 1999. 48 p.

¹⁴ См.: *Nicolle D.* Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350. L.: Greenhil Books, 1999. Vol. 1, 2. Vol. 2. P. 41, 359.

¹⁵ *Ibid.* P. 44, 361.

¹⁶ *Ibid.* P. 44, 362, 364.

¹⁷ *Ibid.* P. 48, 364.

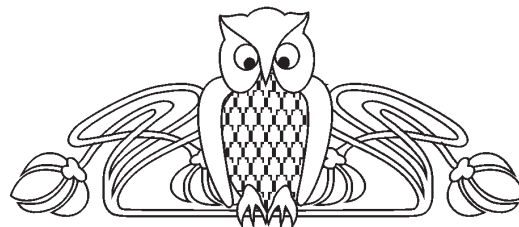
¹⁸ *Ibid.* P. 33, 351.

¹⁹ См.: *Nicolle D.* Last Roman elite // *Military illustrated*. 1999. № 134. P. 34.

²⁰ *Ibid.* P. 35.

²¹ *Ibid.* P. 36.

²² См.: *Nicolle D.* Hungry and the fall of Eastern Europe 1000–1568. L.: Osprey (Men-at-arms series № 195), 1988. 48 p.

Key words: Ivan IV, P.-Sh. Leveque, M.M. Shcherbatov, autocracy, Russia, enlightenment

П.-Ш. Левек – французский ученый эпохи Просвещения, его «Российская история» – фундаментальный труд, ставший классическим уже при жизни автора и положивший начало научному изучению русской истории во Франции.

Левек был первым из французских авторов, кто подошел к рассмотрению эпохи царствования Ивана Грозного с серьезным намерением ее объективного исследования с использованием первоисточников, русских и иностранных свидетельств. Левек был одним из немногих, кто попытался отойти от преобладавших в европейской литературе XVIII в. однозначных характеристик русского средневекового общества как царства «тирании»,

«гнусного рабства», «жестокости» и т.п. Французский историк стремился вникнуть в реальное положение дел в средневековой Руси и объяснить причины складывания стереотипов и негативных образов во взглядах на эту эпоху. Оценка деятельности Ивана IV представляла для автора большой интерес и одновременно сложность.

Критичный в своих выводах, П.-Ш. Левек постарался привлечь обширный комплекс источников и представить перед читателями личность Ивана IV и его деятельность во всей их сложности и неоднозначности¹.

Среди основных источников, использованных Левеком при воссоздании времени правления Ивана IV, фигурировали переписка царя с князем Курбским², «Книга Степенная», «Царственная книга», а также упоминались «польские источники». Особое место заняли иностранные сочинения, среди которых «Описание Московии» А. Гваньини, «Записки о московитских делах» С. Герберштейна, «Московия» А. Поссевино, труды С. Пуфендорфа, П. Одерборна. Кроме того, Левек обращался к документальным изданиям (среди них «Судебник» Ивана Грозного)³. Французский автор подробно ознакомился с «Казанской историей» и «Введением к Астраханской топографии» П.И. Рычкова, привлекал публикации «Древней Российской Вивлиофики» Н.И. Новикова и «Ежемесячные сочинения» Г.Ф. Миллера⁴.

В «Российской истории» Левека полные ссылки на использованные источники иногда заменялись лишь упоминанием имени автора или первым словом названия труда. В частности, не ясно, каким именно документом пользовался Левек, оставляя на полях лишь краткую ссылку – «князь Курбский».

В соответствующей характеристике источника по «Каталогу книг» Левека фигурирует «*Описание князя Курбского (история царя Ивана Васильевича, написанная князем Курбским)*». Судя по характеристике, данное наименование подразумевало два источника: «Историю о великом князе Московском» и переписку князя Курбского с Иваном Грозным⁵.

«Историей» Курбского Левек пользовался при воссоздании сюжетов юности Ивана IV и начального периода его царствования⁶ (эти сведения не могли быть почерпнуты из переписки). Вероятно, Левек понимал пропагандистское значение этого труда и обращался к этому источнику лишь для реконструкции тех ситуаций, в которых проявился нрав самодержца. Возможно, французский автор хотел познакомить читателей с формированием характера Ивана Васильевича, в котором уживались две противоположных личности.

Что касается «Посланий»⁷, Левек очень ценил этот источник, характеризуя его как «исключительный рукописный памятник»⁸. Большим плюсом в глазах Левека было то, что сам Курбский – «свидетель большей части деяний, о которых повествует», а его корреспондент – главное дей-

ствующее лицо изложенных событий. Внимание Левека в этой переписке привлекла и позиция самого царя, «не гнушавшегося отвечать своему корреспонденту, не отрицавшего деяний, которые ему вменялись. В свое оправдание он приводил ответные претензии, опротестовывая описанные сюжеты»⁹.

Первым, кто обратил внимание на переписку Курбского и Ивана Грозного, был князь М.М. Щербатов¹⁰. Князь содействовал французским авторам, в частности, П.-Ш. Левеку и Н.Г. Леклерку, снабжая их материалами по российской истории, поэтому Левек активно использовал эти источники.

«История о великом князе Московском» и переписка Курбского с Иваном IV, представляющие нам главных действующих лиц и события эпохи, уже в XVIII в. привлекали внимание историков. Но в дальнейшем, когда «История Российская» Щербатова, как и «История» Левека, подверглись критике со стороны И.Н. Болтина и были дискредитированы в глазах русских читателей, критическое рассмотрение времени правления Ивана IV было отложено в русской историографии вплоть до Н.М. Карамзина. Во втором издании сочинений князя Курбского (1842) мы встречаем следующие слова издателя Н.Г. Устрялова: «До появления в свет IX тома “Истории государства Российского”, у нас признавали Иоанна Государем великим; видели в нем завоевателя трех царств и еще более мудрого, попечительного законодателя. Знали, что он был жестокосерд, но только по темным преданиям, и отчасти извиняли его во многих делах, считая их необходимыми для утверждения благодетельного самодержавия. Сам Петр Великий хотел оправдать его. Это мнение поколебал Карамзин»¹¹.

Карамзин, как и предшествовавшие ему Левек и Щербатов вместе с «Перепиской»¹² активно использовал «Историю» Курбского¹³. Не являясь первооткрывателем означенных источников, он не плутал, как иногда Щербатов, в их известиях. Идя по проторенной дороге, Карамзин стал, таким образом, вторым русским историком, использовавшим те же самые материалы. В этой связи, опровергая Н. Устрялова, можно заключить, что первыми развеять стереотипные представления о фигуре Ивана IV пытались именно Левек и Щербатов.

Среди обширного комплекса источников не последнее место в критическом представлении внутренней политики Ивана Грозного на страницах «Истории» Левека заняли свидетельства иностранных авторов, в основном тех, кто лично побывал в России в правление этого государя. Многие из этих сочинений использовались Левеком параллельно со свидетельствами Курбского. Среди них «Описание Московии» А. Гваньини¹⁴, «автора, сообщавшего подробности бесчинств царя Ивана Васильевича, ... знакомого с хроникой князя Курбского, из которой перевел некоторые

отрывки»¹⁵. Гваньини интересовал широкий круг вопросов: введение опричнины, уничтожение политических противников государя, описание русских городов и владений, религиозные обряды, обычаи и нравы жителей. Левек предположил, что автор «смог получить много подробностей от русских, которые рассказывали в Польше о жестокости их правителя, и, возможно, общался с самим князем Курбским»¹⁶. Зная это, можно допустить, что Гваньини находился под влиянием суждений Курбского. Иногда Левек, приводя ссылки на полях, отсылал читателя сразу к обоим авторам, сравнивая их сообщения.

Отдельно французский историк отметил «Записки» Сигизмунда Герберштейна, которые, по его словам, «были качественнее всего, написанного впоследствии, в XVI веке, иноземцами о России на латинском языке»¹⁷.

Среди иностранных памятников резко тенденциозного характера отмечен Левеком труд П. Одерборна «История жизни Ивана Васильевича», о котором было сказано: «это скорее жестокое выступление против царя, чем история о нём. В произведении царит великий беспорядок, и этот недостаток не восполнен точностью фактов»¹⁸.

Остается открытым вопрос о первенстве введения в научный оборот переписки князя Курбского, а также ряда иностранных сочинений, таких как «Московское описание» Гваньини и «История» Одерборна. А.А. Зимин оставлял первенство за Карамзиным¹⁹. В то время как уже Щербатов (1789), использовавший Курбского, обращался к труду Левека²⁰ (1782), который также ссылался на Гваньини и Одерборна.

У Щербатова и Левека можно найти сходные суждения о роли личности в историческом развитии, о монархе, направляющем судьбы народов. Оба сходились на том, что творцом истории является монарх. Но не всегда его влияние на судьбу народа было положительным фактором. В особенности, когда монарх устраивал бессмысленные массовые казни или, «следуя своим капризам», даровал титулы или отнимал их вместе с жизнью. Левек находил подтверждение своим мыслям у князя Курбского, «который хорошо знал своих сограждан», и приходил к заключению, что «традиции народа требовали подобного правительства»²¹. Как писал Левек, вокруг царя были рабские нравы: «Представители знати, дворяне, зачастую при небольшой провинности безжалостно получали удары кнута на глазах царя, и после подобных наказаний, падая ниц к его ногам, говорили “Живите и счастливо царствуйте”...»²².

Кратко изложив события начального периода правления Ивана IV, Левек более подробно писал о субъективных факторах, которые повлияли на изменение вектора внутренней политики Ивана Грозного. Но французский автор не замыкался на трактовке опричнины как результата действия только психологических факторов – «ужасной

перемены в душе царя», произошедшей после смерти его первой жены Анастасии и заговоров, существовавших «единственно в смутном уме царя», как это позднее отмечалось у Карамзина. Три главные составляющие, по мнению Левека, способствовали появлению опричнины: личные качества царя, влияние его близкого окружения и состояние русского общества того периода.

Левек рассуждал, как истинный представитель французского Просвещения, что для общества, где рабство было нормой, и люди осознавали себя рабами, «опричнина» была закономерным явлением. «Такие люди должны были сделать из своих князей тиранов. Иван им был. Мы увидели доказательства его жестокости в обращении с теми, кого он подверг испытаньям, – жителями Новгорода и Твери, а позднее – знатью, которую он подозревал в измене»²³.

Возможно, историку приходила мысль, что для такого состояния общества была необходима сильная и властная рука, способная управлять непросвещенным народом, отягощенным многими суевериями и предрассудками. Но методы, применяемые Иваном Грозным, не imponировали Левеку.

Левек приходил к выводу: «Никогда никакой правитель не распространял настолько свою власть ... Когда ему подавали прошения, он напыщенно отвечал: *Я это сделаю, если бог повелит*. Всегда он, казалось, действовал по вдохновению, и смог убедить народ, что любые его деяния были предписаны небом. Как бы плохо, безумно и неосмотрительно он ни действовал, поступки его почитали за святость... Возможно, его господство проистекало от русского обычая говорить, когда они не знали чего-то: *Бог это знает и Царь*. Он жестоко карал за серьезные проступки, он применял бесчестье, наказывая за мелкие оплошности»²⁴.

Тяжелый характер царя Ивана отразился не только на судьбах подданных, но и привел к трагедии внутри его собственной семьи – убийству собственного сына. Левек объяснял эту драму подозрениями царя по поводу готовящегося заговора в пользу его сына; царь не сдерживал своего возмущения и «заставил умертвить как заговорщиков, так, главным образом, тех, кто ему высказал неосторожные суждения. Царевич... попытался оправдываться и бросился к ногам своего отца. Но Иван нанес ему удар, от которого молодой принц умер по истечении четырех дней»²⁵.

Ссылаясь на князя Курбского, знавшего государя с юных лет, Левек писал: «Царь хладнокровно совершал такие ужасы, которые диктовались излишками его жестокости, оживленными ненавистью или подозрительностью! Русские по своей природе склонны к злословию друг на друга; и Царь использовал против них этот недостаток; напрасные пересуды, которые он слышал или о которых ему сообщили, служили поводами губить людей, ненавистных ему или подозритель-

ных»²⁶. Таким образом, Левек находил определенные объективные основания поведения царя в обычаях и нравах русского народа.

Еще одним элементом, способствовавшим проведению репрессивной политики Ивана Грозного, Левек считал влияние окружения царя – «опричников, которые постоянно ... провоцировали его жестокость»²⁷.

Во многом вина за свершенные преступления эпохи опричнины была возложена Левеком на самих опричников: «весьма искусные в использовании слабостей своего господина, ... они искали случая преумножить его недоверие, сочиняли все новые и новые заговоры, побуждая его подозревать подданных самых наивернейших, а в награду за эти отвратительные услуги делили между собой имущество жертв, на которых сами же указали»²⁸. Если Карамзин видел в опричниках лишь «отряд личных телохранителей» государя²⁹, то Левек высказал мысль, которая окажется плодотворной для российской историографии: «Опричники были началом новых дворян, происхождение которых всё еще не забыто»³⁰. Французский историк выделял «посредственное происхождение» опричников, по причине которого им было запрещено родниться с известными семьями. Именно «неясность происхождения, – продолжал Левек, – сопровождавшаяся естественной ненавистью к представителям родовой знати, была использована Иваном IV в качестве инструмента его реакционной политики»³¹.

Итак, историк видел в опричниках представителей нового привилегированного слоя, противопоставленного старой аристократии.

Именно опричники, по мнению Левека, преподнес царю версию заговора, которой тот «не преминул воспользоваться», стали «главными виновниками разорения несчастного города (Новгорода. – Э.И.)»³². Опираясь на сведения польских повествователей, Левек не отрицал существования мятежных проектов у отдельных высокопоставленных лиц в Новгороде, склонных поддерживать Польшу. Но вместе с тем автор утверждал, что «Новгород не заслужил судьбы, уготованной ему Иваном»³³.

Так или иначе, стремление Ивана Грозного к усилению самодержавной власти рассматривалось французским историком как явление вполне закономерное – не случайно он, вслед за А. Поссевино, проводил прямую параллель между Иваном IV и Людовиком XI³⁴. Подобное сравнение двух монархов позже появится и у И.Н. Болтина. Но если Болтин ограничился только констатацией: «... ничего не может быть сходнее с их Государей, как в характере, деяниях, так и в обстоятельствах их жизни»³⁵, то Левек развивал свою мысль: преподнес в характере сочетание, казалось бы, несоединимых качеств: «Среди его жестокости и распутства, имела место необыкновенная набожность князя, что не было единственным сходством его с нашим Людовиком XI. Он ежедневно и многократно ходил в церковь,

молился там ревностно и покидал алтари, чтобы устраивать массовые убийства. Усердно соблюдал все предписанные посты, а затем погружался в наиболее грязный разгул, наконец, разрываемый между преступлениями тирании и практикой набожности, он внушал своим подданным столько же почтения, сколько и страха...»³⁶.

Из повествования французского историка следовало, что правление русского царя не могло быть однозначно оценено. В «Российской истории» Левека отсутствует характерная для дворянских историков XVIII в. идеализация московского «единодержавия», но в нем нет и безоговорочного осуждения его как «тиранического варварства».

Левек не желал концентрировать свое внимание только на одной ипостаси царя-деспота. Французский историк выделял и вторую сторону личности Ивана: законодателя, реформатора, покровителя торговли и искусств. «Русские поддерживали слишком мало связей с другими народами и были погружены в незнание. Иван это чувствовал и хотел их просветить. Он приглашал в Москву иностранцев ..., и был, – как считал Левек, – первым правителем России, который содержал при своем дворе иностранных врачей»³⁷. Особую роль «всегда внимательного к нуждам империи» Ивана IV, Левек видел в выстраивании торговых сношений с соседними государствами³⁸. Одним из подтверждений стала организация в Нарве торгового союза иностранцев³⁹.

Левеку казалось невероятным, что «Россия вплоть до XVI века не имела никакого законодательного документа»⁴⁰, поэтому принятие Судебника (1550 г.) было оценено им как значительный шаг вперед, ведь «нация может быть счастливой благодаря хорошим законам...»⁴¹. Весьма взвешенная общая оценка деятельности Ивана IV не мешала Левеку делать неожиданные выводы, представляя царя как своего рода просветителя.

Вопросам внешней политики в царствование Ивана IV, по мнению Левека, могло быть посвящено отдельное сочинение. Немаловажным, по мнению французского историка, было то, что в последние годы правления Грозного происходили события более значительные в историческом плане для судеб России, чем поражение в Ливонской войне. На эти события и переключается Левек в своем повествовании: отдельная глава его «Истории» посвящена открытию дороги в Сибирь⁴².

Французский историк признавал в Иване IV неординарного государственного деятеля и крайне сложную и противоречивую личность. Несмотря на определенные перегибы в его внутренней политике, достижениями царя, по мнению историка, следовало считать территориальные расширения русских земель, реформы государственного управления и законодательства.

В результате русский царь предстает у Левека «колоритной» и неоднозначной фигурой, личностью, в которой представлено как бы два различных человека. С подобным явлением исто-

рик столкнется еще раз, рассматривая правление Петра I. Не случайно в своем повествовании о времени Ивана IV Левек периодически обращался к книге сербского историка З. Орфелина «Житие и славные дела Петра Великого» (СПб., 1774, Т. 1–2)⁴³. Читатель «Истории» Левека может заметить параллели, проводимые автором между характерами и деяниями Ивана Грозного и Петра I. В «Российской истории» Левека, разделявшего безграничную веру просветителей в прогресс и мнение о том, что каждая страна идет к нему своим путем, преодолевая определенные препятствия, эпохи Ивана Грозного и Петра I рассматриваются как особый, испытательный этап на пути строительства «новой России». Цена прогресса не смущала автора, пусть даже она измерялась сотнями человеческих жизней⁴⁴.

В издании «Истории» 1800 г. в разделе «Итоги царствования Ивана Васильевича» французский историк поместил ряд обобщающих высказываний о жизни и деятельности Ивана Грозного, «жестокость которого оттеняла все его дарования и все его значимые достоинства... Нельзя забывать, – продолжал автор, – о многочисленных преступлениях этого государя, столь капризного, гневливого, столь мстительного, жестокого, но даровавшего своим подданным справедливые законы и призвавшего иностранцев, чтобы просветить свою нацию...»⁴⁵. В конечном итоге историк высказал искреннюю веру в то, что, несмотря на все тяготы правления Ивана IV, Россия в дальнейшем займет достойное место среди просвещенных народов Европы.

Примечания

- 1 Позднее, возможно под влиянием «Истории» П.-Ш. Левека, к такой же неоднозначной характеристике личности Ивана IV придет и М.М. Щербатов при написании 5-го тома своей «Истории Российской».
- 2 Левек пользовался рукописным вариантом. Переписка Ивана IV с князем Курбским и «История о великом князе Московском» Курбского впервые будут опубликованы Н.Г. Устряловым лишь в XIX в. (1833).
- 3 Перечень источников был представлен в «Каталоге книг», помещенном в первом томе «Российской истории». См.: *Catalogue raisonné des principaux ouvrages qui ont servi à la composition de l'histoire de Russie* // *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie*. Yverdon, 1783. Т. 1. Р. XVI–XXXVI.
- 4 То есть, фактически, Левек пользовался собранными ранее Г.Ф. Миллером, Н.Н. Бантыш-Каменским и М.М. Щербатовым архивными материалами.
- 5 См.: *Catalogue raisonné...* Р. XX.
- 6 *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie*. Hambourg et Brunswick. 1800. Т. 3. Р. 19, 21. «История о великом князе Московском» (1573) – политический памфлет, написанный с осуждением политики усиления самодержавной власти.
- 7 В период с 1564 по 1579 г. князь Курбский направил Ивану IV три письма, в которых обвинял его в жестокости и неоправданных казнях.
- 8 *Catalogue raisonné...* Р. XX.
- 9 *Ibid.*
- 10 С 1768 г. Щербатов активно работал с летописями и архивными документами, официально состоя в Канцелярии Её Императорского Величества.
- 11 Сказания князя Курбского. Издание второе, исправленное и дополненное Н.Г. Устряловым. СПб., 1842. С. XXX (1-я пагинация).
- 12 См.: *Карамзин Н.М. История государства Российского* Н.М. Карамзина. СПб., 1853. Т. IX С. 4, 6–11, 42.
- 13 *Карамзин Н.М. История...* СПб., 1852. Т. VII. С. 66, 70, 86–87; СПб., 1853. Т. VIII. С. 29, 31–32, 38, 43–44, 46; СПб., 1853. Т. IX. С. 67, 72, 103, 113–114.
- 14 Александр Гваньини (1538–1614), военный инженер на польской королевской службе, с 1569 по 1587 г. комендант г. Витебска.
- 15 *Catalogue raisonné...* Р. XXIX.
- 16 *Ibid.*
- 17 *Ibid.* Р. XXVIII. Барон Сигизмунд Герберштейн, немецкий дипломат и путешественник, выпустивший в 1549 г. книгу «Записки о московитских делах».
- 18 *Ibid.* Р. XXIX.
- 19 См.: *Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного*. М., 1964. С. 12.
- 20 См.: *Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен*. СПб., 1789. Т. 5. Ч. II. С. 17, 18, 67, 331.
- 21 *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie...* 1800. Т. 3. Р. 168.
- 22 *Ibid.* Р. 168–169.
- 23 *Ibid.*
- 24 *Ibid.* Р. 166; Ср.: *Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России* Г. Леклерка: в 2 т. СПб., 1788. Т. 1. С. 311. По словам Левека, эти рассуждения были заимствованы им у князя Щербатова, но, судя по контексту, полностью соответствовали его собственным размышлениям.
- 25 *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie...* 1800. Т. 3. Р. 111.
- 26 *Ibid.* Р. 174.
- 27 *Ibid.* Р. 76.
- 28 *Ibid.* Р. 75–76.
- 29 *Карамзин Н.М. История государства Российского*. СПб., 1831. Кн. 3. Т. 9. С. 47.
- 30 *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie...* 1800. Т. 3. Р. 76. Как указал в сноске сам Левек: «У меня был некоторое время на руках список этих опричников».
- 31 *Ibid.* Р. 75.
- 32 *Ibid.* Р. 80.
- 33 *Ibid.*
- 34 *Ibid.* Р. 151.
- 35 *Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России* Г. Леклерка. С. 309.
- 36 *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie...* 1800. Т. 3. Р. 151. Более категоричную характеристику этим правителям дал Н.М. Карамзин: «Людовик XI ... не уступая Иоанну ни в свирепости, ни в наружном благочестии, коим они хотели загладить свои беззакония: оба набожные от страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно

Азиатским и Римским мучителям. Изверги вне законов, вне правил и вероятностей рассудка ...». См.: *Карамзин Н.М.* История... 1821. Т. IX. Гл. VII. С. 438-439.

³⁷ *Levesque P.–Ch.* Histoire de Russie... 1800. Т. 3. Р. 161–162. Как объяснял Левек, «привлеченные возможностью разбогатеть, триста мастеров различных специальностей: ювелиры, литейщики колоколов, оружейники, каменщики, художники, скульпторы, архитекторы, а также теологи, уже прибывшие в Любек, намеревались сесть на судно, отплывающее в Россию, но были остановлены интригами купцов г. Любека, и главным образом ливонцами, которые в дальнейшем испытали на себе злопамятство Царя».

³⁸ *Levesque P.–Ch.* Histoire de Russie... 1800. Т. 3. Р. 154–159.

³⁹ *Levesque P.–Ch.* Histoire de Russie... 1800. Т. 3. Р. 157.

⁴⁰ Ibid. Р. 152.

⁴¹ Ibid. Р. 153.

⁴² Материал для обширной главы Левек смог отобрать из различных трудов: «Описание Сибирского царства» Г.Ф. Миллера, «Сибирская история» Фишера, «Описание земли Камчатской» Г. Стеллера и др. См.: *Catalogue raisonné...* Р. XVI – XXXVI.

⁴³ Это наиболее полная биография Петра I сербского автора З. Орфелина, выпущенная в 1774 г., вскоре стала библиографической редкостью. См.: *Мезин С.А.* Русский историк И.И. Голиков. Саратов, 1991. С. 3.

⁴⁴ См.: *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 218–219.

⁴⁵ *Levesque P.–Ch.* Histoire de Russie... 1800. Т. 3. Р. 182.

УДК 94(73)/1901/1953

РОЛЬ ЗРЕЛИЩНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ДОСУГЕ АМЕРИКАНЦЕВ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ

М.А. Зайцева

Саратовский государственный университет
E-mail: gontarevama@mail.ru

В статье рассматривается роль зрелищных мероприятий в досуге американцев 1930-х годов, сделана попытка проанализировать причины изменений в укладе жизни американцев, произошедшие в период Великой депрессии, а также изучить факторы, объясняющие чрезвычайную популярность киноиндустрии среди всех слоев населения страны.

Ключевые слова: история США, Великая депрессия, экономический кризис, досуг, киноиндустрия, театр, Кодекс художественных фильмов США, Ф.Д. Рузвельт, М. Андерсон.

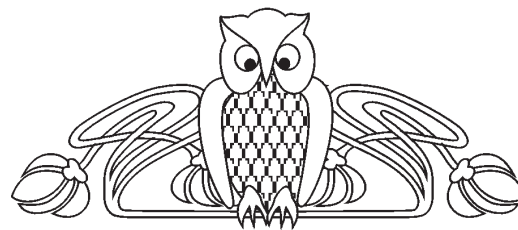
Entertainment as a Part of Leisure Activities in Lifestyles of Americans During Great Depression

М.А. Zaytseva

This article studies the role of entertainment in leisure of Americans in 1930s. It attempts to analyze the reasons for changes in the lifestyles of Americans during Great Depression and to investigate the factor which can explain the extraordinary popularity of film industry among different layers of American society.

Key words: USA history, Great Depression, economic crisis, leisure, film industry, theatre, Motion Picture Code USA, F.D. Roosevelt, M. Anderson.

Экономический кризис, разразившийся в Америке в 1929 г., принес с собой страх, отчаяние, безработицу, был чрезвычайно болезненно воспринят всеми американцами независимо от возраста, пола и социального статуса. Столь яркий и трагический, полный различными событиями и свершениями период времени не мог не вызвать интереса историков. Однако, как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке, чаще всего

рассматриваются экономические и политические проблемы кризисного десятилетия. Гораздо меньше внимание, как нам кажется незаслуженно, обращается на историю культуры, на изменения, произошедшие в сфере творчества и искусства.

Несмотря на проблемы, с которыми страна столкнулась в 1930-е гг., творческий потенциал нации не только не был уничтожен, но, наоборот, эта эпоха ознаменовалась величайшими достижениями американской культуры. Это время невозможно представить без джаза, гангстерских и музыкальных фильмов, радио и мультипликационных фильмов Диснея. Как отмечает Моррис Дикштейн: «Сочетая правдивость искусства с незамедлительным воздействием индустрии развлечений, эти работы открывают для нас сокровенные моменты неявной истории Великой депрессии, с ее печальным стремлением к лучшему, с верой в существование некоего места, расположенного в конце Дороги из Желтого Кирпича. Эти работы дают нам единственно возможные ключи к пониманию, кто владел умами и душами людей, о чем они мечтали!»¹.

Не могут не вызвать интереса вопросы, касающиеся повседневной жизни обычных людей: как изменила депрессия их достаток, взгляд на жизнь, как они страдали и общались. Важной частью повседневной жизни американцев являлся досуг, поэтому не менее интересно проанализировать то, как американцы 1930-х гг. отдыхали, на что они тратили свое свободное время. Какое место в их досуге занимали бурно развивающаяся киноиндустрия и театр, который, с одной стороны, переживал состояние необычайного подъема,

окончательно обрел национальную самобытность², а с другой – оказался в тяжелейшем кризисе, возникшем, как из-за тяжелой экономической ситуации, в которой оказалась вся страна, так и по причине увеличившейся популярности кино³.

В первой трети XX в. в США сложились благоприятные условия для значительных изменений в сфере досуга. Одним из факторов, повлиявших на способы проведения свободного времени американцами, стало увеличение доходов граждан после 1900 г., что привело, с одной стороны, к тому, что миллионы семей располагали большими средствами для проведения досуга, а с другой стороны, увеличилось количество свободного времени, которым располагали американцы благодаря сокращению рабочей недели⁴.

Во многом изменились формы проведения досуга. Если раньше это был организованный самостоятельно отдых, который включал в себя охоту, рыбалку, поездки на лошадях и посещения друзей, то начиная с 1920-х гг. складывается новая форма отдыха – отдых коммерческий, организованный не самими людьми, а некими учреждениями, с целью получения дохода: становятся очень популярны кинотеатры, автомобильные туры, радио, бокс, теннис, гольф, футбол, бейсбол, танцы и курорты. На подобного рода развлечения в конце 1920-х тратилось ежегодно 10–12 миллиардов долларов⁵.

Таким образом, начиная со второго десятилетия XX в. вопрос досуга не мог быть не связан с необходимостью платить за него. Для организации отдыха нужно было платить не только за машины, радио, билеты в кино и театр. Согласно статистике в 1929 г. затраты американцев, связанные с увлечениями и досугом, распределились следующим образом: 200 миллионов долларов на растения для дома и сада, 600 миллионов на украшения и серебряные изделия, 400 миллионов на газеты, 700 миллионов на косметику, 900 миллионов на игры и занятия спортом, 2 000 миллионов долларов на кино и концерты, и 4 000 миллионов на мебель для дома⁶.

Разразившийся в 1929 г. кризис не мог не внести свои коррективы, что привело к коренным изменениям в отношении американцев к досугу, так как огромному количеству людей не хватало денег даже на самое необходимое. Однако тенденции, сложившиеся в конце 1920-х гг., оказались важными и в дальнейшем.

На то как американцы проводят свободное время повлиял не только экономический кризис, но и технический прогресс. Историк Клод Фишер выделил характерные черты досуга американцев, окончательно сформировавшиеся к 1940 г.: организованный досуг заменил неформальные, стихийно возникающие развлекательные мероприятия; коммерческие развлечения, особенно посещения кинотеатров и профессиональных спортивных мероприятий заменили любительские, самостоятельные формы проведения досуга и занятия активными видами спорта⁷. Как справедливо отмечено в отчете президентской

комиссии о тенденциях общественного развития страны от 1933 г., информационная изоляция различных районов страны была разрушена во всем мире, в том числе и в США.

В 1930-е гг. именно благодаря развивающимся средствам массовой информации люди в отдаленных районах получили больше возможности улучшить свое образование, благодаря современному доступу к информации⁸. Нельзя забывать, что еще в начале 1930-х гг. приблизительно 30 миллионов людей жили на фермах и еще 32 миллиона в населенных пунктах численностью менее 10 000 человек⁹. Важнейшей, получившей стремительное распространение технической новинкой, особенно для жителей удаленных от крупных городов мест, стало радио.

Образовавшиеся в конце 1920 г. две национальные радиовещательные сети: Национальная вещательная компания (NBC) и CBS (американская телерадиовещательная сеть) сыграли чрезвычайно важную роль в объединении страны, распространении единых ценностей, способствовали однородности общества, уменьшили классовые и региональные различия, повлияли на формирование того, что в 1930-х гг. стали называть «американский стиль жизни»¹⁰. Объединив огромное количество ранее независимых радиостанций по всей стране, они повысили качество радиопрограмм, приведя репертуар к единообразию независимо от местности, сведя до минимума участие местных ведущих, вместо них люди повсеместно получили возможность слушать передачи, выпущенные талантливыми ведущими, актерами, что в совокупности со снизившимися ценами на радиоприемники привело к тому, что в 1939 г. 27,5 миллионов семей в США имели возможность слушать радио у себя дома, в среднем четыре с половиной часа в день¹¹. К 1930 г., 40% семей в США располагали радиоприемниками и могли выбирать из нескольких сотен радиостанций, через 10 лет это число увеличилось до 80%¹².

Никогда до этого момента американцы в Новой Англии не имели возможности смотреть и слушать то же, что и американцы на Среднем Западе. Начавшаяся формироваться еще в 1920-х гг. массовая культура, самоопределяющаяся благодаря появлению и массовому распространению радио, журналов, купить которые можно было во всех уголках страны, спорт, кино – это объединяло все увеличивающуюся аудиторию зрителей и слушателей, создавало массовую культуру. «Общие образы, язык, запомнившиеся всем фразы, помогло создать общую культуру и объединить американцев»¹³.

Техническое развитие конца второго десятилетия XX в., связанное с развитием средств общения, коснулось и киноиндустрии: изменились кинокамера, проектор, появилось оборудование для звукового кино. Кино постепенно влияло на нормы и традиции, существующие в разных частях страны. Уже в 1933 г. обращалось внимание на образовательное воздействие кино на обще-

ство: «Фильмы повлияли на театр, спорт, на то как учится молодежь, на пьесы и романы. Научные изобретения повлияли на запись исторических событий, изучение природы, позволяли вести замедленную или, наоборот, ускоренную запись происходящего. Подобные результаты развития видеозаписи невозможно было предвидеть»¹⁴.

В 1920 г. кинотеатры продавали 40 миллионов билетов в неделю, через десятилетие это число увеличилось в два раза. По мнению ученых, популярность кинотеатров выросла за счет стремительно уменьшающегося количества театров-варьете¹⁵ и салунов¹⁶.

Может вызвать интерес исследование Ховарда Белла, проведенное в 1938 г., в ходе которого были опрошены молодые люди в Мериленд в возрасте от 16 до 24 лет. Штат Мериленд был выбран как наиболее «типичный» и 13 528 опрошенных молодых людей стали представителями более 250 000 молодых юношей и девушек своего поколения в Мериленде и еще 20 миллионов по всей стране. В ходе опроса выяснилось, что около 35% девушек назвали чтение, своим основным видом отдыха и развлечения, количество юношей, давших идентичный ответ, было более чем в 2 раза меньше, всего 16,7%. Помимо чтения интересы молодых людей сосредоточены на занятиях спортом (большинство молодых мужчин отдали предпочтение именно этому виду развлечений), а также 9,4% юношей и 12% девушек назвали посещение кинотеатров основным способом проведения досуга¹⁷. Опрос общественного мнения, проводимый Институтом общественного мнения Гэллага, в 1938 г. показал, что 21% опрошенных назвал чтение любимым видом развлечения, 17% отдали предпочтение театру и кино, 12% – танцам и по 9% – радио и играм, в частности в карты¹⁸. Из чего можно сделать вывод, что к 1938 г. радио и кино прочно вошли в жизнь американцев.

Люди шли в кино или слушали радио во многом для того, чтобы уйти от печальной действительности, при этом то, что они смотрели, было частью их самих, их культуры и их ценностей. Как отмечает Г. Крейвенс, к 1930 г. выпущенные в Голливуде фильмы стали основной доминантой популярной культуры в США¹⁹, несмотря на то, что киноиндустрия пострадала в начале Великой депрессии.

С началом экономического кризиса цены на билеты снизились, количество зрителей уменьшилось приблизительно с 80 миллионов человек в 1929 г. до 60 миллионов – в 1932 г., стоимость производства фильмов выросла вдвое²⁰. Дело в том, что Депрессия произошла в чрезвычайно «неудачное» время. Это был период перехода на звуковое кино. Студии были вынуждены инвестировать огромные суммы для покупки нового оборудования, тот же самый процесс происходил и в кинотеатрах. 70% кинотеатров были оборудованы системами звука, многие из них имели огромные суммы долговых обязательств.

Тем не менее, с течением времени киноиндустрия укрепляет свои позиции. Уже в 1930 г.

80 миллионов человек, что составляло приблизительно 65% населения страны, еженедельно посещали кинотеатры²¹.

Американцы, которые приходили в кино по нескольку раз в неделю, должны были заплатить от 15 до 25 центов за сеанс (в самом начале 1930-х гг. цены в среднем составляли от 25 до 50 центов за сеанс). Цена зависела от известности актера и уровня кинотеатра. Самые дешевые билеты были в местных небольших кинотеатрах, в которых не проходили премьерные показы. Кинотеатры, демонстрирующие премьеры фильмов, снижали цены на билеты на дневные показы, а также на детские билеты. Однако уже к середине 1930 гг., вслед за снижением посещаемости, владельцы кинотеатров пошли на вполне предсказуемые меры, снижая цены в среднем до 20 центов (в маленьких кинотеатрах можно было посмотреть фильм, заплатив лишь 10 центов). Еще одним способом привлечь зрителей стала организация так называемого «удлиненного» сеанса. Это означало, что заплатив за входной билет люди имели возможность посмотреть 2 фильма: один из которых был «качественным», а второй относился к категории «В», категории малобюджетных фильмов²². Подобная ценовая политика сделала кино еще более доступным широким слоям населения.

Интересно обратить внимание на тот факт, что в годы Великой депрессии люди ходили в кино чаще, чем они это делали в дальнейшем в годы процветания и стабильности²³.

Возникает вопрос, что же делало кинотеатры столь привлекательными для зрителей? В годы депрессии кинотеатр стал тем местом, в котором можно было забыть о повседневных проблемах. Основной социальной функцией кино стало развлечение, дарующее ощущение, что все проблемы остались позади (чему способствовали фильмы со счастливым концом)²⁴. Фильмы редко поднимали неприятные темы, связанные с реальными проблемами страны этого кризисного десятилетия²⁵.

Атмосфера кинотеатра, где, сидя в темноте, зрители смотрели на ярких и красивых людей, наблюдали за отношениями между мужчинами и женщинами (зачастую сильно отличающимися от привычных и общепринятых отношений), влияла на нормы поведения, существовавшие до тех пор.

Очевидно, что как Голливуд влиял на мировоззрение зрителей, так и изменяющаяся жизнь влияла на киноиндустрию. Так, до отмены сухого закона огромной популярностью пользовались гангстерские фильмы – «Враг общества» (1931), «Маленький цезарь» (1930). В этих фильмах зрители часто становились на сторону преступников. Зачастую преступники, борющиеся с властями, становились народными героями. После принятия двадцать первой поправки (касающейся сухого закона), во многом изменившей криминальную ситуацию на улицах городов, изменились и фильмы. Фильмы о преступлениях превратились в фильмы о законе и порядке.

Многих критиков волновал вопрос тематики становившихся столь популярными фильмов. Это был период переоценки традиционных ценностей. Возрастал цинизм публики. Авторы фильмов показывали примеры людей, достигших богатства и благополучия, причем далеко не благодаря усердной работе и вере в Бога, а благодаря убийствам, торговле незаконными товарами или продаже собственного тела.

В таких фильмах, как «Рыжеволосая женщина» (1932), «Красная пыль» (1932), главная героиня, проститутка, наслаждалась роскошным образом жизни, что в корне противоречило моральным стандартам, существующим в стране, согласно которым падшая женщины должна дорого заплатить за свои прегрешения.

1930-е гг. стали периодом расцвета фильмов ужасов. По словам Дэвида Скала, 1931 г. – один из худших годов депрессии – «стал лучшим годом для монстров»²⁶. Как замечает Лерой Эшби, зрители находили в фильмах ужасов множество значений, может быть, даже идеи социальных конфликтов.

Тематика ставших чрезвычайно популярными фильмов не могла не беспокоить власти. Попытки цензурного регулирования были сделаны еще в 1930 г., когда был создан Кодекс художественных фильмов США, представлявший собой свод цензурных правил, касающихся производства фильмов в стране²⁷.

Кодекс 1930 г., остался без внимания киноиндустрии до 1934 г., когда было образовано специальное бюро, где рассматривались все сценарии, по которым впоследствии ставились художественные фильмы.

Во многом этот Кодекс 1934 г. и определил дальнейшее развитие американского кинематографа. На протяжении многих десятилетий киноиндустрия США не поднимала злободневных проблем, способствовала стандартизации продукции, обязательного хеппи энда и т.д.

Возможно, на усиление действия Кодекса могла повлиять приписываемая Ф.Д. Рузвельту фраза, относящаяся к деятельности актрисы-ребенка Ширли Темпл: «Во время депрессии, когда люди удручены как никогда ранее, совершенно замечательно, что, заплатив 15 центов, каждый Американец может пойти в кино, взглянуть на улыбающегося ребенка и забыть о своих проблемах»²⁸. Не вызывает сомнений точка зрения президента Рузвельта, сформулированная еще в его первой инаугурационной речи, произнесенной 4 марта 1933 г.: «единственно, перед чем мы должны испытывать страх, – это сам страх», ибо, умонастроения населения – это часть депрессии, и необходимо дать людям возможность забыть о своих проблемах, окунуться в иной мир. Голливуд как раз и был тем миром, который позволял забыть.

Если мы посмотрим на фильмы второй половины 1930-х гг., то перед нами откроется мир изысканно обставленных апартаментов, дорогих номеров, ночных клубов, прекрасного шампанско-

го и современной музыки, мир, с которым не имело ничего общего подавляющее большинство американцев. Как отмечал Фредерик Аллен, фильмы «едва ли хоть в небольшой степени отображали реальную Америку. <...> скорее, давали возможность человеку оказаться в никогда не существовавшей стране приключений и любви, не осложненной мыслью. <Зрители будущих десятилетий, посмотрев случайную подборку фильмов этой эпохи> вряд ли бы смогли хоть на йоту осознать, какие трудности испытывала Америка в 1930-х гг.»²⁹.

Похожего мнения придерживался и Луи Райд, полагавший, что киноиндустрия, так же как и радио, целевой аудиторией воспринимала людей с «разумом двадцатилетних». Он отмечал, что большинство американцев в 1930-х гг. ходило в кино по тем же причинам, по которым они слушали радио: «просто по привычке, чтобы скоротать время, или, что более вероятно, из желания убежать от скучной и непривлекательной реальности»³⁰.

В своем исследовании 1936 г. Максин Девис писала, что кино – это «не больше и не меньше антидот от печальной реальности. Нужно лишь заплатить 10 или 25 центов и купить доступ в рай»³¹.

Конечно, существовали фильмы, затрагивающие злободневные проблемы современности. Нельзя не вспомнить о таких знаменитых фильмах на классические сюжеты, как «Мятеж на Баунти» (1935), «Жизнь Эмиля Золя» (1937), «Повесть о двух городах» (1935). Были фильмы Чарли Чаплина «Огни большого города» (1931), «Новые времена» (1936). В конце десятилетия выходит серия фильмов-биографий, посвященных великим историческим деятелям, например фильм Джона Форда «Молодой мистер Линкольн» (1939), Реймонда Мессе «Линкольн в Иллинойсе» (1940). Киноиндустрия не оставляла без внимания и крупнейшие, пользующиеся наибольшей популярностью театральные постановки своего времени, адаптируя их для киноэкрана. Так, один из самых популярных драматургов кризисного десятилетия Максвелл Андерсон не только написал сценарии, основанные на своих пьесах («Мария Шотландская» (1936), «Приход зимы» (1936), «Частная жизнь Елизаветы и Эссекса» (1939), но и стал автором сценариев для фильмов по роману Льва Толстого «Воскресение» (фильм 1934 г.) и Эриха Мария Ремарка «На западном фронте без перемен» (1930 г.).

Годы Великой депрессии принесли с собой новое отношение к понятию «досуг, свободное время». Зачастую досуг связывали с безработицей, ибо оставшимся без работы людям приходилось мириться с большим количеством свободного времени, которое не приносило ни удовольствия, ни радости. Тем не менее, депрессия стала той силой, которая повлияла на историю страны, создав благоприятную атмосферу для коренных изменений в экономической, политической и социально-культурных сферах жизни страны. Искусство в различных своих формах, самой популярной из которых стало кино, помогло людям

справиться с кризисом, меняло людей и менялось само, находя новые формы, жанры, привлекая новые зрительские аудитории.

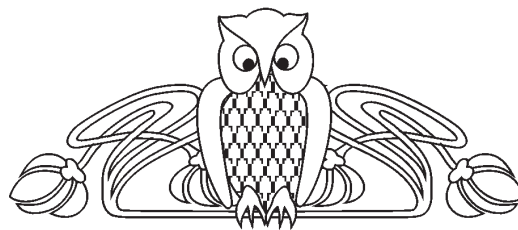
Примечания

- 1 Книга Морриса Дикштейна «Танцую в темноте, культурная история Великой депрессии» в конце января 2010 г. вошла в объявленный Национальным объединением литературных критиков США шорт-лист лучших работ года, изданных на английском языке, в жанре критики. (*Dickstein M. Dancing in the Dark: A Cultural History of the Great Depression. Norton, 2009. P. XIV.*)
- 2 См.: *Очман А.В. Американская драматургия 1930-х гг. Грозный, 1987. С. 30–35; Ромм А.С. Американская драматургия первой половины XX века. М., 1978. С. 10–15; Krutch J.W. The Theatre // Stearns H. America Now. N.Y., 1938. P. 72–104.*
- 3 В большинстве работ, посвященных истории культуры, театру 1930-х гг. отводится исключительно незначительное место. См.: *Young W.H., Young N.K. The Great Depression in America: a cultural encyclopedia. Vol. 1. Greenwood Publishing Group, 2007; McGovern J.R. and a Time for Hope: Americans in the Great Depression. Westport, CT, 2000; Best G.D. The Nickel and Dime Decade: American Popular Culture during the 1930s. Westport, CT., 1993.*
- 4 Mitchell W.C. and United States, President's Research Committee on Social Trends, Recent Social Trends in the United States: Report of the President's Research Committee on Social Trends. Vol. 1, N.Y., 1933. P. XXXVI.
- 5 Ibid. P. LI.
- 6 Ibid. P. XXXVI, LII.
- 7 *Fisher C.S. Changes in Leisure Activities, 1890–1940 // J. of Social History. Vol. 27, iss. 3. 1994. P. 453.*
- 8 Mitchell W.C. and United States... Vol. 1. N.Y., 1933. P. XXVII.
- 9 Ibid. P. XXXIX.
- 10 McGovern J.R. and a Time for Hope... P. 187–188.
- 11 См.: *Bamouw E. The Golden Web: A History of Broadcasting in the United States, 1933–1953. Vol. II. N.Y., 1968; MacDonald J.F. Don't Touch That Dial: Radio Programming in American Life, 1920–1960. Chicago, 1979; Special Reports on American Broadcasting. N.Y., 1974; Marquis A.G. Hopes and Ashes: The Birth of Modern Times, 1929–1939. N.Y., 1986.*
- 12 *Historical Statistics of the United States, 1790–1970. Wash., 1975. P. 796.*
- 13 *Cravens H. Great Depression: people and perspectives in American social history. ABC-CLIO, 2009. P. 209.*
- 14 Mitchell W.C. and United States... Vol. 1. N.Y., 1933. P. 146.
- 15 Англ. *vaudeville* – жанр эстрадных представлений, популярный в США и Канаде с начала 1880 по 1930 г., сочетающих в себе музыкальные выступления, комические сценки, дрессированных животных, фокусников, акробатов, жонглеров, танцоров, одноактовые сценки и т.д.
- 16 См.: *Historical Statistics of the United States, 1790–1970. Wash., 1975. P. 399–400; Statistical Abstract of the United States. Wash., 1990. P. 230; Peiss K. Cheap Amusements: Working Women and Leisure in Turn-of-the Century. N.Y. Philadelphia, 1986; Rosenzweig R. Eight Hours of What We Will: Workers and Leisure in an Industrial City, 1870–1920. N.Y., 1985.*
- 17 *Bell H.M. Youth Tell Their Story. Ayer Publishing, 1974. P. 162.*
- 18 Цит. по: *Robinson J.P. 'Massification' and the Democratization of the Leisure Class // Annals of the American Academy. 1978. January. P. 220.*
- 19 См.: *Cravens H. Op. cit. P. 208.*
- 20 *The American Film Industry / ed. by T. Balio. University of Wisconsin Press, 1985. P. 256.*
- 21 См.: *Koszarski R. An Evening's Entertainment: The Age of the Silent Feature Picture 1915–1928. Vol. 3. History of American Cinema Series / ed. by Ch. Harpole. N.Y., 1990. P. 25; Finler J.W. The Hollywood Story. N.Y., 1988. P. 288.*
- 22 См.: *The American Film Industry / ed. by T. Balio. University of Wisconsin Press, 1985. P. 260–261; Young W.H., Young N.K. The 1930s. Greenwood. Westport, CT., 2002. P. 186.*
- 23 См.: *Finler J.W. Op.cit. P. 288.*
- 24 *Bohn Th.W., Stromgren R.L. Light and Shadows: A History of Motion Pictures. Mayfield Publishing Company, 1987. P. 208.*
- 25 *Cook D.A. A History of Narrative Film. N.Y., 1996. P. 443.*
- 26 *Ashby L. With Amusement for All: A history of American Popular Culture Since 1830. University Press of Kentucky, 2006. P. 225.*
- 27 Уилл Хейс, президент организации «Motion Picture Producers and Distributers of America» сформулировал основополагающие принципы Кодекса: ни одна картина не должна уменьшать моральные стандарты ее зрителей. Таким образом, симпатии зрителей не могут отдаваться в сторону преступлений, правонарушений, злодеяний или греха; правильные стандарты жизни должны быть представлены в фильмах или развлекательных программах; законы человеческие, так же как и законы природы, не должны подвергаться насмешке. См.: *Foster R. Dulles, America Learns to Play. N.Y., 1965. P. 302–303.*
- 28 Данная цитата встречалась нам в нескольких исследованиях, посвященных 1930 гг., в том числе: *Temple Black Sh. Child Star: An Autobiography. N.Y., 1988. P. 59; Custen G.F. Twentieth Century's Fox: Darryl F. Zanuck and the Culture of Hollywood. N.Y., 1997. P. 199.*
- 29 *Allen F.L. Since Yesterday. N.Y., 1965. P. 222.*
- 30 *Reid L.R. Amusement: Radio and Movies // Stearns H. America Now. N.Y., 1938. P. 23.*
- 31 *Davis M. The Lost Generation. N. Y., 1936. P. 133.* М. Девис выделяет следующие причины «наркотического» увлечения молодежи кино: жизнь пуста: они забываются в сверкающем мире, в котором случаются потрясающие вещи; жизнь скучна: воображаемый мир потрясающе интересен; завтрашний день ничем не будет отличаться от вчерашнего и сегодняшнего: они бегут от будней, мечтая о приключениях и любви; жизнь бесцветна: в кино они видят все цвета радуги; они идентифицируют себя с героями голливудских фильмов. Они любят, страдают, сражаются и триумфально побеждают.

УДК [321:330.4](5–191.2+560)|19|

«ТУРЕЦКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ» И ПРИЧИНЫ ЕЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН ПРИКАСПИЙСКОГО РЕГИОНА (1992–1993 годы)

М.А. Астахова

Саратовский государственный университет
E-mail: mariposa.9@gmail.com

Данная статья посвящена исследованию причин отказа постсоветских прикаспийских государств от использования «турецкой модели» для собственного экономического и политического развития. Также исследуется отношение США к государствам региона после отказа от концепции «турецкой модели развития» и внешнеполитический курс правительств прикаспийских государств в 1992–1993 годы.

Ключевые слова: Турция, турецкая модель развития, Прикаспийский регион, Нагорный Карабах, Тургут Озал, политическая и экономическая нестабильность, американская внешняя политика, российская внешняя политика.

The «Turkish Model of Development» and the Reasons for its Failure for the post-Soviet Caspian Countries (1992–1993)

М.А. Astakhova

The article is devoted to the study of the reasons of the post-Soviet Caspian states' refusal to use the «Turkish model» for their own economic and political development. It also analyzes the American attitude towards the countries of the region after the rejection of the concept of the «Turkish model of development» and the Caspian region states' foreign policies in 1992–1993.

Keywords: Turkey, Turkish model of development, the Caspian region, Nagorno-Karabakh, Turgut Ozal, political and economic instability, American foreign policy, Russian foreign policy.

После распада СССР и образования на его территории 15 независимых государств геополитическая ситуация на евразийском пространстве изменилась коренным образом. Многолетний «противник» США прекратил свое существование, и Вашингтону необходимо было сформировать новую внешнеполитическую позицию по отношению ко всем новообразовавшимся государствам. Основное внимание при этом американская администрация уделяла России, бывшей центром СССР во времена холодной войны и сохранившей самый значительный арсенал ядерного оружия. Другие славянские государства (например, Украина) также быстро привлекли внимание американской администрации. Однако в Прикаспийском регионе оставался ряд стран с мусульманским населением (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан), по отношению к которым также необходимо было сформировать внешнеполитический курс.

После установления формальных дипломатических отношений с этими странами США собирались передать инициативу по их развитию и заполнению политического вакуума Турции – государству-союзнику по НАТО, находящемуся в непосредственной близости к региону. Турция должна была стать политическим и экономическим лидером в регионе, а также моделью светского государства с мусульманским населением, проводником западных идей и распространителем проамериканских настроений.

Уже в первые месяцы независимости прикаспийских республик Турции удалось наладить добрые отношения со всеми государствами региона, а также начать несколько важнейших проектов. Однако этот успех турецкое правительство развить не смогло, что было вызвано рядом обстоятельств и стало причиной отказа стран региона от турецкой модели развития.

Одним из таких обстоятельств стал начавшийся нагорно-карабахский конфликт, который показал неспособность Турции выполнять роль регионального лидера, способного оказать реальное влияние на государства и межгосударственные взаимоотношения. Анкара не могла вмешаться в конфликт на стороне Азербайджана, с которым у нее были самые дружественные отношения, поскольку западные дипломаты пристально следили за каждым политическим решением Турции. В то же время она не была достаточно влиятельной в регионе, чтобы обеспечить достижение компромисса. Конфликт приобретал угрожающие размеры, и азербайджанскому президенту А. Муталибову пришлось уйти в отставку из-за неспособности справиться с ситуацией в Нагорном Карабахе¹.

Со своей стороны США не оказывали Турции поддержки в разрешении конфликта, поскольку под давлением армянской диаспоры в Америке Вашингтон долгое время сохранял нейтралитет². Когда же Турция предупредила Армению об объявлении войны в случае пересечения армянскими войсками границы с Азербайджаном, то уже Россия не смогла оставаться в стороне³ и выдвинула требование, чтобы ни Турция, ни Иран не вмешивались в конфликт⁴.

Таким образом, все заинтересованные стороны (Турция, Иран, Россия) пришли в движение из-за войны в Нагорном Карабахе. Однако США оставались пассивны. Участие

США в конфликте ограничилось телеграммой государственного секретаря У. Кристофера, призывающей армян к более конструктивному подходу к разрешению сложившейся ситуации. В отсутствие поддержки США Турция не могла оказать реального влияния на достижение урегулирования. Таким образом, конфликт в Нагорном Карабахе стал первым сигналом того, что Турция не была в состоянии выполнять функцию регионального лидера. Постепенно республики начали разочаровываться в реальных возможностях Анкары. Новый президент Азербайджана Г. Алиев сказал, что Баку будет ориентироваться на Россию, а не на Турцию⁵.

Со временем США пришлось прекратить политику невмешательства и принять участие в разрешении конфликта. Заместитель госсекретаря США Строб Тэлботт совершил визит в Азербайджан и Армению. Однако к этому времени республики уже успели убедиться в том, что в случае возникновения ситуации, представляющей реальную угрозу безопасности, они не могут положиться на Турцию как на союзника, способного решить их проблемы⁶.

Еще одним обстоятельством, отрицательно повлиявшим на отношения Турции с постсоветскими республиками, стала смерть президента Тургута Озала. После смерти президента страну захватила политическая и экономическая нестабильность. Озал внес большой вклад в экономическое развитие государства: при нем в Турции началось «экономическое чудо» – резкий экономический рост, который серьезно усилил международные позиции Анкары.

Т. Озал также внес большой вклад в развитие отношений с ближайшим партнером страны – США. В 1990 г. во время войны в Персидском заливе Озал принял решение о присоединении Турции к возглавляемой Вашингтоном коалиции, объявившей об экономической блокаде Ирака, и остановившей использование трубопровода, транспортировавшего иракскую нефть, хотя при этом Турция понесла значительные финансовые потери⁷. Дж. Буш-старший давал высокую оценку личности и деятельности Т. Озала. Б. Клинтон также утверждал, что «отношения между США и Турцией были крепки благодаря личности президента»⁸.

Т. Озал стремился развивать отношения и с прикаспийскими странами. В частности, он проводил переговоры с Азербайджаном по вопросу экспорта азербайджанской нефти через турецкий нефтепровод, однако после его смерти этот вопрос остался незавершенным⁹.

После смерти Озала нарастание внутриэкономических проблем в Турции привело к тому, что Анкара не смогла оказать положительного влияния на экономическое развитие прикаспийских стран. Турция экспортировала в регион очень много товаров, и это не только не помогло, но серьезно задержало экономическое развитие республик¹⁰.

В конце 1992 г. выдача кредитов Всемирным банком странам Центральной Азии сократилась с 3,9 млрд. долл. до 2,1 млрд. долл., что эксперты связывали с проблемами в бюджете Турции¹¹. Внешний долг Анкары в тот период составлял 49 млрд. долл., и без внешней поддержки Турция могла обеспечить только финансирование телевизионной сети и обучение нескольких сот студентов из стран Прикаспийского региона¹².

Рассчитывать на серьезную поддержку со стороны США не приходилось. Когда Анкара предложила основать в Стамбуле университет для студентов из Центральной Азии с обучением на английском языке (по типу университетов в Каире и Бейруте), США одобрили идею, однако отказались участвовать в ее финансировании, что послужило еще одним доказательством их незаинтересованности в развитии региона¹³.

Помимо несостоятельности Турции в оказании финансовой помощи странам региона, существовали и другие причины, по которым нельзя было использовать турецкую модель развития для прикаспийских государств (по крайней мере, в социально-экономической сфере). Как известно, рыночная экономика не может существовать без значительного количества мелких собственников, формирующих основу среднего класса. В странах региона такого слоя не существовало¹⁴. В течение долгого времени в этих государствах в рамках СССР осуществлялся коммунистический эксперимент, результатом которого было образование огромного государственного сектора экономики. Поэтому государствам региона необходимо было обзавестись частной собственностью и развивать рыночные отношения, на что требовалось значительное время. В свое время самой Турции было легко смоделировать экономику по западному образцу, поскольку в этой стране всегда было много мелких производителей. Таким образом, разные исходные экономические позиции не позволяли республикам принять турецкую модель развития как наиболее подходящую для их условий¹⁵.

В связи с постепенным разочарованием в Турции, как в основном экономическом партнере, прикаспийские республики начали все больше склоняться к необходимости восстановления отношений с Москвой. Государства постсоветского пространства были тесно связаны с Россией. Например, Узбекистан получал все топливо из России, Кыргызстан – 90% газа и нефти. Большой процент экспорта готовых товаров также шел из России: например, для Кыргызстана эта цифра составляла 80%¹⁶. В Казахстане и Кыргызстане сохранялся большой процент славянского населения (38% и 22% соответственно)¹⁷. Офицеры всех национальных армий были в основном русскими, что позволяло сделать вывод о том, что косвенным образом Москва сохраняла контроль над армиями этих республик (трудно представить, что русские

офицеры стали бы участвовать в военных действиях против России)¹⁸.

Кроме того, Москва использовала трубопроводную систему для контроля над регионом. Так, Казахстану было отказано в экспорте желаемых объемов нефти, поскольку (по официальной версии) нефтепроводы не могли справиться с их транспортировкой. В конце 1992 г. был полностью прекращен экспорт туркменского газа в Западную Европу, который изначально приносил Ашхабаду 2 млрд дол. в год. Без значительных финансовых вливаний от экспорта энергетических ресурсов экономики стран продолжали сохранять зависимость от России и дистанцировались от Запада, что было выгодно Москве¹⁹.

После начала активизации процесса экономической интеграции России, Белоруссии и Украины заместитель премьер-министра России А. Шохин выразил мнение, что постсоветским странам Центральной Азии придется сделать выбор, с каким государством развивать приоритетное сотрудничество – с Россией или Турцией. Стремясь сохранить положительную динамику российско-казахстанских отношений, правительство Казахстана заявило, что не определяло Турцию своим главным союзником, а развивало партнерские отношения со всеми государствами²⁰.

Другие республики Центральной Азии вели сходную с Казахстаном дипломатию, по сути, «присягая на верность» России. Президент Узбекистана Каримов высказывался следующим образом: «Россия должна быть гарантом мира и стабильности в Центральной Азии. Мир всегда будет двухполюсным. Мы в Узбекистане придерживаемся полюса России» и «Россия как сильная держава должна следить за своими интересами в Центральной Азии, как она это делала столетиями»²¹. Президент Кыргызстана Акаев констатировал: «Россия – ледокол, не пойдешь в ее фарватере – льды раздавят»²².

В связи с этим у турецкого правительства начали появляться опасения, что Россия стремится восстановить под своим контролем политическое единство на территории бывшего СССР. Анкара активно призывала американскую администрацию к более тесному сотрудничеству с государствами постсоветского пространства, чтобы избежать возвращения доминирующего положения России и возрождения империи²³.

Такие опасения были явно преувеличены, так как новообразовавшиеся республики явно не стремились вновь стать частью единого государства. Некоторые страны (Грузия, Азербайджан) особенно ревностно отстаивали собственную независимость²⁴. Предположительно большие запасы нефти в Азербайджане подталкивали правительство этой страны к обеспечению полной независимости от России и развитию отношений с западными державами²⁵.

Туркменистан также стремился к развитию экономического сотрудничества с Западом, в частности, с США. В 1993 г. состоялся визит С. Ниязова в Вашингтон, в ходе которого обсуждался вопрос прямой зависимости развития сотрудничества США с Ашхабадом от позиции последнего в отношении Ирана. Правительство Туркменистана должно было учитывать тот факт, что экспорт туркменского газа через территорию Ирана был крайне нежелателен вследствие стремления США изолировать Тегеран²⁶. Фактически Туркменистан стоял перед выбором: кто – Россия или США – должны были стать главным экономическим партнером страны. Полной независимости на тот период развития достигнуть не удавалось.

Несмотря на лестные высказывания по отношению к России, Узбекистан также предпринимал шаги по укреплению независимости: в частности, правительство заключило соглашения о создании собственной независимой валюты со швейцарским банком и французским печатным центром²⁷.

В начале 1990-х гг. США делали большую ставку на Кыргызстан как на страну, способную быстрыми темпами провести либеральные реформы. Кыргызстан стал первым государством региона, принявшим программу МВФ и начавшим процесс приватизации в обмен на займы²⁸.

В Таджикистане правительство США также было активно из-за опасности распространения исламского фундаментализма, для победы которого существовали реальные предпосылки. Если бы в Таджикистане одержала верх радикальная исламская группировка, то под угрозу попадали Кыргызстан и Узбекистан. В связи с этим США поддерживали инициативы России по использованию ее вооруженных сил в Таджикистане. Вашингтон признавал законность интересов России «в разумных пределах», т.е. до тех пор, пока Москва не решит восстановить свою гегемонию на территории бывшего СССР²⁹.

Таким образом, к концу 1993 г. в регионе сложилась следующая ситуация: новообразованные государства пытались предпринимать определенные шаги по укреплению независимости, однако не были полностью свободны от сохранявшегося влияния России и растущего влияния США. В целом постсоветские республики отдали предпочтение развитию двусторонних отношений со США, а не с Турцией. Анкара не смогла добиться значительных успехов из-за внутренних экономических и политических трудностей, а кроме того, из-за недостаточной активной поддержки со стороны американского правительства. Даже в Азербайджане, с которым Анкара установила наиболее близкие отношения, президент Эльчибей, поддерживаемый турецким правительством, недолго продержался на своем посту. В других государствах

правительства были еще менее лояльны по отношению к Турции³⁰, хотя первоначально, республики воспринимали мусульманскую, но светскую Турцию как «окно» на Запад, через которое они могли получать новые технологии и инвестиции³¹.

Более того, на Западе все чаще стали звучать негативные мнения по поводу роли Анкары в регионе. Критика базировалась на том, что выдвинуть Турцию в качестве модели для трансформации постсоветских мусульманских государств было неразумным решением очень сложной проблемы, поскольку все прикаспийские государства имели свою культурную и социально-экономическую специфику и не могли следовать одинаковым рецептам развития³². Западные государства все больше воспринимали Турцию не как мост из Европы в Азию, а как удобный барьер против нестабильности на Ближнем Востоке³³.

С 1993 г. ни США, ни Европа не оказывали серьезной поддержки своему восточному союзнику. Европа по-прежнему отказывалась предпринимать решительные шаги по принятию Турции в европейские структуры. США никак не компенсировали потери от ограничений на торговлю Турцией с Ираком и, как уже было сказано выше, ограничили финансовую помощь. Кроме того, турецкое правительство с тревогой воспринимало укрепление американо-российских отношений, которое было нацелено на сохранение влияния России в регионе³⁴. Хотя У. Кристофер и говорил о «новых и более крепких отношениях с Турцией», налицо было противоречие между словами и делами американского правительства³⁵.

Избранный в 1993 г. президент США Б. Клинтон следующим образом выразил позицию американской администрации по отношению к роли Турции в Прикаспийском регионе: «Турция сделала больше, чем от нее требовалось, и мы все ей за это благодарны»³⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что к концу 1993 г. Турция утратила роль регионального лидера, первоначально отведенную ей администрацией США. И это стало одним из факторов, спровоцировавших экономический и политический кризис в Турции в середине 1990-х гг.

Примечания

- 1 *Clines F.X.* Ethnic War in the Caucasus Finds New Depths of Carnage // *The New York Times*. 1992. March 8.
- 2 *Bonner R.* War in Caucasus Shows Ethnic Hate's Front Line // *The New York Times*. 1993. Aug. 2.
- 3 Turkey warns Armenia of war // *Boston Globe*, St. Louis Post-Dispatch. 1993. Sept. 5.
- 4 Russia Warns Iran on Azerbaijan // *Associated Press*, San Francisco Chronicle. 1993. Sept. 8.

- 5 *Schmemann S.* Turkey Holds Talks on Caucasus War // *The New York Times*. 1993. Sept. 10.
- 6 *Hockstader L.* Daily briefing: Azeri-Armenian War May Spread – Raging conflict threatens to draw in Russia, Turkey and Iran // *Washington Post*, San Francisco Chronicle. 1993. Sept. 17.
- 7 *Cowell A.* Turgut Ozal, 66, Dies in Ankara: Pugnacious President of Turkey // *The New York Times*. 1993. April 18.
- 8 Turkey's president dies: Ozal's Western ties helped modernize country // *Telegram & Gazette-Worcester*. 1993. April 18.
- 9 Of pipedreams and hubble-bubbles: Caspian oil (struggle for control of oil resources under the Caspian Sea) // *The Economist*. 1995. March 25.
- 10 См.: *Жигалина О.И.* Центральноеазиатский макрорегион – перспективы и альтернативы политического и экономического сотрудничества // *Восток*. 1993. № 5. С. 171.
- 11 World Bank Loans Decline To Developing Countries // *Wall Street Journal*. 1992. July 8.
- 12 См.: *Старченков Г.* На перекрестке интересов России и Турции // *Азия и Африка*. 1993. № 5. С. 40.
- 13 *Knight R., Lief L.* Fire, fury and nationalism // *U.S. News & World Report*. 1992. July 6.
- 14 См.: *Уляхин В.Н.* С Россией или без? // *Восток*. 1993. № 6. С. 72.
- 15 См.: *Малашенко А.В.* В поисках синтеза секуляризма и фундаментализма // *Восток*. 1993. № 6. С. 122.
- 16 *West J.R.* Commonwealth of Independent States: Expanding the Definition of 'Middle East' // *Washington Post*, San Francisco Chronicle. 1992. Jan. 6; *Englund W.* Independence woes create nostalgia in Kyrgyzstan // *Moscow Bureau*, *The Sun*, Baltimore, Md. 1992. April 16.
- 17 *Rupert J.* Federation and the Republics: Differing Views on New Commonwealth // *Washington Post*, San Francisco Chronicle. 1991. Dec. 16. P. A12.
- 18 См.: *Володарский М., Баазова Л.* Центральноеазиатские альтернативы: Россия, Иран и независимые государства Средней Азии после распада СССР (1990–1994) // *Восток*. 1997. № 1. С. 81.
- 19 *LeVine S.* U.S. Seeks to End Russian Domination of the Caspian // *The New York Times*. 1999. Nov. 20.
- 20 *Erlanger S.* 3 Slavic Ex-Soviet Lands to Press Economic Union // *The New York Times*. 1993. July 15.
- 21 *Володарский М., Баазова Л.* Указ. соч. С. 81.
- 22 Там же. С. 80.
- 23 Centered Approach of U.S. May Help to Create Instability Later // *Wall Street Journal*. 1992. May 4.
- 24 *Rubinfen E.* Russia Is Caught Up in Ethnic Brush Fires – Moscow, Without a Strategy, Reverts to Imperial Ways // *Wall Street Journal*. 1992. Oct. 29.
- 25 *Schmemann S.* Oil but Not Order: A special report – War and Politics Clog Azerbaijan's Road to Riches // *The New York Times*. 1993. July 9.
- 26 См.: *Мурадян А.А.* Средняя Азия в системе международных отношений (по материалам межинститутского семинара) // *Восток*. 1993. № 5. С. 163.

- ²⁷ *Rupert J.* Op. cit. P. A12.
- ²⁸ *Rashid A.* The new struggle in Central Asia: A primer for the baffled // *World Policy Journal*. 2000. Jan. 1.
- ²⁹ *Bonner R.* The world: Playing Dominoes in Central Asia: Why All Eyes Are on a Place Called Tajikistan // *The New York Times*. 1993. Nov. 7.
- ³⁰ *Cowell A.* Turkey Loses Its Allure as a Patron in Central Asian Nations // *The New York Times*. 1993. Aug. 4.
- ³¹ Turkic delights: Central Asia – Turkey seeks to increase its influence in the Central Asian Republics // *The Economist*. 1995. June 17.
- ³² *Crossette B.* U.S. Remains Moscowcentric on Once-Soviet Asia // *The New York Times*. 1992. May 31.
- ³³ *Greenberger R.S.* Turkey longs for respect, rewards from West // *Wall Street Journal*. 1993. June 14.
- ³⁴ *Cowell A.* Turkish Leader to Press U.S. on Iraq Embargo // *The New York Times*. 1993. Oct. 14.
- ³⁵ *Friedman S.* U.S. Praises Turkey, Gives It Jet Fighters: Christopher welcomes 'new relationship' in talks // *San Francisco Chronicle*. 1993. June 14.
- ³⁶ In Central Asia, New Alliances Shift the Balance, Turkey Looks to West // *The New York Times*. 1993. Nov. 9.

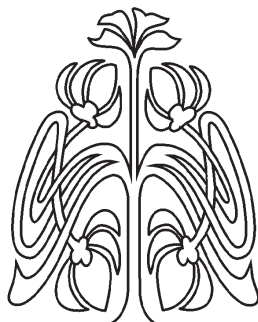
ИСТОРИЯ САРАТОВСКОГО КРАЯ

УДК 94 (47+470.44–25).045+908 (470.44–25) |16|+929 Аничков

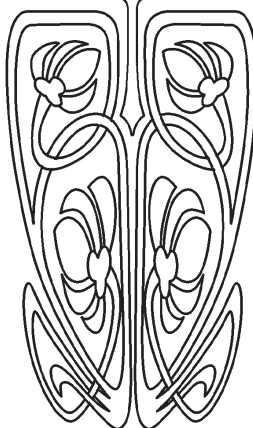
САРАТОВСКИЙ ВОЕВОДА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ АНИЧКОВ (1607–1608)

Я.Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В центре внимания автора статьи судьба одного из малоизвестных деятелей Смуты, оказавшегося в 1607–1610 гг. в эпицентре событий Смутного времени в Среднем и Нижнем Поволжье. Автор подробно рассматривает дальнейшую судьбу этого человека, его переход на сторону правительства Михаила Романова, пребывание на посту воеводы Уфы, участие в обороне Москвы от поляков в 1618 году.

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории Саратова в период похода боярина Федора Шереметева на Волгу, впервые приведены имена рядовых защитников Саратова от войск самозванцев.

Ключевые слова: Смутное время, Владимир Аничков, царевич Иван-Август, воевода Шереметев, Нижний Новгород, Саратов.

Saratov voevoda Vladimir Annichkov (1607–1608)

Ya.N. Rabinovich

This article is devoted to the life of one of the little-known figures of the time of the Trouble who was in the center of events in the middle and low regions of the Volga. The author regards the following destiny of this person, his turn to the side of Michael Romanov's government, his occupation as a voevoda of Ufa and taking part in the defense of Moskow during the Polish attack in 1618.

The article deals with the unknown facts of Saratov history during boyarin Fyodor Sheremetiev's campaign on the Volga, regards the names of the ordinary defenders of Saratov from the impostors' army.

Key words: The time of the Troubles, Vladimir Annichkov, prince Ivan-Avgust, voevoda Sheremetiev, Nizhny Novgorod, Saratov.

Аничковы – дворянский род, якобы происходивший от золотоордынского царевича Берке, который прибыл на службу к Ивану Даниловичу Калите в Москву в 1331 году. Авторы Славянской энциклопедии пишут, что при крещении самим митрополитом Петром этот царевич Берке получил имя Аникей, а его потомки стали писаться Аничковы. Фактически митрополит Петр умер ещё в 1326 г., а в 1331 г. на митрополии находился уже Феогност. В.Н. Федорченко относит прибытие царевича Берки в Москву «к вел. князю Ивану Даниловичу Калите» к 1301 г., хотя в то время Иван Калита еще не был великим князем. Берке-Аникей был женат на дочери Викулы (Микулы) Воронцова, от брака с которой оставил единственного сына Юрия¹.

Известно, что Иван и Василий Григорьевичи Аничковы владели поместьями в Новгородской земле в 1490 году. В Смутное время отличились их потомки: Иван, Филон и Семен Михайловичи и Замятня Васильевич Аничковы, помещики Деревской пятины, а также Иван Петрович и Фирс Аничковы – помещики Бежецкой пятины. Известны еще более десятка новгородских помещиков Смутного времени Аничковых². Некоторые из Аничковых владели поместьями на юге страны. Так, Алексей Дмитриевич Аничков, погибший 24 мая 1571 г. в Москве во время похода Девлет Гирея, был помещиком в Серпейске³.

Герой этого очерка, Владимир Владимирович Аничков, был помещиком Нижегородского уезда, Березопольского стана. В 1604 г. он

«приложил руку», т.е. расписался в получении денег за помещика Бежецкой пятины Фирса Аничкова (жалование из Галицкой Четверти в размере 6 рублей) «за Сибирскую службу»⁴. Обычно за неграмотных служилых людей (или отсутствующих в Москве во время раздачи жалования) расписывались их родственники или товарищи по службе. О родственных связях Владимира и Фирса Аничковых сказать ничего не могу, однако «Сибирская служба» была хорошо знакома Владимиру Аничкову. Он еще в 1594 г. вместе с князем Ф.П. Борятинским строил в Сибири город Сургут, затем служил в Сургуте стрелецким головой. В Разрядах сохранилась запись об этих событиях: «В Новом городе вверх по Оби в Сургуте князь Федор Борятинский да голова Володимер Аничков»⁵. Других сведений о сибирской службе Владимира Аничкова при Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове пока не обнаружено.

Владимир Аничков упоминается в Карамзинском хронографе, как помощник саратовского воеводы Замятни Сабурова в период обороны Саратова от отрядов самозваного царевича Ивана-Августа: «Того же 116 году (1607/1608 г.) на Саратове с ратными людьми с Низовых городов были воеводы Замятня Иванович Сабуров, да товарищ ему был Володимер Володимеров сын Аничков, а с ними ратные люди». Далее в этом источнике говорится о неудачной осаде Саратова мятежниками: «И под Саратов приходили воры с Астрахани, а с ними был вор, назывался царевичем Иваном Ивановичем, царя Ивана Васильевича сыном; и к Саратову русские воры приступали с такими ж приступы, и в Саратове воеводы и ратные люди отсиделися и на приступах и на выласках астраханских воров многих побиили». В заключение приводится важная информация о том, что после поражения под Саратовом самозванец Иван-Август отступил в Астрахань: «и вор, который назывался царевичем Иваном, от Саратова пошел с астраханскими людьми в Астрахань»⁶.

Возможно, автор Хронографа взял этот рассказ целиком из какой-то Разрядной книги. Запись помещена под 116 г. (1607/1608 г.), но этот поход к Саратову царевича Ивана-Августа был осуществлен несколько ранее, еще летом 1607 г., в то время, когда боярин Ф.И. Шереметев еще находился под Астраханью, «на острове на Балчике».

Этим событиям много внимания уделил А.А. Гераклитов. Он отмечал, что Владимир Аничков был «вторым воеводой в Саратове во время приступа казаков с самозванцем царевичем Иваном Ивановичем, будто был сыном Грозного»⁷. В своем труде по истории Саратовского края А.А. Гераклитов, оговариваясь, что последовательность событий не всегда ясна, указал, что царевич Иван-Август появился в Астрахани уже после ухода оттуда Шереметева. Историк-краевед датировал этот уход Шереметева из-под Астрахани летом 1608 года. По мнению Гераклитова, сначала Шереметев отступил из Астрахани,

затем там появился царевич Иван-Август, после чего произошло восстание в Царицыне: «С уходом Шереметева из-под Астрахани здесь сразу объявилось три самозванца – Август, Осиновик и Лавр. Август назвался сыном Ивана Грозного ... Царицынцы, прослышав о появлении в Астрахани царевича Ивана Ивановича, изменили царю Василию и выслали туда на мученическую смерть своего воеводу Акинфова»⁸.

Фактически хронология событий была совсем иной. По-видимому, Гераклитов не был знаком с актами А.М. Гневушева, которые были опубликованы в центральном издании за 8 лет до выхода его труда⁹. Эти источники с 1919 г. находились в библиотеке Саратовского университета, где Гераклитов возглавлял после революции отдел рукописей и старопечатных книг¹⁰.

Боярин Ф.И. Шереметев отступил от Астрахани не летом 1608 г., а в начале октября 1607 г., ибо уже 24 октября 1607 г. он подавил восстание в Царицыне и надолго обосновался в этом городе. Появление царевича Ивана-Августа в Астрахани можно отнести также к лету 1607 г., а не к 1608 г., как считал Гераклитов. Скорее всего, уже летом 1607 г. царевич Август двинулся вверх по Волге на Москву. На его пути оказался Саратов, где воеводами были Замятня Сабуров и Владимир Аничков. С этого момента и начинается знаменитое «Саратовское осадное сидение», о котором довольно часто упоминается в источниках. Саратовские краеведы обошли своим вниманием эти источники. Речь идет в первую очередь о «Кормленной книге Костромской чети», опубликованной А.Н. Зерцаловым ещё в 1894 г. А.А. Гераклитов был хорошо знаком с этим источником, однако в своих трудах не привел ни одного имени простых защитников Саратова, ограничившись упоминанием начальных людей города и общими фразами о награждении других служилых людей за оборону Саратова¹¹.

Данный источник позволяет выявить имена тех служилых людей, которые обороняли Саратов вместе с Замятней Сабуровым и Владимиром Аничковым. Прежде всего, это курмышские помещики, которым позднее, уже при Михаиле Романове 3 апреля 1615 г. было подтверждено пожалование, полученное при Василии Шуйском. Эти курмышские служилые люди при царе Василии были пущены в четь (получали жалование из Костромской чети) в размере 7–8 рублей «за Саратовскую службу и за осадное сидение с Замятней Сабуровым в плавной», за то, что «при царе Василье были на службе в Саратове, в осаде сидели». Среди курмышских служилых людей, защитников Саратова, упомянуты Степан Васильевич Евлашев, Юрий Шапилов, Матвей Долбилов, Федор Васильевич Дубенский¹².

Среди других защитников Саратова известен саратовский сотник Микита Муромцев, которому 23.12.1611 г. «был учинен старый оклад 15 рублей, да по боярскому приговору за службу придано

10 рублей»¹³. Также позднее был награжден казанский жилец «Офонасей Семенов сын Соловцов за царевскую и саратовскую службу и за осад и за выласки...»¹⁴.

Воевода Ф.И. Шереметев, как бы почувствуя, что под Саратовом могут разыграться драматические события, еще находясь в районе Астрахани, отправил к Замятне Сабурову и Владимиру Аничкову отряд на помощь: «З Балчика на Саратов станицу сына боярского Игнатъя Соколкова»¹⁵.

Еще один источник, который позволяет уточнить хронологию событий в районе Саратова – это дневник путешествия монахов-кармелитов, которых римский папа отправил через Россию в Персию. Кармелиты убыли из Москвы в конце зимы 1606 г., еще при Лжедмитрии, но почти на год задержались в Царицыне. Одним из первых на данный источник обратил внимание И.И. Смирнов. В своей монографии о восстании Болотникова историк привел цитату из дневника кармелитов: «В день Пятидесятницы (3 июня 1607 г. н.ст. – И.С.) Царицына достиг слух, что Димитрий еще жив, это вызвало восстание жителей против воеводы». Жители связали воеводу Ф.П. Акинфова и отослали в Астрахань. Примерно в это же время произошла встреча кармелитов с царевичем Августом, который со своим отрядом двигался через Царицын на север. Казаки его войска и сам предводитель оказались благодетелями для кармелитов, дали им провизию, снабдили судном с гребцами, с которыми они отплыли из Царицына в Астрахань 24 июля 1607 года.

После того как царевич Иван-Август в середине августа прислал в Астрахань свое согласие на отплытие кармелитов в Персию, они покинули Астрахань. П. Пирлинг дополняет сведения английской хроники: самозванец Август, которого встретили кармелиты, вел свое войско в Москву, надеясь устроиться как-нибудь с Лжедмитрием¹⁶. В июне–июле 1607 г. царевич Иван-Август двигался из Царицына к Саратову, но главной целью похода была Москва, соединение с Болотниковым и царевичем Петром Федоровичем. Упорная оборона защитников Саратова в июне–июле 1607 г. вынудила Августа прекратить дальнейший поход и вернуться в Астрахань.

Узнав, что Царицын находится в руках врага, Ф.И. Шереметев и Замятня Сабуров составили новый план, согласно которому отряд Владимира Аничкова из Саратова и войско Шереметева из-под Астрахани должны были осуществить совместный поход на Царицын и нанести удар с двух сторон, с юга и севера. Ногайцы Иштерека также должны были в это время прибыть к Царицыну и оказать поддержку войску Шереметева.

24 октября 1607 г. войско Шереметева освободило Царицын. Неизвестно, сумел ли Владимир Аничков с отрядом прибыть к Царицыну, но Иштерек, как обычно, саботировал это указание и предпочитал быть сторонним наблюдателем¹⁷.

В Царицыне Шереметев обосновался надолго, он находился здесь до августа 1608 года.

Зима–весна 1608 г. прошла для саратовцев относительно спокойно. Боярин Шереметев, находясь в Царицыне, препятствовал движению на север воровских отрядов. Скорее всего, Замятня Сабуров умер во время этой зимовки. Новым воеводой Саратова стал Степан Никифорович Чепчугов. Этот воевода неизвестен саратовским краеведам. Он упоминается в источниках только однажды, в донесении Федора Ивановича Шереметева царю Василию Шуйскому¹⁸.

В начале марта 1608 г. Шереметев из Царицына отправил ногайского посла в Москву через Саратов с наказом воеводе Саратова Степану Чепчугову. В донесении царю Василию боярин Шереметев писал: «И мы, холопы твои, Иштерекых послов, Боймамет Кучюмова с товарищи девять человек с Царицына отпустили к тебе ко государю марта в 3 день, а в приставах с ними послали Василия Мотовилова, Филиппа Есипова, Якуша Елизарова, да провожатых до Саратова и корм им до Саратова дали, а на Саратов к Степану Чепчугову писали, чтоб он им дал корм по росписи с Саратова до Самары. Аналогичные указания были даны воеводам Самары и Казани Богдану Вельяминову и Богдану Бельскому»¹⁹. В этом донесении имя Владимира Аничкова не упоминается, но, скорее всего, он оставался помощником Степана Чепчугова в Саратове.

Летом 1608 г., когда обстановка под Москвой резко осложнилась (Лжедмитрий II создал Тушинский лагерь и блокировал столицу), царь Василий Шуйский приказал воеводе Шереметеву срочно идти на выручку Москве. После того как войско Шереметева двинулось мимо Саратова к Казани, для защитников Саратова настали тяжелые времена. Именно к этому периоду относится второе наступление уже трех царевичей к Саратову. Однако и на сей раз саратовская крепость оказалась неприступной.

Лжедмитрий II имел сведения об астраханских царевичах, «своих родственниках», еще в апреле 1608 года. Он писал, что в Астрахани появились царевич Август князь Иван (якобы сын Ивана Грозного и Анны Колтовской), царевич Лаврентий (якобы внук Ивана Грозного, сын Ивана Ивановича и Елены Шереметевой). Далее в грамоте Лжедмитрия перечислены ещё с десяток царевичей, однако среди них нет Осиновика, третьего самозванца, который осаждал Саратов²⁰. В Новом летописце сказано, что в 1608 г. под Астраханью появилось три самозванных царевича «един назвался Август, царя Ивана сын, другой же назвался Осиновик, сын царевича Ивана, а третий назвался Лавер, царя Федора Ивановича сын»²¹.

Эти три царевича штурмовали летом–осенью 1608 г. Саратов. После поражения от саратовских воевод в лагере восставших вспыхнула междоусобица. В.Н. Татищев отмечал, что «Август по согласию с Лавром Осиновика на Волге повеси-

ли». Не сумев прорваться через Саратов вверх по Волге, царевичи Иван-Август и Лавр двинулись к Москве по суше через земли мордвы. В Тушино Лжедмитрий приказал их повесить. «И так сии воры достойный своему воровству престол высокий достали, а пришедшие с ними многие разбежались, другие же целовали крест вору тушинскому»²².

Н.И. Костомаров приводит интересные сведения о том, что 22 февраля 1609 г. «из отдаленного Саратова прибыли посадские к царю с изъявлением покорности. Оттуда доставил в Тушино князь Владимир Бахтеярович Ростовский с казаками двух самозванцев»²³. Трудно сказать, из какого источника почерпнул Н.И. Костомаров данные сведения об измене Саратова (возможно, он неверно истолковал сведения источника о походе двух царевичей к Лжедмитрию). Если принять версию историка, то в конце 1608 г. в Саратове произошел переворот, жители изменили царю Василию и признали власть Лжедмитрия II. Неизвестно, какую роль в этом сыграл князь Владимир Бахтеяров-Ростовский, но воеводы Аничкова в это время в Саратове уже не было. По-видимому, он в 1609 г. находился в Москве, обороняя столицу от тушинцев. За свои заслуги, «за московское осадное сидение», царь Василий пожаловал его вотчиной в Нижегородском уезде²⁴.

Далее мы встречаем Владимира Аничкова среди защитников Нижнего Новгорода. В 1610 г. В. Аничков, продолжая находиться на службе у Василия Шуйского, участвовал в обороне Нижнего Новгорода от воровских людей с Низа. Из Москвы царь отправил Владимира Аничкова вместе с другими воеводами в Нижний Новгород: «И велел государь в Нижней быть на прибавку воеводам князь Василью Масалскому, да Самсону Чевкину, да Якову Прокудину, да Володимеру Оничкову». Главный воевода, в подчинении которого находился Владимир Аничков – это известный деятель Смуты князь Василий Федорович Литвинов-Мосальский. Именно он в 1611 г. привел под Москву муромское ополчение, затем находился в составе Нижегородского ополчения и погиб 22 октября 1612 г. при штурме Китай-города. Возможно, Владимир Аничков находился и после 1610 г. в составе отряда князя В.Ф. Мосальского.

Недавно опубликованные источники, «Сказки дворян Нижегородского ополчения о службе в 1606–1610 гг.», содержат информацию о том, как весной 1610 г. к Нижнему Новгороду приходили «низовые воры, стрельцы, и казаки, и татарове, и черемиса, ... воровские люди князь Роман Троекуров и Петр Бутурлин с конной и струговой» ратью, которые осадили Нижний. Благодаря помощи воевод князя Василия Мосальского и Владимира Аничкова мятежники были разбиты, осада Нижнего была прекращена. Сразу после этого (в июне 1610 г.) воеводы князь Василий Мосальский и князь Алексей Львов из Нижнего Новгорода предприняли наступление на Арзамас

и освободили город от сторонников Лжедмитрия («и Арзамас взяли взятем»). Владимир Аничков также участвовал в этом походе. В одной из разрядных записей он упомянут в числе воевод, которые пошли «из Нижнего под Арзамас на Вод да на село Кобылино». В кормленной книге Костромской чети приведены имена десятков служилых людей, нижегородцев, награжденных за «Нижегородскую службу и за Арзамасское взятье 118 году и за Подмосковную службу 119 году». После этих побед под Нижним и Арзамасом царь Василий Шуйский в одном из своих последних указов повелел дать многим служилым людям «за их службы вотчины из их поместий»²⁵.

Сведения о дальнейшей службе Владимира Аничкова в 1611–1612 гг., его участие в Нижегородском ополчении Минина и Пожарского пока не обнаружены. Он вновь упоминается в источниках уже после освобождения Москвы и избрания царем Михаила Романова.

А.А. Гераклитов ошибочно называл Владимира Аничкова «воеводой в Пскове (1613)». Это мнение основано на разрядной записи, где указано, что казаков, которых отправило правительство Михаила Романова к Пскову, возглавил Владимир Аничков. Здесь осторожный исследователь нарушил свои принципы. Он писал: «Основываться только на актах верховного правительства нельзя, т.к. не все эти акты в действительности приводились в исполнение, и упоминание в них данного лица в качестве воеводы того или иного города еще не гарантирует, что он фактически воеводствовал в нем»²⁶.

По-видимому, во время Земского собора 1613 г. Владимир Аничков находился в Москве и принимал какое-то участие в избрании Михаила Романова. Именно Владимира Аничкова отправили бояре из Москвы в конце марта 1613 г. во главе отряда казаков на север в поход против шведов. Это произошло при следующих обстоятельствах. 19 марта 1613 г. в Москве было получено известие из Бежецкого Верха от девяти казачьих агаманов. Казаки сообщали об успешных боях с литовскими людьми. Узнав о результатах Земского собора, они просили нового государя Михаила Федоровича «учинить указ, где им быть на государевой службе». К тому времени в Москве знали, что Псков к началу 1613 г. оставался единственным городом на северо-западе страны, который продолжал сопротивляться шведам и полякам и не признавал власть шведско-новгородского правительства Делагарди-Одоевского. Псковичи просили лидеров ополчения о военной помощи. Было принято решение отправить казаков на помощь Пскову, «идти на государеву службу во Псков»²⁷.

В Москве возникла большая трудность в назначении воеводы к этим казакам, которые ранее входили в состав ополчения князя Д.Т. Трубецкого. Так как «никто из знатных бояр не хотел идти с ними за начальника», то митрополит Кирилл и другие члены Временного правительства от-

правили из Москвы в качестве воеводы к этим казакам Владимира Аничкова. Современный исследователь О.А. Курбатов пишет: «... привести войско ко кресту и идти с ним во Псков поручили простому дворянину Владимиру Аничкову»²⁸. Среди этих воинов, будущих «тихвинских сидельцев», находилась станица астраханских вольных казаков и другие выходцы с волжского Низа. Возможно, существовали какие-то малоизвестные нам связи Владимира Аничкова с вольным казачеством вообще и с волжским в частности. Это обстоятельство вполне могло повлиять на выбор боярами именно Владимира Аничкова для отправки воеводой к казакам.

В Отписке Земского собора Михаилу Романову прямо говорилось: «И мы, холопы твои, послали на Городецкой (уезд) к атаманам и казакам воеводу Володимера Оничкова». В.В. Аничков должен был привести казаков к присяге царю Михаилу. Далее бояре писали царю Михаилу Федоровичу, что они указывали казачьим атаманам после присяги «с воеводою Володимером Оничковым идти на твою государеву службу во Псков». Вместе с Владимиром Аничковым из Москвы была отправлена станица Остафия Петрова в 200 человек. Одновременно в Белозеро была направлена грамота еще четырем казачьим атаманам – вместе с войском Владимира Аничкова идти к Пскову. Через месяц, 18 апреля, уже сам государь назначил в этот ответственный поход более знатных воевод – стольников князя Семена Васильевича Прозоровского и Леонтия Андреевича Вельяминова. По-видимому, Владимир Аничков, передав в Ярославле командование новым воеводам, вернулся в Москву.

Казачьи отряды князя С.В. Прозоровского, отправленные на помощь Пскову, встретив на пути заслон из шведских войск, изменили маршрут движения. В итоге, вместо Пскова они оказались в Тихвине. Об участии Владимира Аничкова в «Тихвинском осадном сиденье» или на воеводстве в Пскове в 1613 г. в источниках не зафиксировано, зато хорошо известно, что уже в конце 1613 г. он находился очень далеко и от Пскова, и от Тихвины. Мы видим его в это время в Уфе, в качестве второго воеводы. В. Аничков был помощником уфимского воеводы князя Б.А. Хилкова. В Дворцовых разрядах за 7122 год (1613/1614) записано: «На Уфе стольник и воевода князь Борис князь Андреев сын Хилков да Володимер Оничков»²⁹.

Воеводы князь Борис Хилков и Владимир Аничков поддерживали тесную связь с воеводой Самары князем Дмитрием Пожарским, который передавал им важную информацию о последних событиях на Нижней Волге. Так, 30 июня 1614 г. воевода Тюмени Матвей Годунов получил из Уфы от воевод князя Бориса Хилкова и Владимира Аничкова сведения о событиях на Тереке и о восстании в Астрахани против атамана Заруцкого. Эти сведения сообщил самарскому воеводе казанец Константин Шушерин, прибыв 18 мая из

Астрахани в Самару³⁰. 31 июля в Тюмень пришла новая грамота от князя Бориса Хилкова и Владимира Аничкова. Уфимские воеводы сообщали, что 12 июня они посылали в Самару станицу Фирса Аничкова, который уже 5 июля возвратился в Уфу с известием об освобождении Астрахани, где теперь находится с войском царский боярин и воевода князь Иван Никитич Одоевский и о бегстве «Ивашки Заруцкого с Маринкой за море»³¹.

Трудно сказать, когда Владимир Аничков уехал из Уфы. В 1615 г. воеводой Уфы в источниках указан один князь Борис Хилков³².

В 1618 г. Владимир Аничков уже московский дворянин. В Дворцовых разрядах записано, что Владимир Аничков был воеводой у Водяных ворот в Москве, в Белом каменном городе вместе с Парфением Мансуровым и дьяком Иваном Шарповым. В это время в Москве были получены тревожные вести, что «королевич Владислав и гетман Ходкевич из-под Можайска хотят идти на Москву, а с Коломенской дороги идут черкасы Сагайдачного на сход». Дополнительная информация об обороне Владимиром Аничковым Водяных ворот содержится в Книгах разрядных, где приводится список личного состава, указано, что общее руководство обороной этой части Белого города осуществлял князь Алексей Григорьевич Волконский. В зону ответственности Владимира Аничкова входил острожек, «что от Олесеивской башни к Москве реке». Туда Аничков обязан был «посылать голов и людей от Водяных ворот, переменясь»³³.

В Осадном списке 1618 г. имя Владимира Аничкова отсутствует, что связано, по мнению Ю.В. Анхимюка и А.П. Павлова, с утратой части этого текста. В Писцовых книгах эти исследователи обнаружили имена ещё 81 человека (25 дворян московских, 36 стольников, 20 стряпчих), участников обороны Москвы в 1618 году. Среди дворян московских, имевших этот чин в 1618 г., которые были пожалованы вотчинами «за королевичев приход», упомянут Владимир Владимирович Аничков³⁴.

Владимир Аничков, согласно Писцовым книгам, владел к тому времени в Нижегородском уезде, в Березопольском стане вотчиной, пожалованной ему ещё при царе Василии Шуйском за московское осадное сидение. Данная вотчина перешла после смерти В.В. Аничкова к его вдове Домне³⁵.

Это все известные к настоящему времени сведения о саратовском воеводе Владимире Владимировиче Аничкове.

Хочется надеяться, что эта первая попытка воссоздания биографии одного из воевод Саратова, несмотря на отрывочность и фрагментарность приведенных сведений, заинтересует не только саратовских краеведов, позволит полнее представить образ этого деятеля Смуты, а также внести некоторые штрихи в картину борьбы, которая разворачивалась в то время в Нижнем Поволжье.

Примечания

- 1 См.: Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: в 2 т. Т. 1 А–М / авт.-сост. В.В. Богуславский. М., 2002. С. 36; Федорченко В.Н. Дворянские роды, прославившие Отечество: Энциклопедия дворянских родов. Красноярск; М., 2001. С. 17.
- 2 См.: Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 697; Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 / сост. С.Б. Веселовский // Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. 28. М., 1912. Стб. 820.
- 3 См.: Синодик по убиенных во брани // Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 183.
- 4 Кормленая книга Галицкой чети 7112 г. // Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / сост. и пред. Л.М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 36.
- 5 Разрядные книги. 1475–1598. М., 1966. С. 487. Начальник В. Аничкова в Сургуте, князь Ф.П. Борятинский – известный деятель Смутного времени.
- 6 Карамзинский Хронограф // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений, включенный в хронографы русской редакции / собр. и изд. А. Поповым. М., 1869. (далее – Попов А. Изборник). С. 339–340.
- 7 Гераклитов А.А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. 1913. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 64.
- 8 Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 124.
- 9 Акты времени правления царя Василия Шуйского (19.5.1606 г. – 17.7.1610 г.) / собр. и ред. А.М. Гневушев (далее – Акты Гневушева) // ЧОИДР. 1915. Кн. 2 (253). М., 1915.
- 10 Благодаря любезной помощи сотрудников зала периодики библиотеки университета (ЗНБ СГУ) удалось выяснить, что данный источник поступил в библиотеку из коллекции А.П. Барсукова 1 августа 1919 года.
- 11 В советское время (да и в настоящее время тоже) краеведы и саратовские историки предпочитали переписывать труды Гераклитова, вместо того чтобы тщательно изучать источники, опубликованные ещё сто лет назад.
- 12 См.: Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А.Н. Зерцалов // РИБ. Т. 15. СПб., 1894. С. 2, 17, 39, 113.
- 13 См.: Кормленая книга Владимирской четверти 123 г. // Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л.М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 44.
- 14 Кормленая книга Галицкой четверти 7121–25 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 81.
- 15 Акты Гневушева. С. 174.
- 16 См.: Путешествие монахов-кармелитов по Волге мимо Саратова к Астрахани // Смирнов И.И. Восстание Болотникова (1606–1607). М., 1951. С. 95, 244–247; Пирлинг П. Из Смутного времени. СПб., 1902. С. 66; См. также: Свиридонова В.П., Тюменцев И.О. Описание путешествия монахов по Волге в 1606–1607 годах (главы из «Хроники кармелитов»). Стрежень: науч. ежегодник. Вып. 2. Волгоград, 2001. С. 390–420.
- 17 «И октября в 24 день (1607 г.) пришел боярин Шереметев и воеводы со всеми людьми и з снарядом под Царицын и город и острог взяли и государевых изменников – царицынских людей, их жен и детей побили и поимали, а иные в степь побежали». См.: Донесение Прокопия Вразского Ф.И. Шереметеву о посольстве к Иштереку // Акты Гневушева. № 93. С. 173.
- 18 С.Н. Чепчугова мог назначить воеводой в Саратов как Ф.И. Шереметев, так и князь Иван Голицын, которого царь Василий Шуйский после капитуляции Болотникова в Туле отправил к Шереметеву. В 1608 г. князь Иван Голицын со своим войском дошел только до Казани, там дождался возвращения судовой рати Ф.И. Шереметева.
- 19 См.: Отписки в Посольский приказ Астраханских воевод Шереметева с товарищами по делам Нагайским. 1608 // Акты Гневушева. № 93. С. 161.
- 20 Грамота Лжедмитрия II в Смоленск об астраханских царевичах. 24 апреля 1608 г. // Бутурлин Д. История Смутного времени в России в начале XVII века. Ч. 2. СПб., 1841. Приложение № 7. С. 56–58. Следует отметить, что Елена Ивановна Шереметева – родная сестра Федора Ивановича Шереметева, который хорошо знал о семейной жизни своей сестры и её якобы имевшихся детях.
- 21 Новый летописец / Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) Т. 14, Первая половина. СПб., 1910. С. 72. Глава «О ворах Астораханских, кои назывались царевичи».
- 22 Татищев В.Н. История Российская: в 7 т. Т. 6. М.; Л., 1966. С. 326.
- 23 Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII в. М., 1994. С. 452–453; П.Г. Любомиров по поводу В.И. Бахтеярова-Ростовского писал: «2 февраля 7116 г. (2.02.1608 г.) ему было сказано боярство (т.е. он находился в Москве. – Я.Р.)... Позже Бахтеяров попал как-то поневоле в Тушино (по одному известию, привезен был из Астрахани, но когда и зачем он оказался в Астрахани, не знаю)». См.: Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.). М., 1939. С. 272.
- 24 См.: Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Том VIII / сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов (далее – Осадный список...). М., 2009. С. 113, 207, 389.
- 25 Сказка Тимофея Семенова сына Жедринского о службе своего отца // Русский дипломатарий (далее – РД). Вып. 6 / сост. А.В. Антонов. М., 2000. № 5; Сказка Никифора Владимировича сына Жедринского о службе своего зятя Ивана Козлова // РД. Вып. 6, № 8; Сказка Сергея Малого о службе своего тестя Михаила Иванова сына Соловцова // РД, Вып. 6. № 13; Сказка Григория Владимировича сына Жедринского о своей службе // РД, Вып. 6. № 14; Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А.Н. Зерцалов // РИБ. Т. 15. СПб., 1894; Белокуров С.А. Разрядные записки за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 3 (222). С. 277.
- 26 Гераклитов А.А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Тр. СУАК. 1913. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 62.
- 27 Отписка Земского собора царю Михаилу Федоровичу о мерах по защите Пскова от шведов. 1613, марта по-

сле 19 // Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – ДР). Т. 1. СПб., 1850. Стб. 1051–1056; См. также: *Морозова Л.Е.* Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005. С. 161–163, 339–341.

- 28 *Курбатов О.А.* Тихвинское осадное сидение. М., 2006. С. 8; См. также: Приложение к листу Деллагарди от 3 августа 1613 г. // Сб. Новгородского общества любителей древности. Вып. V. Новгород, 1911. № 6. С. 24.
- 29 ДР. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 152.
- 30 Отписка (в списке) из Тюмени в Туринск об осаждении в Астрахани бунтовщика Ивашки Заруцкого и о готовности его сообщников сдать Государевым Воеводам и самого его выдать. 1614, июль // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (далее – СГГД). СПб., 1822. Ч. 3. № 20. С. 97: «посылали они с Уфы на Самару станицу для вестей, уфимца Порошу

Волкова...». Уже 7 июля Пороша Волков привез эти сведения в Уфу.

- 31 Отписка в списке из Тюмени в Туринск: о покорении Боярином и Воеводою Князем Иваном Никитичем Одоевским Астрахани и о побеге из оной бунтовщика Ивашки Заруцкого с Маринкою на Каспийское море. 1614, август // СГГД. Ч. 3. № 21. С. 99.
- 32 Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – КР). Т. 1. (1614–1627). СПб., 1853. Стб. 89–90; ДР. Т. 1. Стб. 194.
- 33 Собор, держанный в присутствии Государя Царя Михаила Федоровича духовными и светскими чинами: каким образом противустать Королевичу Владиславу 1618, сентября 9 // СГГД. Ч. 3. № 40. С. 173; ДР. Т. 1. Стб. 337; КР. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 509, 569.
- 34 Осадный список 1618 г. С. 18–19.
- 35 Осадный список 1618 г. С. 113, 207, 389. См. также: РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Книга № 293 (Писцовая книга по Нижнему Новгороду). Л. 249.

УДК 94(470.44–89)1812]

ИНОСТРАНЦЫ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812 ГОДУ: ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОРТРЕТА

В.П. Тотфалушин

Саратовский государственный университет
E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

Статья посвящена «разбору» иностранцев 1812 г., который благодаря своей масштабности и подробности собираемых сведений, позволяет составить обобщенный историко-социальный портрет чужеземцев, оказавшихся в Саратовской губернии к началу Отечественной войны.

Ключевые слова: «разбор» иностранцев, историко-социальный портрет, Отечественная война 1812 года.

Foreign Nationals in Saratov Region in 1812: Construction of the Collective Image

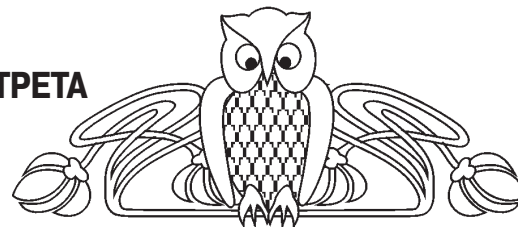
V.P. Totfalushin

The article devoted to the «surveying» of foreign citizens in Russia in 1812, which has become a significant and complex procedure. The results of these actions gave historians reach material for depicting a detailed socio-historical portrait of foreign nationals, who has happened to be in Saratov region at the beginning of Patriotic War.

Key words: «surveying» of foreign citizens, socio-historical portrait, Patriotic War 1812.

Среди проблем, стоящих перед современными исследователями эпохи 1812 г., важное место занимает вопрос, связанный с положением иностранных подданных, оказавшихся в разное время на территории России, к моменту начала Отечественной войны 1812 года.

После открытия военных действий потенциальная опасность, исходившая от них, заставила русское правительство принять превентивные

меры и распорядиться судьбой иностранцев в соответствии с требованиями военного времени. Деятельность по выявлению иностранных подданных и определению их лояльности получила в официальных бумагах название «разбор» иностранцев¹.

В адрес губернаторов тогда были направлены циркулярные письма, к которым прилагался особый опросный лист. Согласно нему, необходимо было узнать «имя и прозвание» каждого иностранца с указанием, имеет ли он жену и какое количество у него детей; его национальность; состояние; «имеет ли здесь собственный свой дом» с пояснением каменный он или деревянный, а если это лавка, то с каким товаром; время, с которого иностранец находится в России, а также какое решение по каждому человеку будет принято.

В результате в ходе «разбора» был собран массовый материал, который позволяет представить общую численность чужеземцев и распределение их на территории страны, определить соотношение иностранцев, проживавших в городах и сельской местности, увидеть национальный состав, семейное положение, род занятий, наличие собственности и т.д.

Кроме того, анализ собранных массовых данных об иностранцах позволяет приблизиться и к решению поставленной еще в середине XIX в. задачи, связанной с определением влияния иностранцев на развитие российского общества.

В краеведческой литературе существует большое количество работ о немецких колонистах Поволжья, которые, однако, иностранцами не считались, а были одной из категорий населения Российской империи. А вот положение иностранцев, проживавших на территории Саратовской губернии в эпоху войны 1812 г., еще не становилось предметом специального исследования.

Наиболее информативными и достоверными при рассмотрении вопросов, связанных с иностранцами, являются в силу своего назначения делопроизводственные документы, которые составлялись после получения предписания о переписи всех чужеземцев. Саратовский губернатор А.Д. Панчулидзе разослал соответствующие эстафеты во все уездные города, выплатив за них почтовой конторе 172 рублей 80 копеек. В результате был собран представительный и исчерпывающий комплекс данных об иностранцах разного происхождения, социального статуса и служебного положения, проживавших в Саратовской губернии в 1812 году. Дело о переписи иностранцев составило 120 листов. По данным Н.Ф. Хованского, в архиве местного губернского правления оно не сохранилось².

Однако изучение делопроизводственных документов главного органа, отвечавшего за пребывание иностранцев в России на общероссийском уровне, Особенной канцелярии министра полиции, документация которой отложилась в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Особенной канцелярии Министерства внутренних дел (Ф. 1165), позволило получить обобщенную информацию о положении «саратовских» иностранцев.

По данным этого архива, поступавшие в губернский город сведения об иностранцах были обобщены в три списка. Первый назывался «Список о[б] иностранцах в Саратовской губернии находящихся», второй – «Список о служащих иностранцах в Саратовской губернии находящихся», третий – «Список иностранцам в Экспедиции Елтонского соляного промысла служение имеющим»³. Всего в них оказалось зафиксировано 56 иностранцев, имевших в Саратовской губернии постоянное местопребывание.

Среди «учтенных» иностранцев, живших в губернии в 1812 г., были 51 мужчина и 5 женщин. Собственно, количество иностранцев было значительно больше, так как многие из них были связаны семейными узами, однако в «разборе» члены семей отдельно не учитывались. Кроме того, лишь у четырех жен иностранцев можно точно определить их национальную принадлежность: две родились в Пруссии, по одной в Швейцарии и Саксонии. Пометы еще у двух женщин определяют, скорее, их социальный статус, нежели национальную принадлежность: одна была «дочерью здешнего колониста», другая – российской дворянкой⁴. У детей же и домочадцев иностранцев данные о национальности полностью отсутствуют.

В представленных губернатору данных семейное положение было указано для 35 мужчин: 34 были женатыми, один холостым. Возможно, еще один (Павел Жамбонии) являлся вдовцом, так как в его домохозяйстве не отмечена жена, но есть сноха (жена сына)⁵. Против остальных фамилий мужчин специальных пометок сделано не было, поэтому можно предположить, что все они были не женаты.

С силу тех же причин можно предположить, что и все пять иностранок были не замужем. Однако прямого указания на то, что они «девицы» или «вдовы», нет, кроме того, у двух из них был ребенок⁶.

Всего в семьях иностранцев родилось 52 ребенка: среди них насчитывалось 27 сыновей и 21 дочь, еще у четырех детей конкретный пол не был указан. Не все они жили при родителях. Например, сын учительницы французского языка С. Лотомбель находился во Франции, а сын торговца П. Жамбонии либо уже умер, либо находился в другом месте. Зато вместе с последним проживала его сноха Цицилия Яковлева и внучка Марианна, а в семье Франца Рихтера находились в услужении Анна и Мария Бенген⁷.

Таким образом, с учетом двух отсутствующих детей общее количество людей, которые могут быть причислены к иностранцам Саратовской губернии, возрастает до 142 человек.

Выходцы из других государств жили в 5 из 10 уездов Саратовской губернии: Вольском, Петровском, Саратовском, Сердобском и Хвалынском. Однако здесь, в глубинке, их было (без учета членов семей) всего 10 человек, причем четверо из них проживали в Сердобском уезде, в с. Надеждине у князя А.Б. Куракина⁸.

Основная же масса иностранцев сконцентрировалась в городах: один человек жил в Петровске, семь – в Царицыне, 11 – в Вольске и 27 – в Саратове. В других городах губернии иностранцев обнаружено не было. Таким образом, даже если учесть членов семей иностранцев, приведенные выше цифры не подтверждают устоявшееся мнение о значительном числе выходцев из других государств в усадьбах российских помещиков.

Из живших в губернии иностранцев девять человек были представителями абстрактной «немецкой нации», а три – «итальянской». Восемь человек являлись выходцами из земель Прусской короны (семь – из Пруссии, один – из Прусской Померании), по семь – из Франции и Габсбургской империи (в том числе четверо – из Австрии, два – из Богемии, один – из Венгрии).

Пять человек происходило из Саксонии, четверо – из земель Шведской короны (два – из Швеции, один – из Шведской Померании, один – из ганзейского города Штральзунд в Шведской Померании), трое – из земель Датской короны (один – из Дании, два – из Голштии).

По два человека прибыли из Англии и Швейцарии, по одному – из Бадена, Вюртемберга,

Мекленбург-Шверина, Мекленбурга (не ясно – Шверина или Стрелица), земель вольного города Франкфурта-на-Майне и некоего Алмбургского герцогства. Следует обратить внимание на то, что все иностранцы были выходцами из европейских стран, причем 32 человека, или 57%, представляли различные германские государства, земли или города.

Среди них был персонаж, которому пришлось пересекать границу дважды: первый раз С. Лотомбель приехала в Россию в 1790 г., второй – «в 1808-м году в сентябре месяце», после того как в 1806 г. была выслана во Францию «в разсуждении бывшей тогда войны с французами»⁹.

Конфессиональная принадлежность показана лишь у одного мужчины и двух детей, которые были православными¹⁰. По умолчанию можно предположить, что все остальные были католиками, либо протестантами.

33 человека приехали в Россию в XVIII в. (причем один – уже в первой его половине), 22 – в начале XIX века. Еще один иностранец не смог назвать точной даты своего приезда, показав, что он в России «с самого малолетства»¹¹. Как видно из этого соотношения, в начале нового столетия наметилась тенденция существенного роста численности иностранцев в пределах Саратовской губернии.

Из проживавших в губернии иностранцев 19 человек работали по различным ремесленным специальностям, это были столяры (четыре человека), портные (три человека), слесари и ткачи (по два человека), пекарь, красильщик сукон, седельщик, чулочник, свечной, сахарный и серебряных дел мастера и даже специалист по «деланию разных водок». Трое из них были приписаны к ремесленным цехам различных городов¹².

14 иностранцев занимались учительской и воспитательской деятельностью, при этом двое преподавали в вольском пансионате Злобина, а остальные вели обучение дворянских детей на дому. Преобладали среди них учителя иностранных языков (французского и немецкого), далее с большим отставанием шли преподаватели музыки и рисования, и лишь один иностранец выполнял функции «дядьки», т.е. гувернера.

Восемь человек были заняты в обслуживании дворянских владений, среди них два берейтора, конюх, егерь, смотритель лесов, садовник, капельмейстер и слуга. Торговлей занимались четыре человека, причем два из них были записаны в саратовское и царицынское купечество¹³, в сфере же предпринимательства и медицины трудились всего лишь по одному иностранцу¹⁴.

Еще восемь человек находились на гражданской службе: пять – в Конторе опекунов иностранных, один – в бухгалтерии Эльтонского соляного промысла, один – в Петровском земском суде, один являлся обер-форстмейстером (главным лесничим), и лишь один нес службу в Саратовском батальоне Внутренней стражи.

Из служащих иностранцев восемь человек имели классные чины, семь – гражданские: от 14-го класса (коллежские регистраторы В. Каллет и К.И. Шульд) до 8-го класса Табели о рангах (коллежский ассессор Ф.А. Эглау), один (Ф.И. Рихтер) был офицером Российской армии в чине штабс-капитана.

Кроме того, среди саратовских иностранцев были представители научной и культурной интеллигенции, так, Ф.А. Эглау был доктором медицины, И.А. Феслер – профессором¹⁵, а К. Кигелькен – живописцем Императорского Эрмитажа.

Все служащие были российскими подданными, ею же была и учительница Л.Ф. Бернье¹⁶, однако их включение в число иностранцев нельзя назвать ошибкой. По всей видимости, это было сделано сознательно и данный факт может указывать на то, что в начале XIX в. понятие «иностранцы» трактовалось достаточно широко, и в него включали всех, кто каким-либо образом выделялся на фоне жителей коренной России. Иностранная фамилия, акцент в разговоре, отличный от других уклад жизни, иная внешность, манеры поведения – все это могло стать основанием для отнесения человека к разряду иностранцев, несмотря на российскую службу, подданство и православное вероисповедание.

Что касается недвижимой собственности, то подавляющее большинство лиц, отнесенных к числу иностранцев, ее не имели. Лишь 12 из всего числа саратовских иностранцев владели собственными деревянными домами и ни у одного не показано наличие в собственности земли и крестьян.

Таким образом, «разбор» иностранцев 1812 г., благодаря своей масштабности и подробности собираемых сведений, позволяет составить обобщенный историко-социальный портрет чужеземцев, оказавшихся в Саратовской губернии к началу Отечественной войны. Большая часть иностранцев жила здесь годами, а некоторые даже десятилетиями, в их появлении на Саратовской земле прослеживается определенная равномерность и отсутствие ярко выраженных пиковых скачков. В большинстве своем они были выходцами из различных немецких государств (германских курфюршеств, герцогств, вольных городов, Пруссии и Саксонии).

Большая часть иностранцев концентрировалась в городах губернии, при этом, вопреки распространенному мнению, лишь немногие саратовские помещики имели возможность или считали необходимым нанимать на службу представителя другого государства.

Общая численность иностранцев в сравнении с населением губернии была крайне невелика, но влияние выходцев из других государств было достаточно заметно, так как значительная доля прижившихся в губернии чужеземцев служила в различных ведомствах, занималась учебной, обслуживающей, производственной и

другой деятельностью. При этом самой востребованной из них была учительская профессия, которой занималась четверть всех саратовских иностранцев. Важно отметить, что чужеземцы оказали и некоторое влияние на формирование сословий.

Таким образом, изучение проблемы иностранцев позволяет взглянуть на одну из менее исследованных сторон российской действительности, и на примере Саратовской губернии представить реальное положение выходцев из других государств и их влияние на жизнь региона в начале XIX века.

Примечания

- ¹ См. об этом: *Бессонов В.А.* «Разбор» иностранцев в 1812 г. в Калужской губернии // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: материалы Всерос. науч. конф. Вып. XVI. Малоярославец, 2008; *Он же.* «Разбор» иностранцев в 1812 г. Калужская губерния // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VIII: сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года. М., 2009. (Труды ГИМ. Вып. 181); *Тотфалушин В.П.* «Раз-

бор» иностранцев в 1812 году и Саратовская губерния // 1812 год: война и мир: материалы Всерос. конф. Смоленск, 2009.

- ² См.: Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года / сост. Н.Ф. Хованским. Саратов, 1912. С. 64.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1165. Оп. 2. Д. 57 «А». Л. 441, 442–453, 454–459, 460 а об. – 460. Все дальнейшие подсчеты осуществлены по этим документам.
- ⁴ Там же. Л. 443 об., 448 об., 454 об., 455 об., 457 об.
- ⁵ Там же. Л. 444 об.
- ⁶ Там же. Л. 446 об., 448 об.
- ⁷ Там же. Л. 456 об.
- ⁸ Там же. Л. 449 об. – 450 об., 456 об.
- ⁹ Там же. Л. 447.
- ¹⁰ Там же. Л. 443 об., 456 об.
- ¹¹ Там же. Л. 456 об.
- ¹² Там же. Л. 442 об.
- ¹³ Там же. Л. 444 об., 451 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 456 об., 458 об.
- ¹⁵ См. о нем, например: *Попов Н.А.* И.А. Фесслер, биографический очерк // Вестник Европы. 1879. Кн. 4; *Висковатов П.А.* Эдуард Губер и Фесслер. СПб., 1887.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 57 «А». Л. 448 об.

УДК 94(470.44–25).081/083+336.71(470.44)(09)

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ КРЕДИТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ САРАТОВА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

М.В. Зайцев

Саратовский государственный университет
E-mail: zaytsev-mv@mail.ru

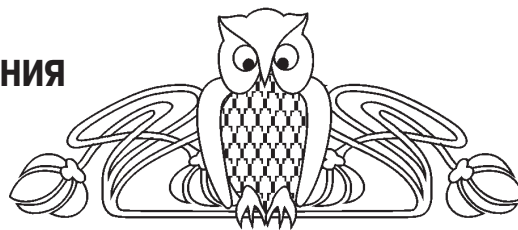
Исследование посвящено кредитным учреждениям, существовавшим в Саратове в последней трети XIX–начале XX в. и находившимся в ведении Саратовской городской думы: обществу банку, ломбарду и городскому кредитному обществу. Автор приводит основные сведения об обстоятельствах их создания, особенностях деятельности и значении для социально-экономического развития города. Кредитные учреждения рассматриваются в качестве важной составной части муниципального хозяйства Саратова этого периода.

Ключевые слова: история кредитных учреждений Саратова, Саратовская городская дума.

Municipal Credit Institutions of Saratov in Late XIX – Early XX Century

M.V. Zaytsev

Research is devoted to the credit institutions existed in Saratov in the late XIX – early XX century and was in charge of the Saratov city дума: to public bank, a pawnshop and a city credit association. The author cites the basic and economic development of the city. Credit

institutions are considered as the important component of a municipal system of Saratov in this period.

Key word: history of credit institutions of Saratov, Saratov city дума.

В настоящее время в России кредитные учреждения, являющиеся частью муниципального хозяйства, встречаются достаточно редко. Однако в истории нашей страны был период, когда общественные банки и ломбарды были обычной и довольно важной частью городского самоуправления. Этот период ограничен Великими реформами 1860–70-х гг. и революцией 1917 г. Данная статья посвящена изучению муниципальных кредитных учреждений, существовавших в ту эпоху в Саратове: Саратовского городского общественного банка, основанного в 1863 г., городского ломбарда, открытого в 1892 г., и Саратовского городского кредитного общества, начавшего действовать в 1909 году.

Краеведческая и научная литература содержит лишь отрывочные и лаконичные сведения об

этих организациях. В книге братьев Семеновых бессистемно и без ссылки на источники изложена некоторая информация о городском общественном банке, ошибочно названном «банком городской управы»¹. Этот труд относится к жанру популярно-исторической литературы с элементами художественного вымысла, поэтому серьезного научного значения он не имеет. «Очерки истории Саратовского Поволжья» в обеих частях второго тома приводят не выходящие за пределы одного абзаца сведения об общественном банке². Столь же краткие и в значительной степени дублирующие друг друга данные о банке можно обнаружить в двух научно-справочных изданиях – «Энциклопедии Саратовского края» и «Энциклопедии промышленности, строительства и бизнеса Саратовской области». Первое из этих изданий одним предложением также сообщает о существовании в Саратове городского кредитного общества, а второе дает самую скудную информацию об этом обществе и о городском ломбарде³. А единственная пока работа, посвященная истории городского самоуправления Саратова, вообще обходит молчанием эту сферу деятельности муниципалитета⁴. Очевидно, что данный вопрос нуждается в более серьезном изучении.

Одной из Великих реформ середины XIX в. была реформа банковской сферы. В 1860 г. в качестве контрольно-регулирующего органа всей финансово-кредитной системы был создан Государственный банк, а 6 февраля 1862 г. было издано Положение о городских общественных банках, которое регламентировало процедуру создания подобных учреждений при муниципалитетах и было призвано стимулировать процесс их образования. Городское самоуправление Саратова в числе первых откликнулось на эту инициативу правительства. Собрание Саратовского городского общества, выполнявшее в то время распорядительные функции по отношению к городской думе, 25 октября 1862 г. приняло решение ходатайствовать о разрешении учредить в городе общественный банк. Министры финансов и внутренних дел санкционировали создание банка, о чем городская дума была уведомлена через губернатора в ноябре 1863 года⁵.

Банк учреждался на следующих основаниях: «1) Основной капитал состоит из 100.000 руб., отделяемых для сего из городского капитала, составившегося от раздачи городских земель в оброчное содержание, 2) Банку разрешается производить следующие операции: а) прием вкладов, б) учет векселей и в) выдачу ссуд под залог процентных бумаг, товаров, драгоценных и других неподверженных порче вещей и недвижимых имуществ, 3) В производстве сих операций, как и во всех прочих действиях своих, банк руководствуется Высочайше утвержденным 6 февраля 1862 года положением о городских общественных банках, 4) Из прибылей банка, за покрытием расходов по содержанию одного и отчислением 10% на

составление резервного капитала до 10 000 руб., – одна третья часть отделяется в городские доходы, другая на предметы благотворительности и воспитания, по ближайшему усмотрению городского общества, а остальная затем причисляется к основному капиталу банка»⁶. Первоначально банк состоял «под ответственностью и наблюдением городского общества», перед которым обязывался отчитываться. Когда в результате реформы 1870 г. городская дума стала распорядительным органом самоуправления, он поступил в ее ведение. Дума избирала членов учетного комитета банка, членов правления (директора и товарищей), рассматривала его ежегодные отчеты и проводила ревизии. Директорами банка, на протяжении его истории, были видные представители саратовского купечества: А.А. Коробков, А.И. Недошивин, И.Н. Уфинцев, В.И. Скворцов, А.И. Селиванов, С.И. Степашкин, П.И. Шилловцев.

Саратовский городской общественный банк открыл свои операции 3 июня 1864 г. в помещении, которое снимал в доме на ул. Московская, где находилась сама дума. Довольно быстро новое кредитное учреждение достигло серьезных масштабов в своей деятельности. По отчетам банка в 1867 г. весь кассовый оборот составил 3,6 млн, а чистая прибыль от операций – 35 175 руб., в 1870 г. – соответственно 11,7 млн и 60 628 руб.⁷

Однако в конце 1870-х и в 1880-е гг. банк пережил наиболее тяжелые для себя периоды, когда, по некоторым сведениям, он даже находился на грани закрытия. Кризис был вызван значительными потерями по ссудам под векселя и недвижимые имущества, «вследствие преувеличенной оценки как некоторых имений, так и кредитоспособности некоторых клиентов по векселям в предыдущие годы, казавшиеся благоприятными». Только благодаря совместным усилиям правительства, городской думы, которая ограничила размер кредитов по векселям двадцатью пятью тысячами, а размер ссуд под недвижимость двадцатью тысячами рублей, и правления, положение банка стабилизировалось. Правда, только к 1899 г. основной банковский капитал достиг того же размера, какой он составлял в 1883 году⁸.

В 1900–1910-х гг. рост операций банка шел гигантскими шагами и к началу Первой мировой войны он был вторым по величине в России среди учреждений такого типа. Санкт-Петербург и Москва не имели собственных общественных банков, очевидно, в связи с наличием на своей территории большого числа разнообразных кредитных учреждений, которыми столичные муниципалитеты могли пользоваться. Среди 386 городских банков самый крупный баланс на 1 января 1915 г. имел Харьковский – 14,1 млн руб., за ним шел Саратовский – 11,5 млн руб. (правда, собственный капитал Харьковского городского общественного банка был больше капитала Саратовского почти в 2,4 раза). Даже в период войны банк продолжал довольно эффективно работать и

наращивать обороты: к 1 декабря 1916 г. общий баланс составлял уже 16,5 млн, а собственный капитал – 1,2 млн руб., хотя стоит отметить, что эти цифры указаны без учета инфляции⁹.

Благополучное состояние кредитного учреждения позволило ему стать серьезным «донором» городского бюджета. Сумма, отчисляемая из прибыли банка «на городские нужды» и «на предметы благотворительности и воспитания», в 1905 г. достигла 38,6 тыс. руб., в 1907 г. – 45 тыс., в 1915 г. – 62,7 тыс., а согласно предварительному отчету городской управы, в 1917 г. в бюджет города из прибыли банка поступило 127 628 руб.¹⁰

По подсчетам современников, за пятидесятилетний период деятельности банк выплатил своим вкладчикам (преимущественно саратовским жителям) в виде процентов более 5 млн руб. Чистая прибыль, составившая более 2 млн руб., распределялась так: 45,84% – отчислено в капитал банка, 51,32% – в бюджет Саратова, 2,84% – уплачено в виде налогов казне. Таким образом, город, предоставивший банку при его учреждении 100 тыс., получил свыше 1 млн руб. дохода. Конечно, этот доход распределялся неравномерно по годам, наивысшего уровня он достиг в конце 1900-х – начале 1910-х гг., когда ежегодная прибыль, перечисляемая в городской бюджет, составляла 60–63% на затраченный капитал, а в 1912 г. – 72,28! Безусловно, такой прибылью не давало больше ни одно из городских предприятий. При этом банк обогащал не только муниципалитет, но и наращивал свои собственные средства. К 1915 г. основной капитал банка уже превышал 1 млн руб., т.е. вырос более чем в десять раз по сравнению с первоначальным. Кроме того, в 1913 г. было выстроено собственное здание для банка на Театральной площади, причем 350 тыс. руб., в которые обошлась эта стройка, были выделены из собственных средств банка¹¹.

Муниципалитет пользовался услугами собственного кредитного учреждения и в качестве обычного клиента. Например, в 1909 г. городское самоуправление получило в общественном банке ссуду на 5 тыс. руб., которые уже от себя выдало в качестве ссуды Обществу естествоиспытателей. Всего же к 1 декабря 1916 г. в банке числилось ссуд городу Саратову на общую сумму 1 497 тыс. руб.¹²

Таким образом, Саратовский городской общественный банк был не только источником кредита для населения, но и доходным предприятием, пополнявшим городские ресурсы, а также важным инструментом финансовой деятельности муниципалитета.

Замысел создания ломбарда саратовское самоуправление доводило до реального воплощения довольно много времени. Идея организации городского учреждения мелкого кредита обсуждалась Саратовской городской думой в октябре 1887 года. Управа утверждала, что необходимо предоставить беднейшей части населения дешевый кредит и снизить вред, причиняемый «крайне

эксплуатирующей деятельностью частных касс этого рода». Частные кредитные учреждения порой доводили проценты по ссудам под залог движимого имущества до трех–четырёх в месяц! В качестве примера столь разорительной для населения организации приводилась контора Печенкина и К^о. Это предприятие, действовавшее в Саратове к тому моменту уже более 10 лет, имело основной капитал всего 50 тыс. руб., в год выдавало ссуд на общую сумму около 400 тыс. руб. и получало ежегодно 48,5 тыс. руб. чистой прибыли. Обвиняя контору в том, что ради этой прибыли она «эксплуатирует почти исключительно бедное население г. Саратова», управа переводила проблему в социальную область. Чтобы «парализовать вредоносную деятельность конторы Печенкина и К^о, подавляюще действующую на всякий другой мелкий кредит, и облегчить в этом отношении нуждающееся население» было предложено создать городскую ссудо-сберегательную кассу¹³.

Гласные положительно отнеслись к этой инициативе. Заместитель городского головы И.Я. Славин рассказал, что незадолго до этого Комитет министров Российской империи утвердил «особый устав Вологодской сберегательной кассы, или, как она названа, городского ломбарда», что «устав этот, как образцовый и нормальный, отпечатан в собрании узаконений» и что министру финансов дано право утверждать подобные уставы ссудо-сберегательных касс и в других городах. Специальная комиссия из числа гласных разработала устав городской ссудо-сберегательной кассы, который был утвержден думой в начале 1891 года. Именно касса была более предпочтительной по форме организацией, поскольку она позволяла не только выдавать ссуды под залог движимого имущества, но и принимать денежные вклады от населения, что расширило бы объем ссудных операций при дефиците свободных городских средств¹⁴. Однако именно это стало камнем преткновения для осуществления плана. По каким-то причинам Министерство финансов не дало согласия на открытие такого учреждения. Летом 1891 г. через губернатора муниципалитет был уведомлен, что финансовое ведомство «не находит необходимости в учреждении городской ссудо-сберегательной кассы в Саратове, а рекомендует открытие городского ломбарда». При этом устав Вологодского городского ломбарда был приложен для образца. Думе оставалось только согласиться и осенью 1891 г. устав саратовского ломбарда был одобрен и утвержден¹⁵.

Основание ломбарда было санкционировано с капиталом в размере 100 тыс. руб., который предполагалось занять в городском общественном банке или других кредитных учреждениях из 6% годовых. Ссуды могли выдаваться под залог движимого имущества в размере от одного рубля на срок от 1 до 12 месяцев из 1,5% в месяц, причем ссуда не могла превышать 90% «весовой стоимости» для драгоценных металлов и 75% стоимости

по оценке остальных вещей. Не выкупленные в установленный период заемщиком вещи продавались с торгов, а выручка компенсировала понесенные убытки. Ломбард считался автономным учреждением, но находился под полным контролем городской думы, которая избирала возглавлявшего это учреждение распорядителя, ежегодно ревизовала ломбард и рассматривала отчет о его деятельности. Дума также распоряжалась чистой прибылью от операций¹⁶.

Ломбард приступил к работе в ноябре 1892 г. в помещении на ул. Московской. Баланс за первый период существования (конец 1892–1893 г.) был сведен с убытком в 4,9 тыс. руб. Распорядитель Я.А. Серебряков объяснил это тем, что, во-первых, «операции ломбарда развивались постепенно, а расходы по содержанию оставались одни и те же, как при открытии ломбарда, так и в конце года, когда сумма ссуд достигла 82 т. рублей и, во-вторых, потому еще, что занятый для операций капитал в 100 т. руб. выдавался в ссуды постепенно и выдан не весь, проценты же за пользование им уплачены банку сполна». Впрочем, в этом отношении саратовский ломбард вписывался в общую тенденцию: аналогичные учреждения, незадолго до этого открытые в Нижнем Новгороде и Казани, первый операционный год заканчивали либо с убытком, либо с чисто символической прибылью, несмотря на то, что им городские самоуправления (в отличие от саратовского) выдали стартовые капиталы в беспроцентное пользование¹⁷.

На покрытие убытка первого года пошла вся прибыль, полученная в 1894–1895 гг. и часть прибыли 1896 года. Только с четвертого года ломбард стал приносить чистый доход, размер которого колебался в 1895–1906 гг. в пределах 3–8 тыс. руб., а в 1907–1914 гг. достигал 10–13 тыс.¹⁸ Вся прибыль целиком вносилась на погашение займа. Средства для операций ломбарду выделяла городская управа либо из общественной кассы, либо занимая их в городском общественном банке или других кредитных учреждениях. Доход от его деятельности поступал в городскую казну как прямо – выплата процентов по займу, так и опосредованно – через прибыль, получаемую городским общественным банком от кредитных операций. Однако приближался день, когда ломбард стал бы действовать уже исключительно на собственные средства и приносить доход в городскую казну напрямую. К 1917 г. из 200 тыс. руб., занятых к тому времени для операций, уже было погашено 178,3 тыс. руб. и соответственно оставалось погасить 21,6 тыс. руб.¹⁹ Даже в условиях сокращения прибыли из-за экономических трудностей периода Первой мировой войны с долгом окончательно можно было рассчитаться к 1920-му году. Но история не предоставила такой возможности...

Популярность, которую ломбард быстро завоевал у саратовцев, привела к тому, что в ноябре 1897 г. было открыто его отделение на углу улиц Немецкая и Вольская. Фактически это была вы-

нужденная мера, поскольку основная контора, через которую к концу 1890-х гг. проходило до 800 человек в сутки, располагалась в тесном помещении, что затрудняло работу и ограничивало рост операций. Открытие отделения на Немецкой не могло полностью решить проблему, поэтому гласные думы, считавшие ломбард одним из самых полезных учреждений, с 1900 г. озаботились поиском более подходящего помещения. Однако основное отделение так и просуществовало до революции в доме на Московской. Зато в конце 1916 г. отделение ломбарда на Немецкой было переведено в одно из помещений только что выстроенного Крытого рынка²⁰.

Городской ломбард был востребован главным образом малоимущими слоями населения, поскольку три четверти выдаваемых ссуд составляли от 1 до 5 руб., еще 12–15% ссуд были от 6 до 10 руб.²¹ Максимальный размер ссуды не был ограничен, но на практике он редко превышал 1 тыс. руб. Наиболее распространенными видами залогов были драгоценности, «галантерейные вещи», изделия из меха, мануфактурные товары, одежда, громоздкие вещи (мебель, экипажи, музыкальные инструменты), а также самовары. К услугам ломбарда были вынуждены прибегать люди самых разных социальных категорий, в связи с чем оказывались заложенными оружие, велосипеды, «коромысль весовой поржавленный», стенные часы с гирями, парусиновые шаровары, астролябия, полевой бинокль и т.п. Иногда ломбард невольно становился местом сбыта краденого. В 1893 г. по решению мирового судьи был отобран заклад (часы), признанный похищенным у владельца²². И в дальнейшем регулярно происходили подобные случаи. Можно увидеть в этом еще одну положительную сторону существования ломбарда – краденые вещи возвращались законным владельцам – хотя городское самоуправление при этом, естественно, терпело убытки.

Наиболее сложным периодом для ломбарда стали годы Первой мировой войны. Резко уменьшилось количество ссуд и, соответственно, упала прибыль. В 1916 г. только благодаря сокращению некоторых расходов, ломбарду удалось избежать убытка. Негативные явления были связаны с вызванными войной социально-экономическими проблемами. В частности, ряд опытных служащих ломбарда были призваны в армию, из-за чего оставшимся работникам пришлось трудиться с удвоенной энергией. Но главное – обстоятельства военного времени привели к сокращению бюджетов обывателей. В докладе комиссии, ревизовавшей работу ломбарда в 1916 г., говорилось, что если раньше в его помещении обычным явлением были «хвосты» из бедняков, тащивших сюда «часто самые необходимые вещи своего домашнего хозяйства, чтобы получить хотя маленькую под них ссуду», то теперь наблюдается все понижающееся число залогов. При этом сумма выдаваемых ссуд, после некоторого спада, стала

расти: в 1914 г. она составила 708,7 тыс. руб., в 1915 – 550,6 тыс., в 1916 г. – 690,3 тыс. Однако члены комиссии понимали, что повышение объема ссуд – чисто номинальное, поскольку оно подчинялось «общему установившемуся порядку прогрессирующей дороговизны»²³. Инфляция, начавшаяся вместе с войной, к окончанию 1916 г. набрала серьезные обороты, а в следующем революционном году превратилась в гиперинфляцию. Поэтому, хотя в 1917 г. ломбард выдал ссуд на общую сумму более 1 млн руб.²⁴, это не может быть свидетельством выхода из кризиса.

Тем не менее, в конце XIX – начале XX в. городской ломбард выполнял важную социальную функцию, обеспечивая малоимущей части саратовцев относительно дешевый мелкий кредит под залог движимого имущества.

Создание Саратовского городского кредитного общества имело свою предысторию. К моменту его открытия в Саратове уже существовали учреждения подобного типа: с 1870 г. функционировало Первое общество взаимного кредита (ОВК), с 1907 г. – Второе. Их целью было предоставление долгосрочного кредита владельцам недвижимого имущества. Масштабы деятельности Первого ОВК были достаточно велики: капитал свыше 1 млн руб., сумма вкладов более 7 млн (данные на 1915 г.). Второе ОВК на тот же момент имело капитал 230 тыс. руб. Вместе взятые общества объединяли около 3100 членов²⁵. Несмотря столь серьезный размах деятельности двух ОВК и на то, что ссуды под залог недвижимости выдавали многие банки, рынок ипотечного кредитования в Саратове был далеко не исчерпан. Местные торгово-промышленные круги, широко представленные в городской думе, испытывали потребность в оборотных средствах, которые можно было получить под залог недвижимости. Поэтому инициатива создания кредитного общества под эгидой муниципалитета получила поддержку гласных. При этом оно не должно было стать конкурентом Первому ОВК. Когда в 1904 г. комиссией думы выработывался устав городского кредитного общества, в ее состав входил и Н.И. Селиванов, являвшийся в то время председателем правления Первого ОВК. На законный вопрос: как отнесется возглавляемая им организация к возможной конкуренции со стороны нового участника ипотечного рынка? – он ответил, что «для Саратовского общества взаимного кредита учреждение кредитного общества было бы весьма желательным, ибо избавило бы Общество от обременяющих его долгосрочных ссуд под недвижимые имущества». А на замечание гласного Н.И. Хватова: – «Но ведь вы получаете на эти ссуды 7½%?» – Селиванов ответил: «Дело не в процентах. Важно бывает двинуть капитал в ту или другую отрасль промышленности, а когда капитал этот лежит в долгосрочных ссудах под недвижимые имущества, то банк оказывается в затруднительном положении в выполнении

своего прямого назначения. Отказывать же совершенно в ссудах под недвижимые имущества своим клиентам Взаимный Кредит не может»²⁶.

Роль муниципалитета в деятельности нового кредитного учреждения заключалась в выдаче ссуды «на первоначальное открытие действий общества и на случай затруднения в платежах»²⁷. Кроме того, на первых порах дума заведовала делами общества: «впредь до того времени, пока число членов общества не дойдет до шестидесяти, права первого собрания членов Саратовского городского кредитного общества принадлежат Саратовской городской думе. Когда же число членов дойдет до шестидесяти, должно быть немедленно созвано первое собрание членов, которое избирает уполномоченных, членов правления и наблюдательного комитета, а также казначея общества»²⁸.

Устав был утвержден министром финансов В.Н. Кокцовым 5 января 1905 года. В конце 1908 г. дума избрала первый состав правления (городской голова – В.А. Коробков, члены управы – П.А. Леонтьев и Н.И. Никольский), наблюдательный комитет из гласных, а также открыла обществу кредит в 10 тыс. руб. на первичные организационные расходы.

Главной целью общества было «производство ссуд под залог недвижимых имуществ, состоящих в черте города Саратова», а его членами становились владельцы заложенных имуществ. «Для первоначального обзаведения и покрытия расходов по управлению общества, а равно для обеспечения своевременного погашения облигаций (закладных листов) и платежа по ним процентов» городская дума обязалась открыть ему кредит в сумме 50 тыс. руб. из 6% годовых. Выплаты по кредиту и по ссудам гарантировались «круговой ответственностью» всех членов общества²⁹.

Ссуды могли выдаваться в размере не более 60% оценочной стоимости закладываемого имущества на срок от 14 до 36 лет из 5% годовых. Клиент получал ссуду облигациями, имевшими хождение на рынке ценных бумаг и являвшимися долговыми обязательствами общества, по которым оно обязывалось выплачивать их владельцам определенные проценты и «выкупать их из обращения посредством тиража, в установленные сроки, по нарицательной цене». Интересно, что выплата по облигациям равнялась проценту по ссудам и общество обязывалось ежегодно «выкупать облигации по тиражу на сумму не менее той, какая подлежит погашению по расчету выданных из общества ссуд»³⁰.

Управление обществом осуществляли собрание уполномоченных (высший распорядительный орган), правление (председатель и два директора) и наблюдательный комитет (шесть членов избираемых собранием уполномоченных и двое от городской думы). Принципы организации Саратовского городского кредитного общества не предусматривали каких-либо выгод для бюджета города. Вся получаемая от операций чистая прибыль целиком

зачислялась в запасный капитал, служивший дополнительной гарантией всех платежей. Ссудная деятельность общества должна была начаться «со времени предъявления к залого в оном имуществе по городу Саратову с общему страховому оценкою на сумму не менее 500 тыс. руб.»³¹.

После улаживания всех организационных нюансов операции начались осенью 1909 года. Накануне Первой мировой войны деятельность общества развивалась достаточно успешно: за 1909–1913 гг. количество членов выросло с 33 до 199, а сумма выданных в 1913 г. ссуд составила уже 832 тыс. руб.³² При этом городская дума принимала разностороннее участие в обеспечении необходимых условий этой деятельности. Оценку технического состояния закладываемых имуществ производили городские архитекторы А.М. Салько и М.А. Пульман, а оценку доходности – городские присяжные ценовщики. При пере выборах правления и наблюдательного комитета общества в 1911 г. городской голова В.А. Коробков от баллотировки устранился «заявив, что возложенное на него поручение думы по организации общества он исполнил, а далее служить он не имеет времени». Тем не менее, в составе правления оказались члены городской управы Н.И. Никольский и П.В. Воронин, в наблюдательном комитете влиятельные гласные думы Г.Г. Дыбов и М.Ф. Волков, а казначеем стал гласный К.Ф. Болотников³³. Дума даже предусматривала возможность вложения части собственных капиталов в облигации общества для повышения их ликвидности, но спрос на них оказался достаточно высоким, поэтому такой шаг не потребовался. В конце 1909 г. облигации общества были допущены к котировке на Петербургской бирже, а их курс стал отмечаться в биржевых бюллетенях. По сравнению с бумагами других провинциальных городских кредитных обществ они котировались достаточно высоко³⁴.

Социально-экономические трудности военного времени затормозили развитие операций. Теперь население неохотно помещало свои сбережения в ценные бумаги, предпочитая хранить деньги «в чулке». Рост количества членов общества затормозился, а сумма ссуд, выданных в течение 1915 г., составила всего 96,4 тыс. руб.³⁵ Положение на фондовом рынке усугубил выпуск государством краткосрочных займов, процент по которым был выше, нежели по ипотечным облигациям. Кроме того, другие местные кредитные учреждения стали более активно помещать избыточную наличность в ссуды под залог недвижимости. По этим причинам реализация облигаций общества столкнулась с серьезными затруднениями. Если к концу 1914 г. в обращении находилось облигаций на сумму 2 411,6 тыс. руб., то к концу 1915 г. – 2 336,9 тыс. В 1915 г. общество открыло свои отделения в Царицыне и Аткарске, но по объективным причинам операции здесь были незначительными³⁶.

Рассмотренные кредитные учреждения сыграли важную роль в деятельности саратовского муниципалитета и социально-экономическом развитии города. Предоставляя населению Саратова разнообразные кредитные услуги, общественный банк, ломбард и кредитное общество в то же время использовались городской думой в качестве финансово-экономических инструментов, помогавших ей более эффективно выполнять свои функции.

Примечания

- 1 См.: Семенов В.Н., Семенов Н.Н. Саратов купеческий. Саратов, 1995.
- 2 См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). Саратов, 1995. Т. 2. Ч. 1. С. 162; Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Саратов, 1999. Т. 2. Ч. 2. С. 64–65.
- 3 См.: Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 415, 416; Энциклопедия промышленности, строительства и бизнеса Саратовской области. Саратов, 2005. С. 73–74.
- 4 См.: Местное самоуправление Саратова: история и современность / под ред. В.Н. Данилова. Саратов, 2006.
- 5 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 386. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 15.
- 6 Там же. Л. 15–15 об.
- 7 Там же. Л. 13, 64 об., 70–70 об.
- 8 Кредитные учреждения г. Саратова // «Весь Саратов». Справочник-календарь на 1916 г. Саратов, [1915]. С. 42.
- 9 Саратовский городской общественный банк // Известия Саратовской городской думы. 1916. Октябрь–декабрь. С. 57–58, 65.
- 10 ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3831. Л. 30 об. – 41 об.; Ф. 25. Оп. 1. Д. 4336. Л. 70; Обзор деятельности Саратовского городского общественного управления за 1905–1908 гг. Саратов, 1909. С. 133.
- 11 Кредитные учреждения г. Саратова. С. 42; Краткий отчет о деятельности саратовского городского общественного управления за 1909–1912 гг. Саратов, 1913. С. 141.
- 12 ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4336. Л. 84 об.–87; Саратовский городской общественный банк. С. 65.
- 13 Протоколы заседаний Саратовской городской думы за 1887 г. Саратов, 1888. С. 514–516.
- 14 Там же. С. 516–517; Протоколы заседаний Саратовской городской думы за 1891 г. [Саратов, 1892]. С. 29–31, 58–67.
- 15 Протоколы заседаний Саратовской городской думы за 1891 г. С. 519, 613–616, 621–639.
- 16 Там же. С. 622–639.
- 17 Отчет о действиях Саратовского городского ломбарда за 1893 г. Саратов, 1894. С. 1.
- 18 ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3830. Л. 31 об.
- 19 Там же. Л. 26 об., 28.
- 20 Там же. Л. 33.
- 21 Подсчитано по: Отчет о действиях Саратовского городского ломбарда за 1900 г. Саратов, 1901. С. 42;

- Отчет... за 1907 г. Саратов, 1908. С. 26; То же за 1914 г. Саратов, 1915. С. 17.
- ²² Отчет о действиях Саратовского городского ломбарда за 1893 г. С. 22.
- ²³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3830. Л. 23, 31 об., 32 об.
- ²⁴ Там же. Ф. 348. Оп. 1. Д. 22. Л. 83 об.
- ²⁵ Кредитные учреждения г. Саратова. С. 41.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Устав Саратовского городского кредитного общества. СПб., 1905. С. 4.

УДК 728(470.44–25)/18/

ДОХОДНЫЕ ДОМА В САРАТОВЕ

Д.О. Лосин

Саратовский государственный университет
E-mail: losina@srd.ru

В статье рассматривается генезис купеческих доходных домов в Саратове. Работа построена на анализе архитектуры объектов, которая представляет собой три последовательно сменявших друг друга направления: классицизм, эклектика (историзм) и модерн. Интерес к доходным домам помимо заслуживающей внимания истории их развития объясняется еще и тем, что сегодня этот вид гражданского строительства возобновляется.

Ключевые слова: доходные дома, купечество, классицизм, эклектика (историзм), модерн, Саратов.

Tenement Houses in Saratov

D.O. Losin

The article considers merchant tenement houses genesis in Saratov. The paper analyses the architecture of objects in question. One deals with three directions replacing each other successively: classicism, eclecticism (historicism), and modern. Apart from the history and the development of tenement houses that are worth paying attention to, interest to such buildings is also explained by resuming of such civil engineering today.

Key words: tenement houses, merchants, classicism, eclecticism (historicism), modern, Saratov.

В науке возросло внимание к малоизученному наследию, в том числе купеческой архитектуры. Именно недостаточная разработанность темы и определила актуальность исследования.

Сегодняшний интерес к купеческому сословию обусловлен тем, что мобильное многоликое купечество представляло собой объединение экономически активных представителей всех социальных групп российского общества. Теперь, когда мы наблюдаем развитие предпринимательской деятельности, нам особенно интересна культура (в широком понимании этого слова) купеческого сословия.

Купцы являлись одной из основных групп населения России конца XVIII, XIX, начала XX в. и составляли ядро отечественной торгово-промыш-

²⁹ Устав. С. 3–4.

³⁰ Там же. С. 5–7, 10–11, 13.

³¹ Там же. С. 4, 15–31, 44–45.

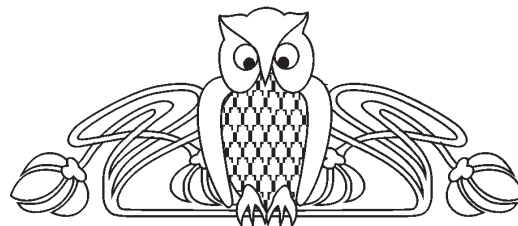
³² Отчет Саратовского городского кредитного общества за 1915 г. Саратов, 1916. С. 4, 5.

³³ ГАСО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4. Л. 48, 50–50 об.

³⁴ Кредитные учреждения г. Саратова. С. 43–44.

³⁵ Отчет Саратовского городского кредитного общества за 1915 г. Саратов, 1916. С. 4.

³⁶ Там же. С. 3–4.

ленной элиты в этот исторический период. Одновременно они были носителями особой системы ценностей, особого бытового, нравственного и делового уклада жизни, определивших специфику архитектуры купеческих строений.

Выделим в особую тему доходные дома, поскольку заказчиками этих строений и их владельцами в Саратове, за редким исключением, были купцы, а значит доходные дома можно рассматривать как иллюстрацию тех направлений в архитектуре, которые в разные временные периоды предпочитало купечество.

Лингвист С. Ожегов определяет «доходный дом», как «дом, предназначенный для сдачи внаем».

«Проект оснований оценки недвижимых имуществ», изданный в Саратове в 1911 г., содержит сведения о том, что купеческие доходные дома приносили своим владельцам разную прибыль в зависимости от того, в какой части города располагалось здание, сколько оно имело этажей, какова была его площадь, архитектура, в каком состоянии находилось, как обслуживалось, были ли коммуникации¹.

В книге И.Н. Кокшайского «Город Саратов в жилищном отношении» указывается площадь строений в зависимости от района его местоположения. В центре, где землю покупали солидные имущие саратовцы, дома строили в два и более этажей – 900–2050 кв.м. На окраинах дома были значительно меньше².

Рассмотрим на конкретных примерах, как специфика доходных домов сказывалась на их архитектуре. И начнем с одного из самых ранних и выразительных представителей этого раздела купеческого гражданского строительства.

В 1867 году на Никольской улице (ул. Радищева) – в одном из центров купеческой локализации – был возведен большой трехэтажный доходный дом Кузнецова (нынешняя мэрия).

Здание – примечательный образец позднего классицизма. Здесь нет ордера, но есть четкая симметрия фасадов, строгий лаконизм внешней отделки (фото 1).

Второй и третий этажи здания были отданы под гостиницу «Татарская», а первый этаж купцы арендовали под магазины. В числе арендаторов был купец А. Бендер, который в 1911 г. выкупил дом у наследников И. Кузнецова, видоизменил его в соответствии с новыми веяниями в архитектуре – классицизм сменила эклектика, или историзм (фото 2).

Главный фасад выходит на улицу Первомайская, боковой фасад – на улицу Радищева. Строение украшают фигурные аттики на фасадах. На первом этаже – большие прямоугольные окна. Над входом в здание – ярко выполненная скульптурная композиция. Есть сквозная арка, которая тоже украшена рельефным орнаментом. Окна второго этажа – арочные, с рельефом над ними. Окна третьего этажа размером меньше, имеют прямоугольную форму.

Доходный дом Кузнецова (в первоначальном его виде), как выше уже было сказано, – это классицизм. «Композиция фасадов доходных домов эпохи классицизма, – читаем в монографии

Е.И. Кириченко «Русская архитектура 1830–1910 годов», – независимо от того, использовались ордерные элементы (колонны, пилястры) или нет, основывалась на строго канонической системе ордерных пропорций и членений. Размеры всех деталей соизмерялись с реальным или воображаемым ордером, соотносившимся с размерами зданий в целом»³. В доме Кузнецова обычный для классицизма ордер, утрачен, и это примечательная особенность позднего классицизма.

Бендер перестроил дом Кузнецова в стиле историзма. Для доходных домов классический стиль применялся в Саратове преимущественно в первой половине XIX века.

Почему классицизм с его строгими геометрическими канонами перестал устраивать заказчиков строительства доходных домов? Доходным домам необходима была броская внешность, поэтому классицизм постепенно уступил место историзму – в композиции доходных домов, как утверждает Е.И. Кириченко, прежде чем в любом другом типе зданий, возникают предпосылки изменения архитектурного стиля. Что дал взамен историзм?

Архитекторы меняют треугольный фронтоном на аттик. Центральный ризалит теряет значение

Фото 1

Фото 2

организующего центра. Ордер уже не олицетворяет собой абсолютную истину, воплощенную в античных храмах.

Он перестает быть организующим элементом композиции строения – архитекторы начинают привлекать архитектурные элементы разных исторических эпох, поэтому эклектику сегодня и называют историзмом.

Исследователи архитектуры признают за историзмом возможность применения любых форм прошлого в любых комбинациях. Здание в целом может быть выдержано в определенном стиле, а интерьеры могут опровергать его; само строение может объединить совершенно разные временные течения в архитектуре – «принципиально важна установка на использование любых форм прошлого в качестве стиливых в любых сочетаниях»⁴.

Заметим, определение архитектурного стиля XIX в. как эклектического впервые дано в 1837 г. русским писателем Н.В. Кукольником на страницах одной из газет. Термин «эклектика», «эклектический» не был употреблен с оценкой отрицательной – наоборот, с гордостью: «... стиль нашего времени – эклектический», т.е. современный, передовой⁵. Для своего времени стиль «эклектика», или «историзм», действительно стал шагом вперед, потому как поздний классицизм характеризовали «измельчание форм, незаконченность композиций, утрата цельности и четкости построения фасадов»⁶ – классицизм утратил свои достоинства.

С тем, что классицизм должен был уступить место другому стилю, согласны далеко не все исследователи архитектуры. Например, Н.А. Бондарь и И.Н. Стешин категорически не приняли перемены в доходном доме Кузнецова-Бендера: «архитектура фасадов торгового дома купца Бендера представлена аляповатой обработкой полуциркульных окон второго этажа, лепниной замысловатого безвкусного рисунка и чрезмерно тяжелым карнизом, поверх которого проглянут грузный, мало выразительный парпетный бордюр»⁷.

Однако архитектура не система застывших догм, и поэтому перемены в ней неизбежны. «Идеал архитектурной красоты, столь же подвижный, как и все идеалы человеческого духа, не может быть определен раз и навсегда. Он только путеводительная звезда для настоящего; завтра изменится положение дела, изменится и направление движения, изменится и идеал»⁸.

Итак, классицизм в доходных домах сменился историзмом.

Рассмотрим архитектуру доходного дома Горина (Московская, 39), которая являет собой черты нового стиля (фото 3).

Дом Горина построен на рубеже веков. Это трехэтажный особняк на углу улиц Московской и Приютской (улица Комсомольская).

На трех этажах кирпичного дома-комплекса (в плане почти замкнутый контур) размещались несколько десятков квартир.

Композиция главного, обращенного на улицу Московская, фасада – симметрична, трехчастна. Сложность и количество деталей возрастают снизу вверх. Три легких ризалита подчеркивают симметричность. Центральный ризалит в три оси увенчан двуступенчатой надстройкой, а боковые одноосные – завершаются шагровыми башенками. Рустованный первый этаж – с прямоугольными окнами. Окна второго и третьего этажей – с полуциркульным завершением, обрамлены фигурными наличниками. Широкий фриз с кокошниками находит отклик в убранстве надстройки, также украшенной кокошниками. На фасаде – два балкона: один широкий, в три окна, с литой чугунной решеткой, располагается в уровне третьего этажа; второй, над главным входом слева, служит одновременно козырьком и опирается на фигурные чугунные столбики.

Дом Горина представляет собой русский стиль, коме того – «кирпичный» стиль, занимающий особый раздел в историзме. «Кирпичный» стиль в архитектуре называют рациональным. «Кроме большей “прочности”, оригинальности, рациональности сравнительно с оштукатуренными фасадами избранная в данном случае архитектура имеет ... преимущество большей дешевизны при устройстве и впоследствии при ремонте ибо такового не потребуется, вероятно, в продолжение многих лет»⁹. «Кирпичная облицовка фасада несравненно рациональнее штукатурной ее отделки. Строение с кирпичной облицовкой имеет в нашем климате большую прочность и возводится в гораздо меньший срок»¹⁰.

Историзм, несмотря на все свои достоинства, тоже не стал архитектурным стилем на все времена. В конце XIX в. заявило о себе новое направление в архитектуре – модерн.

В Саратове есть купеческие строения, которые сочетают в себе историзм и модерн.

Дом Левковича (ул. Киселева, 19).

Архитектору этого особняка – Ю.Н. Терликову – была поставлена задача построить представительный большой доходный дом, так как квартиры в центральном районе города пользовались спросом. Задача успешно была выполнена.

Композиция главного фасада строго симметрична относительно центральной оси, отмеченной главным входом с прямоугольным эркером над ним. Уровень первого этажа отделен широким поясковым карнизом. Нарядные наличники, мастерски выполненная кирпичная кладка. Узкие простенки между витринными окнами обозначены крупным рустом. Арочные окна верхних этажей расположены в четкой метрической последовательности, но орнаментированы по-разному. Оригинально решение окон второго этажа, когда объединяется арочная форма проемов с классическими треугольными и сегментными сандриками; переход от одного элемента к другому выполнен при помощи витиеватого лепного декора. Чередование форм сандриков оживляет статичную

композицию главного фасада. Его убранство выполнено в выразительных формах историзма. Однако во всем облике здания видны элементы модерна: эркер, разновеликие окна, ковкая решетка балкона (фото 4).

Доходные дома в стиле модерн для Саратова – явление нередкое. Чем купцам понравился этот стиль? Почему эклектика уступила свои позиции? «Историзм эклектики частичен. Отказавшись признать вечной одну историческую форму, эклектика оставляет это право за комплексом всех существовавших когда-либо форм. Идея развития, несколько умозрительно понимавшаяся эклектикой, в модерне превращается в острое переживание своего времени... Неприятие модерном шаблона, штампа – это дальнейшее развитие антиакадемизма эклектики, поставившей под сомнение значение античной традиции как единственной и вечной. Антиакадемизм переживает теперь новую фазу»¹¹.

Модерн можно было бы рассматривать как стиль, задача которого – нарушение логики, тектоники и архитектурной закономерности. Но, анализируя образцы модерна (доходные дома Ананьева, Пташкина и др.), приходим к выводу: здесь не отказ от архитектурных норм вообще, а отрицание исчерпавших себя норм определенной эпохи – «после долгого, почти полувекового господства достаточно широкого стилового многообразия наметилась четкая тенденция к единостилию»¹². Модерн в основе своей прогрессивен – он дал начало и создал новую архитектурную систему, именно систему, которая подразделяется «на несколько стилистических модификаций – рациональный модерн, “интернациональный” модерн, неорусский стиль и неоклассицизм с модернистским уклоном»¹³.

Дом по адресу Советская, 5 – доходный дом Пташкина. Архитектор Зыбин. Почти все его творения в Саратове выполнены в стиле модерн (фото 5).

Фото 3

Фото 4

Строение – трехэтажное, асимметричное, фасад разделен тремя ризалитами. Ризалит с центральным входом активно выступает. На первом этаже – слегка арочные окна. У главного входа с обеих сторон – две скульптуры, поддерживающие выступающую часть. Окна второго и третьего этажей одинаковы. Есть балконы по боковым ризалитам на втором и третьем этажах. Дополнительно выполнены еще четыре слабо выраженных ризалита, расположенных между окнами второго и третьего этажей. Над входом на третьем этаже – горельефная композиция из двух скульптур, смотрящих друг на друга. Над активно выступающим карнизом – аттик со слуховым окном.

«Комбинация обильной пластики от геометрического орнамента до характерных фигур атлантов, кариатид с эркерами и балконами наполняет объем зданий движением и драматизмом»¹⁴.

Доходный дом Ананьева (ул. Челюскинцев, 12).

Самый помпезный образец стиля «модерн» в Саратове. Здесь – «интернациональный» модерн: автор взял из мировой архитектуры все, что ему казалось уместным (фото 6, 7).

Строение конца XIX века. Архитектор М.А. Пульман показал, каким богатым арсеналом обладает новый архитектурный стиль: лепнина, разнообразные рельефы, маски, керамические вставки в цвете, криволинейные окна, эркеры нескольких видов. Угловые балконы напоминают изящные чаши. А внутри контрастом внешней вычурности – строгая планировка квартир с длинными темными коридорами.

Заметим, «композиция доходных домов от начала XIX до начала XX века претерпевает эволюцию, сходную с эволюцией их планировки

Фото 5

Фото 6

Фото 7

– от многообразия вариантов к единообразию. В структуре доходных домов, состоящих из однородных, повторяющихся по вертикали и горизонтали ячеек-квартир была заложена однородность, повторность»¹⁵. Но доходные дома только внутри были «однородными». Внешне они все-таки обязаны были «зазывать» своей архитектурой.

Доходные дома Саратова возведены не только в разных архитектурных стилях – их

планировочная организация тоже различная. Сопоставляя планы архива БТИ Саратова, можно выделить:

а) дома с замкнутым контуром (1) дом Вакурова – Театральная площадь, 1; 2) дом Бендера, Первомайская, 78) (схема 1,2);

б) дома с полузамкнутым контуром (дом Санина, Кирова, 17) (схема 3);

в) дома линейные в плане, раскрытые (дом Хватова, Театральная, 3) (схема 4).

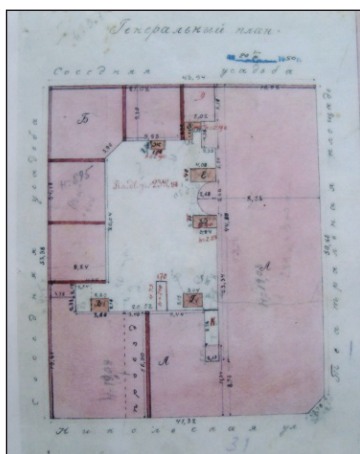

Схема 1

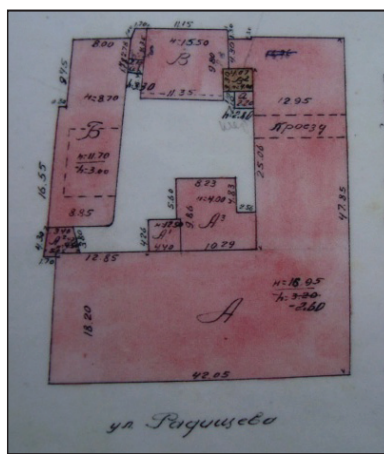

Схема 2

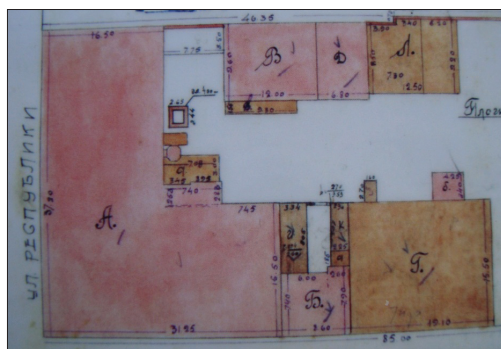

Схема 3

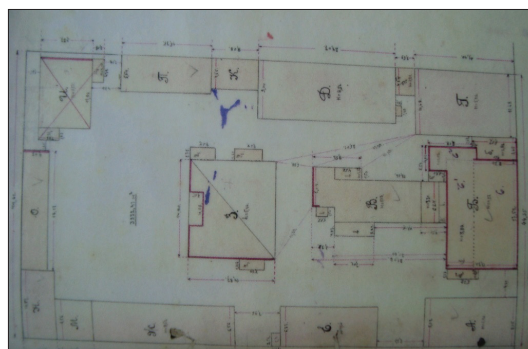

Схема 4

Обобщая сказанное выше, следует заметить, что доходные дома в Саратове сыграли значительную градостроительную роль. Они давали городу масштабность, были опорой основой для последующей застройки. Доходные дома задавали тон в «архитектурной моде»: строения первой половины XIX в. – это классицизм, второй половины XIX в. – эклектика, или историзм; в конце XIX – начале XX в. – как правило модерн.

Сегодня вновь сочетание «доходный дом» применимо к действительности. Пока в российском законодательстве нет понятия «доходный дом», но уже есть постановление правительства Москвы «О проведении эксперимента по строительству и эксплуатации в Москве доходного дома». Под доходными домами здесь понимаются жилые и нежилые помещения, которые без ограничения размера площади предоставляются во временное владение по договорам аренды или коммерческого найма.

Но для Саратова доходные дома – пока история.

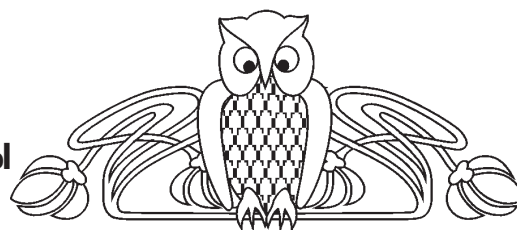
Примечания

¹ См.: Проект общих оснований оценки недвижимых имуществ в городах Саратовской губернии: издание Саратовской Губернской Земской управы. Саратов, 1911.

- ² См.: *Кокшайский И.Н.* Город Саратов в жилищном отношении (по данным переписи 1916 г.). Саратов, 1922.
- ³ *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. М., 1982. С. 41.
- ⁴ Там же С. 38.
- ⁵ *Кукольник Н.В.* Новые постройки в Петергофе // Художественная газета. 1837. № 11–12. С. 176.
- ⁶ *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. С. 47.
- ⁷ *Бондарь Н.А., Стешин И.Н.* Саратов. Архитектура городов России. М., 1951. С. 27.
- ⁸ *Соколов П.* Красота архитектурных форм // Зодчий. 1912. № 49. С. 490.
- ⁹ *Китнер И.С.* Кирпичная архитектура // Зодчий. 1872. № 6. С. 84.
- ¹⁰ *Шретер В.* Обывательский дом // Зодчий. 1873. № 2. С. 139.
- ¹¹ *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. М., 1982. С. 187.
- ¹² *Нацокина М.В.* Эпоха модерна в России как многообразие // Наследие Ф.О. Шехтеля в современном мире. Саратов, 2009. С. 21.
- ¹³ Там же. С. 41.
- ¹⁴ Модерн. Саратов, 2008. С. 45.
- ¹⁵ *Кириченко Е.И.* Доходные жилые дома Москвы и Петербурга (1770–1830-е гг.) // Архитектурное наследие. № 14. М., 1962. С. 135.

УДК 94 (470.44)|1941/1945|

ФОРМЫ РЕЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С.О. Козурман

Саратовский государственный университет
E-mail: kozurman@front.ru

Статья посвящена малоизученным аспектам миграции населения в годы Великой Отечественной войны. На основе обширного архивного материала автор исследует приёмы и способы возвращения эвакуированного населения на прежние места жительства, общий механизм реэвакуационных процессов. Выявляются особенности государственной и самостоятельной реэвакуации. Показаны сходства и различия реэвакуационных процессов для разных социальных и профессиональных слоев советского общества.

Ключевые слова: реэвакуация, возвращение, постановление, переселенцы, обком, областной Совет.

Forms of Re-evacuation of Population from the Saratov Area in the Years of Great Patriotic War

S.O. Kozurman

The article is sacred to the insufficiently known aspects of migration of population in the years of Great Patriotic war. On the basis of the vast archived material an author investigates receptions and

methods of returning of the evacuated population into former places of inhabitation, general mechanism of re-evacuation processes. The features of state and independent re-evacuation come to light. Likenesses and distinctions of re-evacuation processes are shown for the different social and professional layers of soviet society.

Key words: re-evacuation, returning, decision, migrants, regional committee, regional Soviet.

Вопросы реэвакуации населения являются, пожалуй, наименее изученными миграционными процессами периода Великой Отечественной войны. Приёмы, способы, сроки, экономические и социальные аспекты возвращения эвакуированного населения к прежним местам жительства еще ждут своего полного и обстоятельного исследования. В данной статье мы попытаемся показать, как и каким образом осуществлялся процесс реэвакуации гражданского населения из Саратовской области, ставшей в годы войны крупнейшим центром размещения эвакуантов в Поволжском регионе.

Фактически реэвакуация из Саратовской области началась уже в начале 1942 г. В связи с

успешными действиями Красной Армии ГКО и СНК СССР в период января–марта 1942 г. приняли целый ряд постановлений о возвращении руководящих кадров центральных государственных учреждений. Из 65 документов по вопросам реэвакуации 46 были непосредственно связаны с Москвой и Московской областью, а 25 постановлений касались возвращения на прежние места сотрудников Президиума Верховного Совета и СНК РСФСР, Госплана СССР, Наркоматов путей сообщения, финансов, внешней торговли, заготовок и т.д.¹ Часть этих учреждений в 1941 г. была размещена в Саратовской области, и в связи с указанными постановлениями в начале 1942 г. ряд госслужащих начал покидать ее пределы. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 31 января 1942 г., работники Госплана, Наркомата госконтроля, Наркомата финансов, Прокуратуры и Верховного Суда РСФСР до 5 февраля обязаны были вернуться в столицу. Также возвращались Наркомат заготовок СССР и Главнефтьсбыт при СНК СССР. Непосредственно за осуществление этих мероприятий отвечали их руководители и Наркомат путей сообщения, который обязан был предоставить необходимое количество вагонов².

Сотрудники учреждений, не отмеченных в постановлении Совнаркома, видимо, чувствовали себя обделенными, так как разными способами добивались разрешения на отъезд в Москву, что вызывало поначалу негативную реакцию местного руководства³. Однако в дальнейшем Саратовский обком ВКП(б) сам способствовал реэвакуации ряда работников столицы. Обусловлено это было хозяйственными интересами. В июле 1942 г. обком просил Совнарком разрешить отъезд семей работников Наркомата авиапромышленности, дабы освободить местную жилплощадь для других целей⁴.

Однако осуществление главных государственных мероприятий по реэвакуации началось в 1943 г. Именно тогда появился ряд специальных решений ГКО и СНК СССР, напрямую касающихся вопросов возвращения широких слоев населения на прежние места жительства. Механизм реэвакуации, запущенный на государственном уровне, был теснейшим образом связан с процессом хозяйственного восстановления освобожденных регионов Советского Союза. Реэвакуация проводилась планомерно, с учётом освобождения территории от врага и снятия военной угрозы с прифронтовых районов⁵.

23 января 1943 г. было издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации». Данное постановление сыграло роль образца для последующих решений подобного характера, которые и структурно, и по содержанию были очень близки январскому решению, но охватывали более внушительные массы населения. Наряду с описанием порядка и сроков возвращения раз-

личной техники в документе от 23 января 1943 г. говорилось об откомандировании в освобожденные районы специалистов и работников сельского хозяйства, в том числе значительного количества ранее эвакуированных кадров. Мобилизуемые работники получали единовременное пособие от 1 200 до 2 500 рублей (в зависимости от специальности) и командировочные на время пребывания в пути. Наркомат путей сообщения должен был обеспечить подачу вагонов. Через три месяца к уехавшим работникам могли присоединиться их семьи⁶. Благодаря этому пункту постановления число реэвакуируемых граждан могло потенциально возрасти в несколько раз: известно, что семьи эвакуированных были весьма многочисленны, наличие 3–4-х детей в семье было повсеместным явлением. По данным на 1943 г., в РСФСР детей до 15 лет среди эвакуированных насчитывалось 45,5%⁷, а в Саратовской области в середине 1943 г. из общего числа эвакуантов (307 000 человек) лиц, не достигших 14 лет, было около 109 000⁸. Выполняя установки центральных органов, бюро Саратовского обкома ВКП(б) составило список мобилизуемых граждан, в том числе из ранее эвакуированных. Общее количество работников дефицитных специальностей (трактористов, комбайнёров, директоров МТС, бухгалтеров и т.д.) насчитывало 2 629 человек, хотя СНК обязал отправить из области только 1 577 работников⁹.

Следующим важным шагом в череде государственных мероприятий, касающихся реэвакуации, явилось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», которое значительно развивало январский документ. Этот постановление охватывало уже значительно большее число эвакуированных. Государством ставилась задача «...откомандировать всех руководящих работников и специалистов сельского хозяйства, эвакуированных из Воронежской, Курской, Сталинградской, Ростовской, Калининской, Орловской и Смоленской областей, Краснодарского и Ставропольского краёв и Украинской ССР к месту их прежней работы»¹⁰. В дальнейшем подобных постановлений, детализирующих и расширяющих составы мобилизуемых контингентов, становилось всё больше. Советские и партийные органы на местах, с санкций СНК СССР, принимали свои решения, одинаковые по структуре и логике, но различающиеся социальным составом, числом, сроками и местами откомандирования населения.

В материалах исполкома Саратовского областного Совета сохранилось много постановлений подобного характера. Все они касаются восстановления или оказания помощи освобожденным районам. Одним из обязательных пунктов этих мероприятий были откомандирование работников различных специальностей. Повторим, что откомандировывались, как правило, ранее эвакуированные граждане, которые получали возмож-

ность вернуться домой на законных основаниях. Наибольшее число таких постановлений касалось Украинской и Белорусской ССР, так как выходцев из указанных республик Советского Союза на территории области было значительно больше, чем из иных регионов. Взрослого населения из Украины в июне 1942 г. насчитывалось около 60 000 человек, а выходцев из Белоруссии – 20 000 (из общего числа в почти 300 000 человек эвакуантов)¹¹. Решения по Украине и Белоруссии, начиная с ноября 1943 г., принимались неоднократно: по УССР – 23 и 25 ноября 1943 г., 27 ноября, 31 января, 12 и 22 мая, 25 ноября 1944 г.¹²; по БССР – 10 января, 28 февраля, 7 марта и 25 ноября 1944 г.¹³

Профессиональный состав отправляемых граждан в большинстве своем был связан с сельским хозяйством. По всей стране число жителей, размещённых в сельской местности, составляло примерно две трети. В Саратовской области эвакуантов, размещённых в сельской местности к середине 1943 г. насчиталось примерно 200 000 человек¹⁴. Реэвакуация сельских тружеников проводилась в форме восстановления МТС, колхозов и совхозов районов, пострадавших от врага. Согласно этим же документам реэвакуировались преподаватели и работники учебных заведений, относящихся по профилю к сельскому хозяйству. Ответственность за проведение указанных мероприятий возлагалась на областной земельный отдел, директоров совхозных трестов, работников райкомов и райисполкомов, т.е. почти на все организации и всех руководителей, напрямую связанных с сельским хозяйством. Отправляемым работникам, в соответствии с 11-м пунктом постановления от 23 января 1943 г., выдавались денежные пособия и предоставлялись материальные льготы¹⁵.

Со второй половины 1943 г. можно выделить реэвакуацию в форме возвращения людей определённых специальностей. Уже к концу ноября 1943 г. Саратовская область стала испытывать недостаток в учителях, так как в это время шел активный процесс массового возвращения учительских кадров в освобожденные районы¹⁶. В рамках подготовки школ Советского Союза к 1944/45 учебному году областным Советом, с санкции РСФСР, было принято решение реэвакуировать очередную партию учителей, на этот раз преимущественно в центральные области России (Московскую, Смоленскую, Курскую)¹⁷. Жизненно необходимой для освобожденных районов была реэвакуация медицинских работников. Так, почти все медицинские кадры Белоруссии, находящиеся в области, возвращались к сентябрю 1944 г. в родные места¹⁸. Начиная с декабря 1943 г. и января 1944 г. Саратовскую область постепенно покидали представители другой значительной группы эвакуированного населения, а именно работники транспорта – речники и железнодорожники. В соответствии со специальными постановлениями ГКО (2 декабря 1943 г. и 31 января

1944 г.) они возвращались в систему Наркомата речного флота и Наркомата путей сообщения¹⁹.

В течение 1944 г. была создана необходимая законодательная база для реэвакуации жителей четырех союзных республик: Молдавии, Эстонии, Латвии и Литвы. В марте исполкомом Саратовского Совета были приняты постановления, касающиеся Молдавской и Эстонской ССР, а в августе – Латвийской и Литовской ССР. Мы не случайно выделяем реэвакуацию граждан этих республик, так как в ней имелся ряд особенностей. Во-первых, реэвакуация проводилась без конкретных временных привязок. Руководители саратовских предприятий и учреждений обязаны были по требованию Совнаркома соответствующей республики отпустить того или иного работника в любое время после поступления заявки. Во-вторых, реэвакуация распространялась почти на всех трудящихся граждан, без различия их профессиональной специализации, т.е. покинуть область мог как рабочий, так и колхозник. Запрет распространялся лишь на сотрудников Наркоматов обороны и военморфлота, а также работников НКВД и НКГБ²⁰.

Видимо, требования представителей прибалтийских республик не обеспечили возвращение жителей в полной мере. Не случайно 3 ноября 1944 г. исполкомом было принято специальное решение «О реэвакуации граждан Эстонской ССР», которое предписывало возвратит всех граждан ЭССР, проживающих на территории области (351 человек) к марту–апрелю 1945 г. (кроме описанных выше категорий). Условия возвращения «задержавшихся» прибалтов в материальном отношении были обеспечены достойным образом: полный расчет за выполненные работы, предоставление специального транспорта, снабжение продовольствием²¹.

К целенаправленным отправкам эвакуированного населения относится также реэвакуация жителей Карело-Финской ССР и Ленинградской области. Относительно ленинградцев первое решение исполкома облсовета было принято 5 сентября 1944 г. Оно обеспечивало реэвакуацию 8 644 человек. Уже после войны постановление от 21 июня 1945 г. возвращало еще 2000 человек, а самое позднее решение датируется 12 июля 1946 г., когда в области еще оставалось около 1,5 тыс. ленинградцев²². Во всех указанных документах речь идет о реэвакуации жителей, «не работающих на предприятиях и учреждениях». Интересы военной экономики требовали временного оставления части рабочих и служащих на прежних местах, к тому же въезд в Ленинград строго контролировался и был ограничен для населения.

Реэвакуация населения КФСР также проходила поэтапно. Постановление 19 сентября 1944 г. предполагало отправку 1 461 человека, 30 марта 1945 г. говорилось о еще 760 жителях. Здесь поначалу речь также шла о возвращении «не

занятых на предприятиях» граждан, но 3 декабря 1945 г. было санкционировано возвращение всех оставшихся жителей КФССР, кроме работников НКВД, НКГБ, Наркоматов обороны и военно-морского флота²³.

Непосредственные материальные условия реэвакуации населения Ленинградской области и КФССР были наиболее благоприятными, четко оговоренными и всесторонне контролируемые. Гражданам предоставлялись значительные льготы по месту прибытия, в частности, освобождение от денежных налогов на 1946–1947 гг. В Саратовской области с них списывались все недоимки по государственным поставкам, непосредственно в местах отправления обеспечивалось медицинское обслуживание и организовывалось питание, в дорогу выдавались специальные продовольственные карточки и денежные пособия в размере 1 000 руб. на одну семью²⁴.

В 1944–1945 гг. особое распространение получает реэвакуация в форме отзыва с места прежней работы или по вызовам уже вернувшихся родственников. Получив указанный вызов, эвакуанту необходимо было составить специальное заявление в местные органы власти с обоснованием причины необходимости отъезда. Заявления членов или кандидатов в члены ВКП(б) позволяют нам подробнее изучить этот процесс, так как подобного рода документы в достаточном количестве присутствуют в протоколах заседаний бюро райкомов ВКП(б). Авторами большинства обнаруженных нами заявлений являются женщины. Самыми частыми формулировками для отъезда можно назвать следующие: «по вызову мужа», «по семейным обстоятельствам», «к больным родственникам»²⁵. Также довольно часто заявления составлялись на основе вызовов предприятий или организаций, где ранее работал переселенец. Партийные организации освобожденных областей сами часто присылали настойчивые просьбы в адрес руководства области или райкомов о необходимости откомандирования того или иного своего ценного сотрудника. Должности сотрудников могли быть разными – от заведующего оргинструкторским отделом обкома до учителя или машинистки²⁶.

Запросы с просьбой о возвращении обратно должен был одобрить соответствующий горком или райком ВКП(б). Чаще всего бюро давало разрешение на отъезд, особенно с формулировками «по вызову родственников» или «в связи с болезнью члена семьи». Отказы же встречаются реже; они обосновывались хозяйственными интересами района. Отказывали, как правило, людям, занимавшим какую-либо важную руководящую должность или работникам острodefицитных специальностей. Например, бюро Советского райкома ВКП(б) 20 июня 1945 г. отказало в откомандировании старшему механику и военруку средней школы с формулировкой – «за неимением кадров в районе»²⁷. В Красноармейском районе в

1944–1945 гг. из 46 рассмотренных заявлений, 13 получили отказ с примерной формулировкой «нет возможности произвести замену». Среди получивших отказ – конюх, учитель, бухгалтер, секретарь парторганизации²⁸. Вместе с тем районные власти могли пойти навстречу желаниям ряда граждан, но после выполнения ими определенного объема своих обязанностей. Так, 2 декабря 1944 г. бюро Безьянского райкома ВКП(б) разрешило отъезд бухгалтеру и председателю колхоза, но лишь после сдачи ими полного годового отчета²⁹.

Самым незначительным образом влияла на численность эвакуированного населения реэвакуация учреждений науки, образования и культуры. Отъезды из Саратова работников МХАТа в июле 1942 г, Московской консерватории в сентябре 1943 г. и Ленинградского университета летом 1944 г. почти не сказались на темпах реэвакуации – количество эвакуированной научной и художественной интеллигенции было несравнимо с числом рабочих и колхозников³⁰.

Также нам пока не удалось обнаружить каких-либо специальных документов о реэвакуации детдомов. По-видимому, детей, оставшихся без родителей, решено было не эвакуировать. Исключение составляет лишь реэвакуация детских домов для испанских детей, санкционированная правительством 25 апреля 1944 г.³¹ Вместе с тем воспитанники некоторых эвакуированных детских интернатов, родители которых находились не в Саратовской области, по мере освобождения территорий СССР направлялись к семье. Так, в течение 1942 г. обратно к родителям в Москву были отправлены 34 воспитанника Бородаевского интерната № 1 (Марковский район). Их отъезды продолжились и в 1943 г., при этом уезжали преимущественно ребята старшего возраста³².

Некоторые общие статистические сведения об изменении численности эвакуантского населения в Саратовской области приведены в таблице.

Анализируя причины изменения численности эвакуированного населения, стоит признать, что все вышеописанные формы реэвакуации не могут в полной мере объяснить причины сокращения общего числа переселенцев. Некоторые факторы, не связанные с реэвакуацией, но непосредственным образом влиявшие на численные показатели, легко объясняются общими процессами военного времени. Мы имеем в виду, прежде всего, смертность среди гражданского населения Советского Союза, которая в среде эвакуантского населения была выше (иногда существенно выше), чем среди основного населения тыловых регионов страны. Вторым фактором нужно считать мобилизации в армию.

Для понимания всей полноты реэвакуационных процессов необходимо рассмотреть так называемую «внеплановую» реэвакуацию, в которую входят самостоятельная (часто самовольная) и незаконная реэвакуация. Эта реэвакуация большей частью проходила без должного государственного контроля и каких-либо законодательных санкций.

Таблица 1

Численность эвакуированного населения в Саратовской области в 1942–1946 годы.

Месяц	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.
Январь	312 500	307 863	241 900		45 890
Февраль				95 800	
Март			208 400		
Апрель		307 000	165 000	77 100	
Май					37 555
Июнь	298 798	304 800	135 900	67 088	
Июль		303 600			
Август			112 600		
Сентябрь			111 000		33 242
Октябрь	337 411	285 700			
Ноябрь					28 356
Декабрь			108 600		

Таблица составлена по материалам: ГАРФ. Ф. А–327. Оп. 2. Д. 26. Л. 1; Д. 390. Л. 2; Д. 393. Л. 8 об.; Д. 404. Л. 2, 5, 8; Д. 423. Л. 14, 16, 19, 21, 23, 25, 27; Д. 716. Л. 12; Д. 724. Л. 2, 6, 8, 21; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3101. Л. 60; Д. 4093. Л. 139.

Сама специфика подобного рода реэвакуационных процессов повлияла на их крайне неравномерное отражение в источниках, однако мы попытаемся в общих чертах осветить этот вопрос.

Тяжелые материально-бытовые условия жизни, а также недостаточная работа по организации хозяйственного устройства эвакуантов привели ряд городских и сельских жителей к мнению о невозможности своего дальнейшего пребывания в эвакуации³³. С конца декабря 1941 г. в ряде районов Заволжья стали отмечаться «настроения неорганизованного возвращения в освобожденные районы», а чуть позже уже «неконтролируемые отъезды» из области эвакуированного населения³⁴. Люди стали осаждать райкомы ВКП(б) с просьбами о выдаче пропусков и о выезде обратно³⁵. Причем отмечено, что эвакуанты уезжали как на прежние места жительства, так и в соседние области. Ситуацию усугубляла относительная близость Саратовского Поволжья к основным местам выхода эвакуированного населения; переселенцев, желающих самостоятельно возвратиться домой, например, из Западной Сибири, было, конечно, намного меньше. Встречая препятствия к отъезду, крестьяне нередко заявляли, что с наступлением «... теплых весенних дней они пешком дойдут до своих старых мест без всяких справок и транспорта». Саратовский обком партии видел свою задачу в организации на местах агитационно-пропагандистской работы среди переселенцев³⁶. Однако, как показали последующие события, до конца проблему неконтролируемых отъездов из-за низкого уровня жизни решить не удалось.

Все более набирающий обороты процесс стихийного выезда эвакуированных из сельской местности был особенно болезненным для экономики области. Плохая организация снабжения продуктами питания, топливом, промтоварами, трудности с устройством на работу обусловили усиление самостоятельной реэвакуации. Напри-

мер, в конце 1942 г. в ряде районов Заволжья тяжелая ситуация со снабжением хлебом вынудила ряд эвакуированных граждан переселяться в другие районы или добиваться выезда за пределы области. В 1943 г. на заседании исполкома облсовета отмечалось, что подобные явления распространились значительно шире. В Аркадакском, Ртищевском, Новоузенском, Питерском, Приволжском и др. районах выезды приобрели «стихийный и массовый характер». Были очевидны негативные хозяйственные последствия подобных явлений, особенно для бывших немецких районов, однако, не везде местное руководство предпринимало меры к улучшению жизни эвакуантов³⁷.

Для жителей, эвакуированных в сельскую местность, для населения, не связанного с оборонным производством, не было какого-то четкого механизма, регулирующего процесс выезда за пределы области или каким-либо образом препятствующего ему. Граждане, решившие покинуть территорию области, должны были получить соответствующее разрешение от районного руководства. С этим разрешением органы милиции выдавали специальный пропуск на право проезда по железнодорожным и водным путям, при этом наличие данного пропуска в полной мере не контролировалось. В специальной инструкции указывалось, что одной из категорий граждан, могущих получить подобные пропуска, являются эвакуированные³⁸.

Как свидетельствуют документы, желающих воспользоваться подобным порядком было много и особых препятствий, по крайней мере в 1942–1943 гг., для отъезда не было. Только за один день, 30 июля 1942 г., в Клинецком районе было выдано 80 подобных пропусков, в подавляющем большинстве на эвакуированных. В Терновском и Ртищевском районах за период мая–августа 1942 г. из примерно 900 пропусков, большая часть пришлась на возвращающихся эвакуантов. Граждане честно признавались, что уезжают домой, к

родным или по вызовам с места работы. Никаких запрещающих мер принято не было³⁹.

Из вышеприведенной таблицы видно, что наиболее резкий «обвал» численности переселенцев происходил с конца 1943 г. и в первой половине 1944 г. Ряд документов этого периода фиксирует массовый наплыв возвращающегося населения в крупных городах области. На железнодорожных станциях Саратов-1 и Саратов-2, станциях Ртищево и Балашова в декабре 1943 – январе 1944 г. наблюдалось скопление огромных людских масс. Ввиду нахождения их в эвакуопунктах и вокзалах до 5–6 дней возникли большие затруднения с питанием и отправкой. Ситуация напоминала осень–зиму 1941 г. Облисполком постановил организовать дополнительное питание для реэвакуируемого населения и обеспечить нужное количество эшелонов для его отправки⁴⁰. Однако ситуация усугубилась в марте–апреле 1944 г., когда в Саратове возникли еще большие сложности с организацией питания и медицинского обслуживания реэвакуантов. Пункты питания не были рассчитаны на столь значительный наплыв населения. Например, столовая головного буфета РУЖД могла обслужить в день только половину из 4 000 человек. Саратовские власти предприняли ряд мер с целью ликвидации подобных явлений, а в апреле секретариат обкома просил у Наркомата торговли выделения дополнительных фондов продуктов питания⁴¹.

Подобные явления во многом были обусловлены массовым наплывом сельского населения области. Только за один месяц, в период с марта по апрель 1944 г., его количество сократилось с 152 600 до 111 000 человек⁴². Райсоветы по собственной инициативе и по желаниям жителей «давали добро» на массовое возвращение в освобождённые районы. 6 мая 1944 г., выполняя распоряжение СНК РСФСР, исполкомом областного Совета было принято решение, запрещающее «... исполкомам райсоветов депутатов трудящихся области производить, без специального разрешения правительства, массовое возвращение эвакуированного населения в районы, освобожденные от немецкой оккупации». Теперь райисполкомы при непосредственном участии представителей областей и республик, командированных для подготовки реэвакуации, должны были взять на строгий учет все эвакуонаселение и составить чёткие планы его отправки. Подобное решение было несомненным плюсом, устраняющим хаос в реэвакуационных потоках. Также указанное решение предполагало и ряд мер, существенно улучшавших обслуживание реэвакуантов (питание, медико-санитарную обработку, подачу эшелонов)⁴³.

Все эти процессы можно назвать самовольной, фактически неконтролируемой государством реэвакуацией, однако с правовой точки зрения в самостоятельной реэвакуации серьезных нарушений не было. Иначе дело обстояло с миграцией городских жителей. Значительное число эвакуантов

составляли рабочие заводов, имевших оборонное значение. Развивая Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., 26 декабря 1941 г. был обнародован новый документ, запрещающий самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военной промышленности и обслуживающих ее отраслей. В течение 1942 г. действие Указа было распространено на большое число рабочих невоенной промышленности. Теперь по приговору Военного трибунала лица, ушедшие с предприятия, официально считались дезертирами производства и могли получить срок тюремного заключения от 5 до 8 лет⁴⁴. Однако суровые будни военного тыла заставляли людей искать лучшей доли. Только за период с 1 ноября 1942 г. по 31 января 1943 г. в Военный трибунал войск НКВД Саратовской области поступило 4 199 дел. В Сталинском районе Саратова за первое полугодие 1944 г. «дезертировало» с предприятий 1 222 человека⁴⁵.

Во всех документах этого периода главной причиной фактических побегов назывались «неудовлетворительные жилищно-бытовые условия». Нельзя, конечно, утверждать, что все, кто покидал промышленные предприятия, были эвакуированными, но во всех документах отмечено, что процент эвакуированных был особенно высок, часто составлял более 50%. Не все «дезертиры» отправлялись именно в места прежнего жительства, тем более что многие территории еще не были освобождены от врага. Тем не менее очевидно, что уход рабочих с предприятий самым непосредственным образом влиял на численность эвакуонаселения. Устойчивое число «дезертиров» на предприятиях области сохранялось на протяжении всех военных лет⁴⁶.

Помимо неудовлетворительных материальных условий жизни были и другие причины для незаконного оставления работы. По мере освобождения ряда территорий Советского Союза от врага все более усиливалось желание жителей вернуться домой. Например, на заводе № 572 в 1944 г. руководство по этому поводу отмечало настроение части рабочих: «начинаются неправильные приемы изыскания способов уехать из Саратова». В результате на заводе № 572 за восемь месяцев 1944 г. зафиксировано 113 незаконных уходов⁴⁷. В ноябре 1942 г. в связи с введением военного положения в Саратове и налетами вражеской авиации среди молодых рабочих заводов ГПЗ-3, «Серп и молот» и др. распространились настроения неуверенности и беспокойства, даже паники. Они стали покидать предприятия и пределы области. Значительное число из них составляли именно эвакуированные⁴⁸.

Все эти факты заставили власти пойти на ужесточение мер в отношении «правонарушителей»⁴⁹, но в целом «антидезертирская кампания» была провалена⁵⁰.

Таким образом, формы реэвакуации населения из Саратовской области можно разделить на

две большие группы. В первую войдет реэвакуация, осуществляемая и контролируемая государством, – плановая реэвакуация. Претворение ее в жизнь основывалось на принятии различного рода постановлений и решений высших органов власти. Мы выделим следующие ее формы:

- реэвакуация сотрудников центральных государственных учреждений,
- реэвакуация в форме помощи освобожденным районам (откомандирование),
- реэвакуация граждан по профессиональному признаку,
- целенаправленная реэвакуация жителей конкретного региона страны,
- реэвакуация учреждений науки и культуры,
- частичная реэвакуация детского населения,
- реэвакуация, осуществляемая по вызовам родственников или отзывам с прежнего места работы.

Вторую группу образует внеплановая реэвакуация, участие и контроль государства в которой был значительно слабее. В нее входят:

- самостоятельная или самовольная реэвакуация. Она не всегда одобрялась властями, но четких законодательных актов для ее проведения не было, а потому какими-либо юридическими нарушениями она не сопровождалась. Эта форма реэвакуации касается преимущественно жителей сельской местности;
- незаконная реэвакуация («дезертирство»). Осуществлялась путем нарушения существовавших юридических норм. Касается исключительно рабочих и служащих предприятий, попадавших под действие Указов от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г.

Реэвакуация населения из Саратовской области проходила и после войны, но масштабы её были несравнимо меньше военных лет. Для нас же важно отметить, что никаких принципиально новых форм реэвакуации не появилось.

Примечания

- 1 См.: Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. М., 2001. Т. 2. С. 78.
- 2 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-461. Оп. 4. Д. 129. Л. 7–8.
- 3 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2484. Л. 2, 6.
- 4 Там же. Д. 2712. Л. 60.
- 5 См.: Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 384; Рабочий класс Советского Союза накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М., 1984. С. 353.
- 6 См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 90–94.
- 7 См.: Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. С. 276.

- 8 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А–327. Оп. 2. Д. 26. Л. 25.
- 9 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2705. Л. 22–22 об.; Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы 1941–1945 гг. Саратов, 1969. С. 114–115 (подсчитано автором).
- 10 См.: Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны. М., 1946. С. 55–56.
- 11 ГАРФ. Ф. А–327. Оп. 2. Д. 390. Л. 2; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4093. Л. 139.
- 12 ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 220. Л. 150–150 об., 167–167 об.; Д. 232. Л. 75; Д. 234а. Л. 60а–60а об.; Д. 233. Л. 57–58; Оп. 6. Д. 83. Л. 152–152 об.
- 13 Там же. Оп. 1. Д. 232. Л. 142; Д. 234а. Л. 22–22 об., 154–154 об.; Оп. 6. Д. 83. Л. 32–32 об.
- 14 ГАРФ. Ф. А–327. Оп. 2. Д. 26. Л. 25.
- 15 ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 220. Л. 150–150 об., 167–167 об.; Д. 232. Л. 75, 142; Д. 233. Л. 57–58; Д. 234а. Л. 22–22 об., 60а–60а об., 154–154 об.; Д. 236. Л. 48–49, 186–186 об.; Д. 240. Л. 21; Оп. 6. Д. 54. Л. 167–167 об.; Д. 60. Л. 53; Д. 70. Л. 73–73 об., 77–77 об.
- 16 Там же. Оп. 1. Д. 219. Л. 227–227 об.; Оп. 6. Д. 70. Л. 68–68 об.
- 17 Там же. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 236. Л. 3, 6.
- 18 Там же. Д. 234. Л. 127; Д. 236. Л. 329.
- 19 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3759. Л. 21–23; ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 220. Л. 181–181 об.
- 20 ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 232. Л. 161; Д. 236. Л. 296–296 об.; Оп. 6. Д. 87. Л. 67; Д. 89. Л. 138–138 об.
- 21 Там же. Оп. 6. Д. 91. Л. 38–38 об.
- 22 Там же. Д. 90. Л. 42–42 об.; Д. 107. Л. 278; Оп. 1. Д. 262. Л. 168–169.
- 23 Там же. Оп. 6. Д. 90. Л. 57–57 об.; Д. 92. Л. 190–190 об.; Д. 105. Л. 139–139 об.
- 24 Там же. Оп. 1. Д. 236. Л. 343; Д. 262. Л. 168; Оп. 6. Д. 90. Л. 42, 57 об.; Д. 92. Л. 190; Д. 105. Л. 139–139 об.; Д. 107. Л. 278.
- 25 ГАНИСО. Ф. 2905. Оп. 16. Д. 2. Л. 173; Оп. 2а. Д. 1. Л. 15 об., 31, 155, 200 об., 224–224 об.; Ф. 5031. Оп. 1. Д. 16. Л. 84.
- 26 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3103. Л. 1; Д. 4080. Л. 1; Ф. 2905. Оп. 2а. Д. 1. Л. 224 об.; Ф. 5031. Оп. 1. Д. 16. Л. 23; Д. 45. Л. 45, 96 об.
- 27 Там же. Ф. 5031. Оп. 1. Д. 103. Л. 73.
- 28 Там же. Ф. 4621. Оп. 4. Д. 3. Л. 22–23, 30–30 об., 46 об., 50–50 об., 143–143 об.; Оп. 5. Д. 4. Л. 42–42 об., 75.
- 29 Там же. Ф. 2905. Оп. 2а. Д. 1. Л. 200 об.
- 30 См. подробнее: *Баринов Д.Б., Голуб Ю.Г.* Судьбы российской художественной интеллигенции в условиях сталинского режима. Саратов, 2002. С. 94, 100; *Аврус А.И.* Пребывание Ленинградского университета в Саратове в годы Великой Отечественной войны // Клио. 2009. № 3. С. 102.
- 31 ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 233. Л. 35–37.
- 32 Там же. Ф. Р–2215. Оп. 3. Д. 9. Л. 1, 31.
- 33 ГАНИСО. Ф. 2905. Оп. 1а. Д. 5. Л. 43а.
- 34 Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 34–35.

- ³⁵ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2328. Л. 42.
- ³⁶ Там же. Д. 2678. Л. 38–39; Д. 2331. Л. 76–77.
- ³⁷ Там же. Д. 3108. Л. 99–100; ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 6. Д. 67. Л. 70–70 об.; Долгов В.М. Нижневолжская деревня в Великой Отечественной войне. Саратов, 1983. С. 50.
- ³⁸ ГАСО. Ф. Р–2374. Оп. 10. Д. 3. Л. 183.
- ³⁹ Там же. Л. 302, 309–310.
- ⁴⁰ Там же. Ф. Р–1738. Оп. 6. Д. 76. Л. 95–95 об.
- ⁴¹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3347. Л. 68–68 об.; Д. 3702. Л. 124.
- ⁴² ГАРФ. Ф. А–327. Оп. 2. Д. 423. Л. 25, 27.
- ⁴³ ГАСО. Ф. Р–1738. Оп. 1. Д. 236. Л. 9–9 об.
- ⁴⁴ См.: Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1942; С. 78–79; Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М., 1948. С. 208–209.
- ⁴⁵ ГАСО. Ф. Р–2374. Оп. 11. Д. 7. Л. 54; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3807. Л. 130.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. Р–2374. Оп. 11. Д. 7. Л. 54–55 об., 89–96, 149–152.
- ⁴⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3708. Л. 3 об.; Д. 3807. Л. 136.
- ⁴⁸ Там же. Д. 2712. Л. 16.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. Р–2374. Оп. 11. Д. 2. Л. 189–189 об.
- ⁵⁰ См. подробнее: *Кодинцев А.Я.* Кампания по борьбе с «дезертирством» с предприятий военной промышленности СССР в 1941–1948 годах // Отечественная история. 2008. № 6.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алдаркин Сергей Артурович, соискатель кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: ravus@inbox.ru

Александров Алексей Анатольевич, соискатель кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: Alexandrova25071974@yandex.ru

Астахова Мария Анатольевна, аспирантка кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, e-mail: mariposa.9@gmail.com

Булатов Иван Александрович, аспирант кафедры «История Отечества и культуры» Саратовского государственного технического университета, e-mail: kisum-333@yandex.ru

Донецкий Павел Борисович, аспирант кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: pbd86@mail.ru

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: ZaytsevMV@info.sgu.ru

Зайцева Марина Анатольевна, аспирантка кафедры истории нового и новейшего времени Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: Gontarevama@mail.ru

Ильченко Элеонора Валерьевна, аспирантка кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: coursistca@rambler.ru

Кайль Анна Вячеславовна, аспирантка кафедры «История Отечества и культуры» Саратовского государственного технического университета, e-mail: kaylanna@mail.ru

Клейтман Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики Волгоградской академии государственной службы, e-mail: kleytman@vags.ru

Козурман Сергей Олегович, аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: kozurman@front.ru

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: kochukovasgu@mail.ru

Латыпов Ильшат Рафаэлевич, аспирант отдела новой и новейшей истории Института истории Академии наук Республики Татарстан, e-mail: beaulatipov@yandex.ru

Лосин Даниил Олегович, аспирант кафедры культурологии Саратовского государственного технического университета, e-mail: losina@srd.ru

Морозов Андрей Геннадьевич, соискатель кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: Morozko-kaluga1981@rambler.ru

Мосолкин Сергей Валерьевич, аспирант кафедры «История Отечества и культуры» Саратовского государственного технического университета, e-mail: Mosolkinsv@mail.ru

Порошин Алексей Алексеевич, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры управления мобилизацией Военного института повышения квалификации специалистов мобилизационных органов ВС РФ, г. Саратов, e-mail: Alexei_pensioner@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Сачкова Галина Сергеевна, соискатель кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: Skj-gale@mail.ru

Синельникова Елена Николаевна, аспирантка кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: sinelnikovaen@mail.ru

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: TotfalusinVP@info.sgu.ru

Философов Игорь Юрьевич, аспирант кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: ifilosofov@gmail.ru

Шаповская Светлана Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры коммуникационного менеджмента Пензенского государственного университета, e-mail: svetashpak1@mail.ru

Шаповский Вячеслав Олегович, кандидат исторических наук, доцент кафедры коммуникационного менеджмента Пензенского государственного университета, e-mail: slavashpak1@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aldarkin Sergey Arturovich, an applicant of History PhD, the Medieval History chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: ravus@inbox.ru

Alexandrov Alexey Anatolyevich, an applicant of History PhD of the chair of Domestic History in the Modern Times in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: Alexandrova25071974@yandex.ru

Astakhova Maria Anatolyevna, a postgraduate student of the Russian Foreign Policy and International Relations chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: mariposa.9@gmail.com

Bulatov Ivan Alexandrovich, a postgraduate student of the History of Russia and Culture chair of Saratov State Technical University, e-mail: kisum-333@yandex.ru

Donetski Pavel Borisovich, a postgraduate student of the Medieval History chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: pbd86@mail.ru

Ilyichenko Eleonora Valerievna, a postgraduate student of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: coursisca@rambler.ru

Filosofov Igor Yurievich, a postgraduate student of the Medieval History chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: ifilosofov@gmail.ru

Kayle Anna Vyacheslavovna, a postgraduate student of the History of Russia and Culture chair of Saratov State Technical University, e-mail: kaylanna@mail.ru

Kleytman Alexander Leonidovich, a History PhD, a senior lecturer of the History and theory of politics chair in Volgograd Academy of Public Administration, e-mail: kleytman@vags.ru

Kochukova Olga Viktorovna, History PhD, a senior lecturer of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: kochukovasgu@mail.ru

Kozurman Sergey Olegovich, a postgraduate student of the chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: kozurman@front.ru

Latypov Ilshat Rafaelevich, a postgraduate student of the department of Modern and Contemporary History in the Institute of History of the Academy of sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: beaulatipov@yandex.ru

Losin Daniil Olegovich, a postgraduate student of the Culturology chair of Saratov State Technical University, e-mail: losina@srd.ru

Morozov Andrey Gennadievich, an applicant of History PhD of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: Morozko-kaluga1981@rambler.ru

Mosolkin Sergei Valeryevich, a postgraduate student of the History of Russia and Culture chair of Saratov State Technical University, e-mail: Mosolkinsv@mail.ru

Poroshin Alexei Alexeevich, a Pedagogy PhD, a senior lecturer, professor of Management chair of Military Institute of professional development for mobilization of the armed forces of Russian Federation (MIPDM AF RF), Saratov, e-mail: Alexei_pensioner@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, a History PhD, an assistant of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Sachkova Galina Sergeevna, an applicant of History PhD of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: Skj-gale@mail.ru

Shpakovskay Svetlana Vjacheslavovna, a History PhD, a senior lecturer of the chair of the Communication management of Penza State University, e-mail: svetashpak1@mail.ru

Shpakovsky Vjacheslav Olegovich, History PhD, a senior lecturer of the chair of the Communication management of Penza State University, e-mail: slavashpak1@mail.ru

Sinelnikova Elena Nikolaevna, a postgraduate student of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: sinelnikovaen@mail.ru

Totfalushin Viktor Petrovich, a History PhD, a senior lecturer of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

Zaytsev Maxim Vyacheslavovich, a History PhD, a senior lecturer of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: ZaytsevMV@info.sgu.ru

Zaytseva Marina Anatolyevna, a postgraduate student of the Modern and Contemporary History chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: Gontarevama@mail.ru

Подписка на I полугодие 2012 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018.

Раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 2 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам

непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

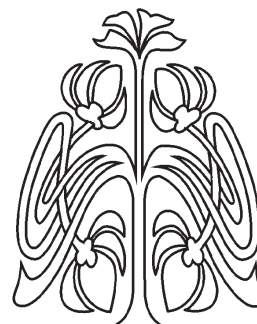
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ

